

КФЭУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Казанский государственный энергетический университет»

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ
КОММУНИКАЦИИ**

ЧАСТЬ I. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

Казань
2021

УДК 008
ББК 71
К90

Рецензенты:

канд. пед. наук, доц. ФГБОУ ВО «КГМУ» *А. Г. Евдокимова*;
канд. филос. наук, проф. ФГБОУ ВО «КГЭУ» *Ф. М. Нуриахметова*

К90 **Культурология и межкультурные коммуникации** : учебное пособие. В 2 частях. Часть I. Теория культуры / составитель З. Р. Слесаренко. – Казань : КГЭУ, 2021. – 126 с.

В представленном учебном пособии рассматривается основной раздел культурологии – теория культуры. Пособие представляет собой учебный комплекс, который включает в себя: теоретический материал, сгруппированный по двенадцати темам; контрольные вопросы для повторения изучаемого материала; хрестоматийные тексты к каждой теме с перечнем вопросов для самопроверки.

Предназначено для студентов всех форм обучения по образовательной программе направления подготовки 20.03.01 Техносферная безопасность, направленность (профиль) «Инженерная защита окружающей среды», а также может быть полезно для всех, кто интересуется возможностями человека как творца современной культуры.

УДК 008
ББК 71

ВВЕДЕНИЕ

Культурология – комплекс наук о культуре. Ее основной целью является понимание культуры и культурных феноменов. Культурологическое знание, характеризующее культуру как целостное, многоаспектное явление, возникло в процессе интеграции социогуманитарных наук (философии, истории, социологии, искусствоведения, психологии и др.). В широком смысле слова под культурой понимается специфически человеческий способ жизнедеятельности. Культура – это те внебиологические неосознаваемые основы существования человека, которые определяют выбор им повседневных моделей поведения и способов коммуникации.

Для переживающего глобализацию информационного общества острой стала проблема взаимопонимания представителей различных слоев и типов культуры, в связи с чем культурологическое знание приобрело особую актуальность. Поэтому выпускники высших учебных заведений должны понимать особенности современных культурных процессов и тенденций, ориентироваться в условиях стремительно меняющейся культуры и уметь успешно осуществлять многообразную социокультурную коммуникацию.

В пособии рассмотрены основные темы и теоретические понятия дисциплины «Культурология и межкультурная коммуникация», его структура состоит из 2-х взаимодополняющих частей:

I часть – основное содержание тем дисциплины (теоретическое осмысление темы, основные понятия культурологии, практические задания для усвоения теоретического материала);

II часть – тексты (хрестоматия, где собраны материалы, которые позволяют расширить кругозор читателя по общим и частным проблемам).

Общей целью данного пособия является систематическое и развёрнутое изложение современных представлений о сложном и многообразном феномене культуры. Оно поможет не только в изучении дисциплины культурология, но и в понимании тех проблем, решение которых развивало культуру человека.

Теоретический материал ни в коей мере не ограничивает возможности каких-то привнесений, дополнений или изменений со стороны тех, кому они будут полезны при изучении данной дисциплины. Ведь культура во многом определяется творчеством и самотворчеством человека.

В процессе изучения материала, предоставленного в данном пособии, у студентов формируются следующие способности:

– осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде;

– воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Глава 1. КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НАУКА

1.1. Предмет и задачи культурологии

Культурология (от греч. – «слово») – это гуманитарная наука о сущности и формах проявления культуры как специфического способа человеческой жизнедеятельности, закономерностях ее возникновения и функционирования.

Культурологическое знание носит интеграционный характер. Культурология изучает не только культуру в целом, но и различные, часто весьма специфические формы культурной жизни, взаимодействуя с такими отраслями гуманитарного знания, как философия, социология, история, антропология, этнология, психология и лингвистика.

Предметом культурологии является совокупность вопросов происхождения, функционирования и развития культуры как специфически человеческого способа жизни, отличного от мира живой природы.

Основные задачи культурологии:

- глубокое и целостное объяснение культуры, ее сущности, содержания, признаков и функций;
- изучение генезиса (происхождения и развития) культуры в целом, а также отдельных явлений и процессов в ней;
- определение места и роли человека в культурных процессах;
- взаимодействие с другими науками, изучающими культуру;
- разработка методов и средств изучения культуры;
- изучение сведений о культуре, пришедших из искусства, философии, религии и других областей, связанных с ненаучным познанием культуры;
- исследование развития отдельных культур.

Культурология – это наука о культуре. Этот специфический предмет отличает ее от других социальных, гуманитарных дисциплин и объясняет необходимость ее существования как особой отрасли знания.

1.2. Становление культурологии как науки

Культурология как наука начинает свое развитие в конце XIX – начале XX вв. Своим статусом самостоятельной науки она обязана ведущему американскому антропологу и культурологу Лесли Элвину Уайту (1900–1975). Л. Уайт утвердил в науке термин «культурология», развил понятие «культура», охарактеризовав ее как специфический класс явлений, имеющий

символическое значение и присущий только человеческому сообществу, определил предметное поле культурологии.

Неоценимый вклад внесла в формирование данной науки культурная антропология (английский этнограф, культуролог, исследователь первобытной культуры Эдуард Бернард Тайлор (1832–1917)).

1.3. Структура культурологии

Структура культурологии подразделяется по уровням познания и обобщения. Прежде всего, существует разделение культурологии на теоретическую (фундаментальную) и прикладную.

Теоретическая (фундаментальная) культурология изучает культурные процессы на основе общих закономерностей социокультурной жизни с целью теоретического и исторического познания этого феномена и разрабатывает основные категории и методы исследования.

Направления фундаментальной культурологии:

Теория культуры занимается общим осмыслением культуры, выявлением её сущности, структуры, функций, ведущих тенденций (философия культуры).

Историко-культурные исследования направлены на изучение исторических типов культуры, их достижений, ее религиозного аспекта, мифологии, культурологические аспекты искусствоведения и эстетики.

Социология культуры изучает деятельность культурных институтов, занимается социокультурным прогнозированием, исследованиями процессов социализации и инкультурации личности.

Психология культуры исследует взаимоотношения человека и культуры, процессы становления духовного мира личности, культурно-исторические типы личности.

Культурная семантика изучает культурные объекты с точки зрения выражаемого ими смысла, значения.

Культурная антропология направлена на изучение этнических элементов культуры, процессов взаимодействия национальных культур, особенностей языков и других средств коммуникации разных народов.

Прикладная культурология, опираясь на теоретические знания, ставит целью прогнозирование, проектирование и регулирование актуальных культурных процессов, имевших место в социальной практике, разрабатывает основные направления культурной политики, цели и методы деятельности сети культурных институтов, задачи и технологии социокультурного взаимодействия, охраны и использования культурного наследия.

1.4. Методы культурологических исследований

Культурология как комплексная наука использует все методы социогуманитарного познания.

Наиболее часто применяют следующие методы:

– **аксиологический (ценностный) подход** связан с изучением культуры как совокупности ценностей, которые понимаются как идеалы, к достижению которых стремится данное общество. Этот подход подчеркивает противоположность культуры природе, а также то, что не все явления социальной жизни являются частью культуры. Ценности существуют лишь по отношению к людям, поэтому в данном подходе изучаемые феномены соотносятся с человеком, его потребностями и интересами;

– **семиотический метод**, основанный на учении о знаках, позволяет изучить знаковую структуру (систему) текста или любого другого культурного объекта как символа определенной культуры;

– **герменевтический метод** – понимание и интерпретация текстов, исторических памятников и феноменов культуры в русле традиций с помощью языка;

– **социокультурный анализ** – междисциплинарный метод, который изучает закономерности развития общества и культуры, объединяя историко-аналитический, социологический, социально-философский подходы. В рамках этого подхода культура изучается в связи с социальным пространством, которое рассматривается как внеприродная, связанная с человеческой деятельностью реальность;

– **диахронический метод** – рассмотрение явлений, факторов, событий культуры в хронологической последовательности их появления и протекания, анализ предпосылок, процесса возникновения, этапов развития изучаемого культурного явления;

– **синхронический метод** – анализ двух или нескольких культур на определенном временном отрезке, с учетом существующих взаимосвязей и возможных противоречий;

– **компаративный (сравнительный) метод** – область культурологических исследований, которая занимается сравнительным изучением двух или нескольких национальных или этнических культур в процессе взаимодействия, взаимовлияния, установлением закономерностей, их своеобразия и сходства. Раскрываются в основном внешние связи культуры, обращенные к инонациональной сфере, выявляются общее и особенное в национальной культуре;

– **феноменологический** – метод, который описывает, упорядочивает факты и культурные явления в соответствии с их естественной взаимозависимостью. Цель метода: описывать, а не объяснять, воспроизводить факты культуры так, как они предстают в наблюдении;

– **структурно-функциональный метод** – выявление внутренней связи, соотношения между культурами и определение роли каждого элемента в функционировании культуры в целом;

– **типологический метод** – предполагает изучение структур системы культуры путем восхождения от абстрактного к конкретному и выявления на этой основе типологической близости и историко-культурного процесса;

– **психологический метод** важен при изучении особенностей национальной культуры, национального характера;

– **биографический метод** подразумевает анализ жизненного пути деятеля культуры для лучшего понимания его внутреннего мира; позволяет изучать культуру как характеристику человека, как «меру человеческого в человеке».

В процессе культурологического анализа используются также частные методы конкретных дисциплин, составляющих эмпирическую базу для культурологии. Здесь применяются традиционные полевые **антропологические методы** (описание, классификация); **методы психологии и социологии** (наблюдение, открытые интервью, массовый опрос); **методы исторических наук** (анализ исторических источников, вещественные, этнографические и устные источники).

Контрольные вопросы

1. Какие науки заложили фундамент культурологии?
2. К какому времени относится становление культурологии как самостоятельной науки?
3. В чем специфика культурологического знания и какова его структура?
4. Что является предметом культурологического анализа?
5. Каковы цели и задачи фундаментальной и прикладной культурологии?
6. Назовите методы культурологического исследования.

Глава 2. КУЛЬТУРА В РАМКАХ КУЛЬТУРОЛОГИИ

2.1. Понятие «культура»

Этимологически слово «культура» происходит от латинского языка «*cultio*», что означает «обработка, возделывание». Впоследствии этот термин закрепился за понятием «облагораживания культуры». Сегодня термин «культура» требует научного осмысления и исследования.

Многогранность культурного мира (народная, массовая, политическая культуры и т.п.) приводит к тому, что появляется проблема определения понятия «культура». Существует несколько его определений:

1) сельскохозяйственное разведение, возделывание; возделываемое, культивируемое растение; 2) образованность, воспитанность; 3) совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни; уровень таких достижений в определенную эпоху у какого-либо народа; уровень, ступень развития какой-либо отрасли производственной или умственной деятельности, например, музыкальная культура.

2.2. Формирование понятия «культура» в истории философской мысли

Философскими и историческими аспектами культуры занимались в разное время и разные мыслители.

Античность: Впервые слово «культура» встречается в трактате о земледелии Марка Порция Катона Старшего (234–149 до н.э.), который посвящен не просто обработке земли, а уходу за полем, что предполагает не только возделывание, но и особое душевное отношение к ней. Цицерон Марк Туллий (древнеримский оратор и философ (106–43 до н.э.)) придавал понятию культуры значение «культивирование души».

Западноевропейское Средневековье: Августин Аврелий (Блаженный) (354–430) – христианский теолог и основоположник философии истории, понимал под «культурой» овладение человеком нравственными истинами христианского вероучения.

Эпоха Нового времени: Пуфендорф Самуэль (великий немецкий юрист XVII в. (1632–1694)) применил термин «культура» к «человеку искусственному», воспитанному в обществе, в противоположность человеку «естественному», необразованному; Иоганн Готфрид Гердер (немецкий просветитель (1744–1803)) трактовал культуру как ступень человечества

через развитие науки и просвещения; Вильгельм Гумбольдт (немецкий философ (1769–1759)) считал, что «культура» – это совокупность всех человеческих творений и сам процесс их создания как реализация смысла человеческой жизни; Иммануил Кант (родоначальник немецкой классической философии (1724–1804)) связывал культуру с усовершенствованием разума.

Конец XIX – начало XX вв. – формирование теории культуры: Герберт Спенсер (английский философ и социолог (1820–1903)) рассматривал общество и культуру как организм; Бронислав Каспар Малиновский (британский антрополог польского происхождения (1884–1942)) связывал культуру и ее функционирование с удовлетворением деятельностных потребностей.

XX – начало XXI в.: множество теорий понятия «культура».

2.3. Основные научные школы в культурологии

Основные научные школы с их яркими представителями, а также предметами исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Школы в культурологии	Представители	Предмет исследования
Формационная школа	К. Маркс (1818–1883), Ф. Энгельс (1820–1895)	Общество в своем развитии проходит через определенные, сменяющие друг друга этапы, общественно экономические формации
Общественно-историческая или цивилизационная школа	Н.Я. Данилевский (1822–1885), О. Шпенглер (1880–1936), А. Тойнби (1889–1975)	Культура как живой организм, развивающийся во времени
Натуралистическая школа	З. Фрейд (1856–1939), К.Г. Юнг (1875–1961)	Культура (психологический аспект)
Структурно-символическая школа	Э. Кассирер (1874–1945), Ю.М. Лотман (1922–1993)	Роль лингвистики в развитии культуры
Социологическая школа	П.А. Сорокин (1889–1968), М. Вебер (1864–1920)	Общество и культура как единство

Остановимся более подробно на каждой из школ.

Общественно-историческая школа:

Н.Я. Данилевский («Россия и Европа») изложил свое видение 11-ти основных культурно-исторических типов или цивилизаций человечества. Культура как живой организм в развитии проходит четыре основные стадии «жизни»: рождение, расцвет, упадок, гибель.

О. Шпенглер («Закат Европы») сформировал идею о том, что каждый культурный организм является непостоянным, а динамично развивающимся. Цивилизация – это конечная стадия развития культуры.

Натуралистическая школа:

З. Фрейд («Тотем и табу», «Будущее одной иллюзии») утверждал, что для истолкования культуры огромное значение имеет ее понимание как системы запретов – табу (запреты на проявление бессознательных биологических инстинктов в эпоху первобытности); культура делает жизнь более безопасной, блокируя человеческие инстинкты, но этим наносит ущерб психическому здоровью человека, который разрывается между природными влечениями и культурными нормами, между грубыми половыми влечениями и социальностью, агрессивностью и моралью.

К.Г. Юнг («Архетип и символ») рассматривал культуру как диалог с бессознательным. Первоначальные коллективные представления о мире – это коллективное бессознательное (коллективные образы – архетипы, которые получили отражение в мифах и сказках народов мира).

Структурно-символическая школа:

Э. Кассирер («Философия символических форм») рассматривал культуру как процесс конструирования действительности посредством символов.

Ю.М. Лотман («Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история») трактовал многообразные феномены культуры как «тексты культуры», имеющие свою знаково-символическую природу.

Социологическая школа:

П.А. Сорокин («Человек. Цивилизация. Общество») показал, каким образом общество продуцирует нормы и ценности (идеальная, идеациональная, сенситивная (чувственная) культуры).

М. Вебер (автор теории «идеальных типов») выделил три «чистых» типа господства. Первый тип обусловлен рациональными интересами господствующих и их подчиненных, в основе второго типа лежат традиции, третий характеризуется эмоциональным восприятием власти.

2.4. Культура как мир человека

Культура как мир человеческих творений (артефакты) условно делится на духовную и материальную. К духовной культуре относятся: теории, идеи, мораль, нравственность, искусство и т.д. К материальной культуре относятся: орудия труда, жилища, посуда, мебель, техника и т.д.

Итак, можно сказать, что культура – это феномен, отличный от природных явлений, или вторая природа, созданная человеком; может быть рассмотрен как определённый аспект общества; а также выражает человека как индивидуальную личность, как творца и носителя культуры.

Контрольные вопросы

1. Что такое культура?
2. Расскажите об эволюции понятия «культура» в истории человечества.
3. Которое из философских определений понятия «культура» отражает современное понимание культуры? Аргументируйте свой ответ.
4. Укажите основные научные школы в культурологии.
5. Прокомментируйте с точки зрения динамики представлений о культуре высказывание Мэтью Арнольда (1822–1888), английского поэта, педагога, критика: «Культура – это стремление к совершенству посредством познания того, что более всего нас заботит, того, о чем думают и говорят... Культура – это стремление к благозвучию и свету, главное же – к тому, чтобы и благозвучие, и свет преобладали».

Глава 3. КУЛЬТУРОГЕНЕЗ И ЕГО КОНЦЕПЦИИ

3.1. Понятие «культурогенез»

Проблема культурогенеза является одной из сложных и дискуссионных в культурологии. Становление мира культуры произошло в результате длительного процесса взаимодействия биологической социальной эволюции, поэтому истоки культуры следует искать там и тогда, где появляется человек как мыслящее и разумное существо.

Культурогенез – это процесс зарождения и становления культуры, формирования ее основных характеристик. Он неразрывно связан с генезисом человека и общества.

Процесс культурогенеза начинается, когда у группы людей возникает необходимость в общих формах жизнедеятельности, приспособленных к определенным условиям времени и места, и достигает своего завершения, когда появляются стандарты и формы, закрепленные в обычаях и нравах.

Исторической неизбежностью культурогенеза стало развитие производственной деятельности человека. Происходили качественные изменения в системе жизнедеятельности человека, в восприятии и переработке информации, в формировании мышления знаками, языка мышления, постепенно перерастающего в словесно-понятийное сознание. Так началось формирование духовной области жизнедеятельности, проникнутой элементами духовной культуры.

Для того чтобы понять специфику культуры и логику ее развития в определенную историческую эпоху, необходимо учитывать общие закономерности культурно-исторического процесса в масштабах всей планеты.

3.2. Основные теории культурогенеза

Основные теории и авторы культурогенеза представлены в табл. 2.

Таблица 2

Название теории	Автор теории и название публикации	Сущность теории	Выводы по культурогенезу
1	2	3	4
Космологическая теория	В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилев, П. Тейяр де Шарден	Возникновение культуры есть результат космических процессов	Культура возникла в результате действия особых космических факторов, благодаря которым складываются благоприятные условия для развития человека

1	2	3	4
«Орудийно-трудовая»	Ф. Энгельс «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (в его работе «Диалектика природы»)	Труд – источник формирования сознания как основания культурной деятельности	Культура зарождается в эпоху первобытности с целью выживания человека. Культура присуща человеку как особому биологическому виду
«Психологическая»	З. Фрейд «Тотем и табу»	Культура как «табу» на проявления инстинктов первобытности. Культура как средство выживания человека	Культура зарождается в эпоху первобытности с целью выживания человека
«Символическая»	Э. Кассирер «Философия символических форм»	Символ – исходная форма культурного выражения мира	Культура зарождается в эпоху первобытности с целью выживания человека. Культура присуща человеку как особому биологическому виду. Культура как способ передачи опыта внегенетическим путем с помощью его материальной фиксации
«Игровая»	И. Хейзинга «Человек играющий»	Культура как игровой процесс	Культура присуща человеку как особому биологическому виду

Контрольные вопросы

1. Укажите специфику культурогенеза и определите его содержание в концепциях Ф. Энгельса, З. Фрейда, Й. Хейзинга, Э. Кассирера.

2. Каковы закономерности культурогенеза в истории человечества? Назовите этапы становления культуры.

3. В чем трудности орудийно-трудовой концепции культурогенеза Ф. Энгельса?

4. Каково значение игры в человеческой деятельности? Почему культура, возникнув из игры, отделилась от нее?

5. Чем объяснить возникновение тотемов и табу в культуре?

6. Какова роль символов в зарождении культуры?

Глава 4. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

На сегодняшний день существует огромное количество самых разных культур, причем каждая из них уникальна. Так, например, мы одновременно выступаем носителями национальной, профессиональной, духовной, социальной и прочих культур.

4.1. Понятия «тип», «типология»

Понятие «тип культуры» представляет собой форму, для которой свойственны конкретные характеристики, черты, признаки культуры.

Типология культуры – это способ выявления и обозначения культурных типов исходя из того или иного основания. Она позволяет нам систематизировать многочисленные проявления культуры, классифицировать культурные практики. Применяя понятие «тип культуры», мы можем лучше разбираться в многообразии культурных форм, давать характеристики разным культурам, а также видеть общее и различное в них. Все это служит более глубокому познанию культуры и упорядочиванию информации о ней.

Главное методологическое условие **типологизации** – это метод научного познания, с помощью которого все многообразие существующих на Земле культур упорядочивается, классифицируется, группируется в различные типы.

Критерии (основания) **типологизации** для выделения разных множеств, типов культур могут быть различными:

- этнографические критерии (быт, хозяйственный уклад, язык и др.);
- пространственно-географические критерии, лежащие в основе региональной типологии культур: африканская, сибирская, западноевропейская, латиноамериканская, дальневосточная и т.д.;
- хронологическо-временные, обуславливающие выделение таких типов культур, как: культура первых людей (первобытная культура); античный тип культуры; культура Средневековья; культура Возрождения; культура Просвещения; культура Нового времени; модернистская культура; постмодерн и т.п.
- современная обобщенная типология культур [3].

Следует понимать, что по одним признакам те или иные культурные единицы могут оказаться включенными в один тип культуры, а по другим основаниям – в иной.

4.2. Историческая типология культуры

Историческая типология культуры обязательно включает в себя исторические типы, которые образованы исходя из деления истории на конкретные эпохи. В рамках исторической типологии выделяют первобытную, средневековую, древнюю культуры, культуру Нового времени, эпохи Возрождения и т.д.

В целом, для исторического типа культуры характерны многие черты, которые свойственны исторической эпохе – античной, средневековой или современной. При этом каждый исторический тип обладает особым культурным своеобразием и характеризуется собственными чертами.

4.3. Этнический и национальный тип культур

В рамках этнического критерия выделения типа культуры лежат понятия: этнос и нация. Этнос является основой для формирования национальной идентичной культуры.

Этнос – исторически возникший вид устойчивой социальной группировки людей, представленный племенем, народностью, нацией. Термин «этнос» близок к понятию «народ» в этнографическом смысле.

В науке часто используется понятие «этничность», обозначающее существование отличительных этнических групп или идентичностей.

Признаки этничности:

– наличие общих для всех членов группы представлений о территориальном и историческом происхождении, единого языка, общих черт материальной и духовной культуры;

– оформленные политические представления об общей родине и особых институтах, как, например, государственность;

– осознание членами группы своей принадлежности к ней, основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

Взаимодействие этносов и культур противоречиво. С одной стороны, усвоение этносами элементов чужой культуры ускоряет интеграционные процессы, обогащает их мировоззрение, духовность. С другой стороны, такое взаимодействие обостряет этническое самосознание, усиливает стремление подчеркнуть самобытность и превосходство своего этноса.

Этничность не исчезает с формированием нации (от лат. – народ, племя). Во многих странах это понятие употребляется в двух смыслах: **политическая нация** (граждане одного государства) и **культурная нация** (этническая группа как исторически устойчивая культурная и социально-экономическая общность людей) [6].

Отличительным признаком нации является государственность. Необходимым элементом национального самосознания является национальная идея (например, «Москва – третий Рим», триада «Православие. Самодержавие. Народность»).

На формирование этнических групп значительное влияние оказала миграция (от лат. – переселение). **Миграция** – это перемещение населения в пределах одной страны (внутренняя миграция) или из одной страны в другую (внешняя миграция – иммиграция, эмиграция). Различают также безвозвратную, временную и сезонную миграции.

4.4. Цивилизационный критерий в типологии культур

Понятие цивилизации развил и конкретизировал А. Тойнби. Под цивилизацией он понимал относительно замкнутое и локальное состояние общества, отличающееся общностью культурных, экономических, географических, религиозных, психологических и других признаков. В соответствии с ними он выделял в мировой истории более двадцати цивилизаций (древневосточная, греческая, римская, египетская, арабская, православная, средневековая, современная и др.), не связанных между собой какими-либо общими закономерностями развития, а существующих, подобно ветвям дерева, рядом друг с другом.

Н.Я. Данилевский предложил теорию «культурно-исторических типов», которые ученый называл цивилизацией. Немецкий философ О. Шпенглер рассматривал цивилизацию как конечную стадию развития и стадию заката («умирания») культуры.

Новый и своеобразный взгляд на типологию культуры предложил в XX веке русско-американский социолог П. Сорокин (1889–1968). Согласно его концепции, культура развивается не в локально-региональных границах, а во всемирно-историческом масштабе, имея в основе несколько философско-методологических посылок (представления о природе реальности, о методах её познания и т.п.). В основе концепции П. Сорокина – идея о приоритете сверхорганической системы ценностей, значений, носителями которых являются институты и индивиды. Он выделял три типа культуры: чувственный (преобладает чувственное восприятие), идеациональный (преобладает рациональное познание) и идеалистический (преобладает интуитивное познание).

Не менее известна концепция развития мировой культуры немецкого философа К. Ясперса (1883–1969). Признавая ценность теорий локальных цивилизаций, он в то же время стремился, как и Гегель, сохранить идею их общей основы и единства. В мировой истории К. Ясперс особо выделил период между VIII и II вв. до н.э. как «осевое время» культуры. В течение этого времени в Китае, Индии и на Западе (к нему он относил собственно Запад, в лице греков, и Ближний Восток) были сформулированы основные идеи и принципы, определившие собой единство и дальнейшее развитие мировой культуры.

Необходимо отметить, что к истокам современных представлений о типологиях культуры обычно относят взгляды немецкого социолога, историка, философа и экономиста М. Вебера (1864–1920), тоже сформировавшиеся под влиянием неокантианства. Он разрабатывал концепцию идеальных типов, т.е. конструировал некоторые образцы-схемы, позволяющие упорядочивать эмпирические данные, поставляемые конкретными исследованиями. М. Вебер полагал, что определяющей чертой европейской культуры является рационализм, а в работе «Протестантская этика и дух капитализма» обосновал тезис о тесной связи религиозно-этических убеждений европейцев с капиталистическими товарными (рыночными) отношениями [19].

4.5. Современные типы культур

Современность – это особая эпоха, свидетелями развития которой мы являемся. Для описания современности используются разные культурные типы. Например, если разделить все культуры на традиционную, индустриальную и постиндустриальную, то как раз последняя и показывает характер современной культуры.

К **традиционным культурам** относят культуру первобытного общества, тех архаических народов, которые и сегодня остаются на невысоком уровне развития, а также все культуры древности и Средневековья. Такие культуры ориентированы на сохранение традиций как основных регуляторов общественной жизни, что изначально исключает любые нововведения.

Для традиционных культур характерны замкнутость и изоляция от других культур, которые в силу своей чуждости воспринимаются как враждебные, а отношения между людьми внутри традиционной культуры строятся на основе принципов солидаризма – братолюбия, местности, справедливости, уважения к членам своей общины.

Индустриальная культура обладает специфическими характеристиками в сфере экономики, политики, социальной и духовной жизни, которые практически по всем параметрам противостоят традиционной культуре. Становление модернизированной (индустриальной) культуры началось в XVI в. в Западной Европе и достигло своего апогея в середине XX в., являясь характеристикой современного состояния европейской культуры и фундаментом мировой цивилизации.

Постиндустриальная культура – итог дальнейшей эволюции индустриального общества. В ряде наиболее развитых стран этот переход начался в последней трети XX в., поэтому отдельные черты нового типа культуры уже существуют.

Постиндустриальное общество является «экраным» обществом, основывается на новейших компьютерных технологиях, средствах массовой информации и коммуникации. Благодаря этому становится доступным огромный объем информации, активно формируется мировая культура, развиваются процессы глобализации. Но в то же время возрастает возможность манипуляции общественным сознанием государственными бюрократическими структурами, а также организациями и людьми, обладающими доступом к информационным потокам. Кроме того, «экран» все больше заменяет книгу, формируя новый тип человека.

Контрольные вопросы

1. Что такое «тип» и «типология»? В чем заключается проблема типологизации культур?
2. В чем суть исторической типологии культуры?
3. Каковы аргументации исследователей локально-типологической трактовки культуры?
4. Охарактеризуйте типологию культуры в концепции Н.Я. Данилевского.
5. Охарактеризуйте типологию культуры в концепции О. Шпенглера.
6. Укажите современные подходы исследователей к типологии культуры.

Глава 5. СИМВОЛЫ, ЗНАКИ И ЯЗЫКИ КУЛЬТУРЫ

5.1. Сущность языка культуры

Семиотика (от греч. – «знак») – наука о знаках и знаковых системах, знаковом (использующем знаки) поведении и знаковой (лингвистической и нелингвистической) коммуникации.

Современная семиотика получила исходные импульсы в трудах американского философа Ч. Пирса (1834–1914) и швейцарского филолога и антрополога Ф. де Соссюра (1857–1913), исследовавших природу знака, языка, в результате чего возникла идея единой дисциплины, изучающей все знаковые системы.

Язык – это основной элемент культуры, который возник на заре развития человеческого общества как важное средство коммуникации.

Языком культуры называется вся совокупность существующих знаковых систем в вербальной или невербальной коммуникациях, средствами которых может передаваться культурно и социально значимая информация.

Глубинные перемены, происходящие в обществе, способствуют обновлению языка, что, в свою очередь, вносит помехи во взаимопонимание людей. Распадается связь со временем, и актуализируется проблема понимания.

Проблема языка культуры – это проблема понимания, эффективности культурного диалога (диалога между культурами разных эпох и диалога разных культур, существующих одновременно, между собой).

Проблему языка культуры можно отнести к фундаментальным проблемам, так как:

1. Проблема языка культуры – это проблема ее смысла. В XVII–XVIII веках произошло разбожествление культуры, и точкой отсчета для осмысления бытия стал разум. Но разум и рациональное начало, организуя и структурируя жизнь человека и человечества, не дают понимания ее смысла. Кризис просвещенческой идеи прогресса заставил искать новые смыслы. Эти поиски привели к культуре, ее ценностям, освоить которые невозможно, не владея системой ее языков.

2. Язык культуры синтезирует разные аспекты жизни человека – социальные, культурно-исторические, психологические, эстетические и др. Но, чтобы событие жизни стало явлением культуры, оно должно быть переведено в текст. Следовательно, язык – это ядро системы культуры. Именно через язык человек усваивает представления, оценки, ценности – все то, что определяет его картину мира. Таким образом, язык культуры – это способ ее хранения и передачи от поколения к поколению.

3. Понимание языка культуры и овладение им дает человеку свободу, придает способность к оценке и самооценке, к выбору, открывает пути включения человека в культурный контекст, помогает осознать свое место в культуре, ориентироваться в сложных и динамичных социальных структурах. Фундаментальный смысл языка культуры в том, что понимание мира, которое мы можем достичь, зависит от диапазона знаний или языков, позволяющих нам этот мир воспринимать.

Основой языка культуры являются знаки. **Знак** – это предмет (явление, событие), выступающий в качестве носителя информации о других предметах и используемый для ее приобретения, хранения, переработки и передачи. Знаком в культуре могут быть – звуки, изображения, имена и т.д.

Знаки, главной задачей которых становится не просто указание на предмет, объект, но и передача некоторого непрямого смысла, называются **символами** (от греч. – «знак», «сигнал»). Первые символы относят к эпохе пещерного человека – времени осмысления человеком самого себя и окружающей действительности. Особенностью символа является то, что его нельзя «изобрести», создать искусственно, вкладывая в него личное толкование. Примерами символов являются государственные гербы, флаги, гимны – символические знаки достоинства государств.

В зависимости от характера ценностного значения выделяют различные виды символов: исторические (Бородинское поле как символ славы русского оружия), религиозные (крест, иконы), мифологические (Гея – Земля, Кронос – время и т.д.), идеологические и пропагандистские (программы, конституции, лозунги), нравственные (белый цвет – чистота), художественные (произведения искусства).

Совокупность используемых знаковых средств можно разделить на следующие знаки-обозначения:

– **знаки-признаки** (например, симптомы, приметы) связаны с предметами, которые они обозначают, естественной связью. Между предметом обозначения и знаком существует причинно-следственная связь, в силу чего можно утверждать, что природа знака мотивирована природой обозначаемой вещи. Например, дым – знак огня, высокая температура – знак болезненного состояния, рост ртутного столбика – знак повышенной температуры, смех, слезы, мимика – знаки определенных эмоциональных состояний человека;

– **знаки-копии** (изображения, иконические знаки) связаны с отображаемым предметом отношением сходства. Сходство знака и отражаемого предмета может возникать как следствие естественной связи (например, след ступни подобен, сходен по форме со ступней и это сходство возникает естественно), а также как результат искусственно создаваемой ситуации

(на фотографии целенаправленно создается подобное оригиналу изображение). Природа знака-копии в определенной степени мотивирована вещью, фактом, о котором этот знак несет информацию. К знакам-копиям могут быть отнесены такие периферийные языковые единицы, как звукоподражания (карр – крик вороны, буль-буль – название звучания льющейся жидкости, некоторые междометия, например, т-ш-ш – призыв говорить тихо, шепотом);

– **знаки-символы** сохраняют некоторое структурное сходство с обозначаемым фрагментом действительности, что позволяет говорить о частичной мотивированности их природы природой отражаемого фрагмента действительности. Связь в данном случае выявляется на более абстрактном, понятийном уровне, не носит непосредственно изобразительного, отражательного характера. Наиболее яркие примеры: маска – знак театра, изображение расчески и ножниц – знак парикмахерской, изображение ножа и вилки – обозначение столовой. Из числа языковых явлений к таким знакам можно отнести знаки пиктографической письменности, некоторые знаки иероглифической письменности;

– **знаки-сигналы**, выполняющие регулятивную и информационную функции, например, цвета светофора, зебра на пешеходной дорожке, рисунки, обозначающие стрелками.

5.2. Классификация языков культуры

К настоящему времени сложилась следующая общепринятая классификация языков:

Естественные языки – это основное и исторически первичное средство познания и коммуникации (русский, английский, татарский и т.д.). Естественный язык способен к неорганическому развитию. История развития культуры отражается в истории развития языка. Новые явления в жизни людей (открытия в науке и технике) пополняют словарный запас языка (компьютер, электрон, Интернет и т.д., а уходящие процессы и явления приводят к устареванию и исчезновению слов (око – глаз, ланита – щека и т.д.). При этом базисный словарь (слова, обозначающие части тела человека, Солнце, Луну, звезды, простейшие глаголы и числительные до десяти, а также личные местоимения) остается неизменным очень долго, в течение сотен лет.

Искусственные языки – это языки науки, где значение фиксировано и существуют строгие рамки использования. К искусственным языкам относятся языки программирования и компьютерные языки; языки,

предназначенные для символической записи научных фактов и теорий математики, логики и других наук. Например, математическая формула «квадрат первого, сложенный с квадратом второго и с удвоенным произведением первого на второе, есть квадрат первого, сложенного со вторым», изложенная в математике лаконично представлена в следующем виде: $x^2 + 2xy + y^2 = (x + y)^2$; языки несуществующих народов (эльфийский язык, придуманный Дж. Толкином, язык На'ви, созданный для фильма «Аватар»); языки, создаваемые из элементов естественных языков и предлагаемые в качестве вспомогательного средства межнационального общения.

Из искусственных языков наиболее известны: волапюк, идо, интерлингва, ложбан, На'ви, новиаль, окциденталь, эсперанто, ифкуиль, клингонский, эльфийский языки.

Вторичные языки (вторичные моделирующие системы) – это коммуникационные структуры, надстраивающиеся над естественно-языковым уровнем (миф, религия, искусство). Им свойственна многозначность.

В сугубо научно-технической среде зародилось понятие «код» (код Морзе, генетический код). Его суть в дешифровке искусственных знаков.

В культурологии понятие культурного кода (представленное советским ученым Ю.М. Лотманом) используется в качестве ключа к пониманию культурной картины мира.

Код культуры – это совокупность знаков, символов, смыслов и их комбинаций.

Культурный код отражается в языке, например: русский язык – «ты» и «вы» – обычный человек и уважаемый человек; японский язык являет более определенное положение в обществе – «ничтожный» и «почтенный».

5.3. Понятие «текст» в культурологии

В последние десятилетия термин «текст» стал использоваться не только в филологии, но и в культурологии.

Текст культуры – это любой предмет, рассматриваемый как носитель информации (художественное и музыкальное произведения, одежда, традиции и т.п.).

В связи с развитием компьютерных технологий появилось понятие «гипертекст». Гипертекст широко используется в компьютерных учебниках по самым различным областям знания.

Истолкованием текстов занимается наука герменевтика. **Герменевтика** – это одна из древних наук, которая появилась в раннем христианстве и уже тогда занималась трактованием религиозных текстов. Современная философская герменевтика, основателем которой считается Г. Гадамер, занимается интерпретацией текста, не только реконструируя, но и конструируя смысл.

Таким образом, язык – это продукт культуры; структурный элемент культуры; условие культуры. Фундаментальный смысл его в том, что язык концентрирует и воплощает в единстве все основания человеческой жизни.

Контрольные вопросы

1. Что такое знак?
2. Назовите виды знаков.
3. Что такое знаки-индексы? Приведите примеры.
4. Что такое иконические знаки? Приведите примеры.
5. В чем отличие знака-символа от других видов знаков?
6. В чем сущность языка?
7. Назовите виды языков.
8. В чем специфика естественных и искусственных языков?
9. Что изучает семиотика?
10. Что такое «культурный код»?

Глава 6. КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ. СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ИНКУЛЬТУРАЦИЯ

6.1. Человек как объект и субъект культуры

Человек – это биосоциальное существо, обладающее разумом и сознанием, а также субъект общественно-исторической деятельности и культуры.

Человек изучает и изменяет себя и окружающий мир, создаёт культуру и собственную историю. Сущность человека, его происхождение и назначение, занимаемое им место в мире были и остаются основными проблемами философии, религии, науки и искусства.

Человек приходит в мир уже наделенным определенными биологическими, физиологическими и психологическими параметрами. Как любая биологическая целостность он подчиняется тем или иным законам природы. Однако человек воспринимается таковым только при условии активного, творческого познания и преобразования окружающей действительности во взаимодействии с другими представителями социокультурного пространства. Человек воспринимает общество как мир вещей, людей и связывающих их отношений, в которых проявляются выработанные культурой устойчивые, упорядоченные стереотипы деятельности. Они в той или иной мере усваиваются человеком, становятся его собственным способом деятельности и включают его в сложившуюся систему общественных связей и отношений [4, 3].

По отношению к культуре человек выступает как:

- объект культуры (жизнедеятельность человека проходит в социокультурном пространстве);
- носитель культуры;
- субъект культуры (творческая личность выступает создателем культурных ценностей).

6.2. Понятия «индивид», «индивидуальность», «личность»

Понятия «индивид», «индивидуальность», «личность» нередко используются нами как синонимы. Вместе с тем каждое из них имеет свою специфику, что позволяет уточнить научное понимание рассматриваемой проблемы.

Индивид (от лат. – «неделимое», «особь») – это отдельно взятый представитель человеческой общности и всего человеческого рода.

В социальной жизни индивид выступает как неразложимый элемент, как клеточка социальной группы, общества или человечества. Индивид имеет определенные свойства, которые выделяют его из множества «других». Как отдельный природный экземпляр, он может быть рыжим, толстым, длинноногим. Он всегда «один из». Это самая общая, достаточно умопостигаемая характеристика человека, свидетельствующая о том, что он вполне самостоятельное тело, природная особь. Говоря об индивиде, мы прежде всего выделяем его биологические свойства.

Индивидуальность – это неповторимое своеобразие человека, набор его уникальных свойств. Это понятие указывает на необычность человеческого существа. Если, говоря слово «индивид», мы пытаемся отметить связь человека с другими представителями человеческого рода, то понятие «индивидуальность», напротив, выделяет человека из массы, из группы.

Личность – это образование более высокого порядка, она включает в себя простого индивида и его индивидуальные качества, его духовную сущность, для которой характерны свобода, творчество, автономность. Личность несет в себе черты цивилизации, историко-культурной эпохи, определённого образа жизни.

Утверждая себя как субъект свободы, творчества, красоты и культуры, человек становится полноценной личностью. Взаимоотношения личности и культуры многообразны и носят двусторонний характер:

– личность – субъект культуры, так как культура живет и реализуется именно в человеческой личности;

– личность – объект культурного воздействия, т.е. формируется в рамках культуры и через её посредство;

– личность – творец культуры, культура – сфера самовыражения личности;

– личность – отражение культуры и наоборот, поэтому культура – способ самопознания личности;

– культура – проявление свободы личности, поле творчества;

– культура – показатель уровня развития личности;

– культура – потенциал и средство саморазвития личности.

6.3. Процессы формирования личности: инкультурация и социализация

Влияние культуры на личность происходит в процессах инкультурации и социализации, с помощью которых человек овладевает знаниями и навыками, необходимыми для жизни в обществе и в той или иной конкретной культуре.

Социализация – процесс усвоения индивидом социальных ролей и норм. При этом человек формируется как личность, социально и культурно адекватная обществу. В ходе социализации происходят вхождение индивида в социальную и культурную среду, усвоение им ценностей общества, позволяющее ему успешно функционировать в качестве члена этого общества.

Инкультурация – процесс приобщения индивида к конкретной культуре, усвоение им определённых привычек, норм, традиций и стереотипов поведения. В процессе инкультурации, с одной стороны, культура определяет основные черты личности, с другой – человек сам влияет на свою культуру.

Инкультурация включает в себя формирование основополагающих человеческих навыков (типы общения с другими людьми, формы контроля общественного поведения и эмоций, способы удовлетворения потребностей, оценочное отношение к различным явлениям окружающего мира и т. д.).

Результатом инкультурации является сходство человека с другими членами данной культуры и его отличие от представителей других культур. По своему характеру процесс инкультурации является более сложным, чем процесс социализации.

Содержание процесса инкультурации составляют личностное развитие, социальная коммуникация, приобретение основных навыков своего жизнеобеспечения.

Основными механизмами инкультурации являются имитация (повторение людьми привычных навыков поведения, наблюдаемых в проявлениях других людей) и идентификация (в ходе которой детьми усваивается поведение родителей). Помимо данных позитивных механизмов инкультурации, есть и негативные механизмы – стыд и вина.

Основными агентами социализации и инкультурации являются семья, группа сверстников, учебные заведения, средства массовой информации, различные политические и общественные организации.

На разных этапах жизни эти факторы действуют по-разному.

В раннем детстве ведущую роль в становлении человека играет семья. В последующем действуют и другие факторы.

Процессы социализации и инкультурации долговременные, действуют на протяжении всей жизни человека. В результате социализации и инкультурации человек обретает способность к самостоятельному освоению социокультурной реальности, накапливает собственный жизненный опыт, начинает играть различные социальные роли.

Контрольные вопросы

1. Почему человек признан субъектом и объектом культуры?
2. Каковы различия между понятиями «индивидуальность» и «личность»?
3. Что такое инкультурация?
4. В чём состоит социализация индивида?
5. Дайте определение идентификации личности. Чем важен данный процесс?

Глава 7. КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ. КУЛЬТУРНАЯ КАРТИНА МИРА

7.1. Идеал, образ, образец

Идеал – это сознательный выбор человеком цели жизни и деятельности, стремление к состоянию, в котором он соответствовал бы своему понятию и предназначению. В структуре культуры идеал – это высшая ценность, посредством которой может быть охарактеризована любая культура.

В основе понятия «идеал» лежат два схожих, но далеко не тождественных понятия: «образ» и «образец».

Образ – это явление, возникающее как результат запечатления одного объекта в другом, выступающем в качестве воспринимающей формации – духовной или физической.

Образец – это устойчивая структура связей людей друг с другом, с предметной и природной средой, которая обуславливается определенными типами ситуаций, предписанным поведением в них человека, а также критериями, по которым оценивают поведение человека или его связи с окружающим миром.

Образ доминирует над образцом: человек действует по образцу, потому что у него есть образ. Сила образа в том, что люди оценивают роль образа выше себя, т.е. используют в качестве меры всей своей жизни. Человек развивается потому, что ориентируется на более высокие меры. В связи с этим неслучайна культурная традиция выхода человека или общества за пределы образа.

7.2. Образ – идеал и образ – идол

Если человек подчиняет себя видимости образа, т.е. не отличает его от себя, то образ становится «идолом», т.е. предметом поклонения, культа (деревянные фигуры божков, иконы, драгоценности, кинозвезды, музыкальные ансамбли, собственная внешность, личность другого человека и др.). Типология идолов как искаженных образов действия, ложных представлений и понятий была предложена Ф. Бэконом (XVI–XVII вв.); им были выделены следующие группы идолов:

– идолы рода – ложные представления о мире как результат ограниченности человеческого ума и органов чувств, они присущи всему человеческому роду;

– идолы пещеры – искаженные представления о действительности, связанные с субъективностью восприятия окружающего мира, с неспособностью человека выйти за пределы своей субъективности;

– идолы рынка или площади – ложные представления людей, порожденные неправильным употреблением слов;

– идолы театра – ложные представления, некритически заимствованные людьми из разных философских систем.

«Идол», принятый человеком или обществом, – это остановка развития, «идеал» же, имеющий творческую природу, играет определяющую роль в культурном развитии.

7.3. Творческая природа идеала

Идеал – высшее достижение духовной культуры, объединяющий чувственное и конкретное начало. Это не только цель, выраженная в понятиях, но и определение потребностей, в результате которых появляется цель.

Творческая природа идеала заключается и в том, что с его помощью достигается новый уровень сознания при участии интуиции – способности непосредственно постигать истину, и фантазии обесценивания в наших глазах известных образов и знаний и наделение этой ценностью нового образа или видения, полученного в результате прозрения или интуиции.

Социальный идеал – это идея сотворения человеком самого себя. Русский философ В. Соловьев (XIX век) считал, что для человека естественно стремиться разумом к истине, волей к добру, чувством к прекрасному; при этом мерой для истины является человек, для добра – свобода, для прекрасного – любовь (христианство) [5]. Таким образом, идеальный человек – это человек, сочетающий в себе в равной степени истину, добро и красоту.

Триединство социального идеала можно представить и как единство идеалов истины, добра и красоты. Но энергии никакой культуры не хватит на их гармонию, поэтому тип культуры зависит от тех ценностей, которые идеализируют в обществе, или господством тех или иных идеалов. Социальный идеал, имея чувственную и конкретную основу, вырастает из интересов общества, а теория оформляет эти интересы. Если идеал не принимается большинством, то неизбежен крах или социальной идеи, или общества.

7.4. Типы отношения к «чужим» ценностям

Процесс выработки новой иерархии ценностей обычно требует много времени, а это не приводит к быстрой стабилизации в обществе. Нередко в период кризисных ситуаций происходит заимствование готовых ценностей культуры, но это, ускоряя стабилизацию, все же углубляет социально-ценностные конфликты внутри общества. Можно выделить следующие типы отношения к «чужим» ценностям:

1) ассимиляция предполагает механическое усвоение новых ценностей, их «поглощение», растворение, приспособление к уже имеющимся ценностям иерархии;

2) творческая переработка и адаптация предполагают критическое отношение к ценностям другой культуры, их осознанный отбор, творческое развитие, обогащение национальными смыслами и приспособление для решения проблем собственной культуры;

3) аккультурация связана с отношением к «чужим» ценностям как к более развитым, более значимым, весомым, чем свои собственные.

Увеличивающиеся культурные контакты настоящего времени делают вопрос о культурных ценностях особенно важным и принципиальным.

Контрольные вопросы

1. Дайте определения понятиям «идеал», «образ», «образец».
2. В чем разница между понятиями «идеал» и «идол»?
3. Почему разнятся традиции и нравы разных культур?
4. Назовите основные типы отношений к «чужим» ценностям.
5. Как обнаруживает себя «социальный хаос»?

Глава 8. ПРИРОДА И КУЛЬТУРА

8.1. Культура и природа как две формы бытия

Культура и природа – это две формы бытия, которые находятся в сложных взаимоотношениях.

Культуру часто определяют как «вторую природу». Культура, прежде всего, природный феномен потому, что ее творец – человек – биологическое создание. Без природы не было бы культуры. Однако если бы человек не переступил пределов природы, он остался бы без культуры.

Культура и природа тесно взаимосвязаны между собой. Природа – это все натуральное (естественное), существующее независимо от человека. Природа также необходимое условие возникновения и существования культуры. Культура – это посредник между человеком и природой, результат их взаимодействия.

Отношения человека к природе и культуре зависят, в первую очередь, от культуры, ее характера и особенностей. Можно выделить три уровня отношений к природе:

- 1) практическое, которое выражается в труде;
- 2) практически-духовное, которое складывается в обыденном сознании людей и выражается в преобразовании этого мира силами воображения с целью отрешения от реальности;
- 3) духовно-теоретическое, которое выражается:
 - в познании законов природы, зарождающемся в обыденном сознании и получающем свое наивысшее значение в науках о природе, т.е. в естествознании;
 - в ценностном осмыслении природы, которое вырабатываемся в пределах определенной идеологии (например, художественной).

Человек в культуре представлен как исторически развитое существо, которое обнаруживает себя как в сходстве, так и различии с ней. Человек, с одной стороны, зависим от природы, но постепенно он преодолевает зависимость и подчиняет природу себе. Поэтому культура есть результат человеческого отношения к природе, которое возникает в течение развития последней и раскрывается только на определенной стадии эволюции истории [4].

Природа для человека выступает в двух смыслах:

- 1) с точки зрения ее богатства (как средство жизни);
- 2) как источник дальнейшего существования (как средство труда).

Процесс перехода от биологических закономерностей развития человека к культурным длился около 1,5 млн лет и завершился появлением современного человека («*Homo sapiens*») 35–40 тыс. лет назад. Начались процессы производственной деятельности по изготовлению искусственных

орудий труда, передача необходимой для выживания знаний, использование языка как способа негенетического кодирования этой информации и общения. Осваивались социальные отношения в организации существования человека, т.е. он включился в новую стадию эволюции. Движущими силами этой эволюции стали коллективные творческие возможности человека, которые существуют и развиваются посредством культуры. Человек становится «точкой пересечения» природы и культуры. Природа стала первоосновой, на которой сформировался человек.

В табл. 3 представлен исторический этап развития культурологической мысли.

Таблица 3

Исторический этап	Природа	Человек
Античность	Природа – это совершенный космос, противоположный хаосу. Принцип – жизнь в согласии, в гармонии с природой	Человек – часть природы
Европейское средневековье	Несовершенный, потому что существует совершенное трансцендентное бытие (природа – мир чувственности, а значит греха). Принцип – возвышение над природой	Царь природы, так как создан по образу и подобию Бога, обладающий душой
Возрождение (Ренессанс)	Природа – гениальное произведение Бога. Принцип – единение человека с природой	Человек, его стихийная творческая самореализация. Человек есть центр мира природы
Новое время	1. Природа – колыбель человечества, естественное состояние человечества – его Золотой век. 2. Природа – мастерская человека. Принцип – господство человека над природой при помощи развития науки, разрыв с природой	1. Человек – блудное дитя природы. 2. Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник
Вторая половина XX века	Природа – место обитания человека, дом человека. Принцип – партнерство, сотрудничество, открытый диалог человека и природы	Человек – обитатель и носитель высшей формы развития природы – сознания (уже у И. Канта)

Уже в середине XX века особую актуальность приобретает проблема взаимосвязи природы и человека (общества), связанные с научно-технической революцией (НТР) и экологическим кризисом.

В 1970-х гг. в США возникает новое междисциплинарное направление в науке – **социобиология**, которое оказалось в центре острой полемики ученых-естествоиспытателей, социологов, философов и культурологов.

Представители социобиологии (Эдвард Уилсон) рассматривали человека через призму биологических дисциплин, эволюционной теории, популяционной генетики, этологии, экологии и культуры [9].

Центральный тезис социобиологии звучит так: каждая форма социального поведения обязательно имеет генетическую основу, которая заставляет индивидов действовать так, чтобы обеспечить успех для себя и сородичей.

Граница между природой и культурой очень тонкая. Их разграничивают механизмы накопления и трансляция опыта жизнедеятельности (животные используют механизмы инстинктов, а человек – культуру).

Человек всегда испытывает на себе влияние природной среды и одновременно сам влияет на нее. Приспосабливаясь к природе, он осваивает ее, формирует и преобразует. Но, выделившись из природной среды, человек все равно остается частью природы.

8.2. Влияние природы на культуру

Природа влияет на материальную культуру:

- состояние флоры и фауны воздействует на тип присвоения хозяйства;
- состояние природных ресурсов определяет характер орудий труда;
- полезные ископаемые и энергетические ресурсы оказывают влияние на развитие общества;
- климат определяет тип одежды, транспорта, жилища.

Природа влияет на духовную культуру, так как она определяет обычаи и обряды народа, традиции, менталитет.

Природа влияет на художественную культуру, так она дает материал для творчества, определяет образы, сюжеты, темы произведений.

Та совокупность природно-климатических условий, в которых существует культура, называется в русской литературе «месторазвитием».

8.3. Влияние культуры на природу

Результатом влияния культуры на природу является культурный ландшафт. Выделяются два вида культурного ландшафта:

агросфера – совокупность природных объектов, созданных самим человеком (сады, огороды, пастбища);

техносфера – совокупность материальных объектов, внесенных человеком в природу (железные дороги, шоссе, мосты).

В начале XX века в философской литературе появляется термин «ноосфера».

Ноосфера – это превращение разума в величайшую биологическую и космическую силу.

Причины образования ноосферы:

- экспансия разума во все уголки вселенной;
- объединение человечества;
- развитие науки.

8.4. Экологический кризис

Сегодня взаимоотношение культуры и природы приобретает конфликтный характер. С точки зрения философов, причиной экологического кризиса стали культурные составляющие. Такой причиной считается установка на антропологическую исключительность человека, основными постулатами которой являются нижеперечисленные.

Высшую ценность этого мира представляет человек. Все остальное ценно лишь потому, что полезно для человека. Природа – это собственность человека, над которой он обладает неограниченной властью.

Иерархическая картина мира. Мир людей противопоставлен миру природы.

Целью взаимодействия человека с природой является удовлетворение его потребностей.

Характер взаимодействия с природой определяется прагматическим императивом: правильно и разрешено все то, что полезно для человечества.

Этические нормы и правила распространяются лишь на отношения с людьми, но не на отношение к природе.

Природно-охранная деятельность также подчинена императиву: природу нужно сохранить для следующего поколения.

Такие установки приводят к разрушению природы, экологическому кризису [10].

Контрольные вопросы

1. Когда возникло противопоставление культуры и природы?
2. Существовали ли экологические проблемы в более ранние культурно-исторические периоды?
3. Кто является автором учения о ноосфере?
4. Что такое культурные заимствования?

Глава 9. КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

9.1. Понятие о глобальных проблемах

В XX веке человек столкнулся с глобальными (от лат. – «земной шар») проблемами, от решения которых зависит судьба всей цивилизации.

Понятие «глобальные проблемы современности» получило широкое распространение с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. Глобальными называются проблемы, которые затрагивают интересы как человечества в целом, так и каждого отдельного человека в различных точках планеты. Они оказывают существенное влияние на развитие отдельных стран и регионов, являясь мощным объективным фактором мирового экономического и социального развития. Их решение предполагает объединение усилий абсолютного большинства государств и организаций на международном уровне, в то же время как их нерешенность грозит катастрофическими последствиями для будущего всего человечества.

Глобальные проблемы характеризуются следующими особенностями:

- 1) для их преодоления требуются целенаправленные, согласованные действия и объединения усилий большинства населения планеты;
- 2) они затрагивают интересы не только отдельных людей, но и судьбу всего человечества;
- 3) являются объективным фактором мирового развития и не могут быть никем проигнорированы;
- 4) их нерешенность может привести в будущем к серьезным, даже непоправимым последствиям для всего человечества и среды его обитания.

Главные причины и предпосылки глобальных проблем:

- ускорение темпов общественного развития;
- постоянно возрастающее антропогенное воздействие на биосферу;
- увеличение численности населения;
- усиление взаимосвязи и взаимозависимости между разными странами и регионами.

9.2. Основные глобальные проблемы современности

Наиболее актуальные глобальные проблемы можно разделить на три группы:

- проблемы природно-экономического характера;
- проблемы социального характера;
- проблемы политического и социально-экономического характера.

Проблемы природно-экономического характера

1. Экологическая проблема. Интенсивная хозяйственная деятельность человека и потребительское отношение к природе негативно воздействуют на окружающую среду: происходит загрязнение почвы, воды, воздуха; оскудевает животный и растительный мир планеты, в значительной степени уничтожен ее лесной покров. Эти процессы в совокупности составляют для человечества угрозу глобальной экологической катастрофы.

2. Энергетическая проблема. В последние десятилетия в мировой экономике активно развиваются энергоемкие отрасли производства, в связи с этим обостряется проблема невозобновляемых запасов органического топлива (угля, нефти, газа). Традиционная энергетика увеличивает давление человека на биосферу.

3. Сырьевая проблема. Природные минеральные ресурсы, которые являются источником сырья для промышленности, исчерпаемы и невозобновимы. Запас полезных ископаемых стремительно сокращается.

4. Проблемы использования Мирового океана. Перед человечеством стоит задача разумного и бережного использования Мирового океана в качестве источника биоресурсов, полезных ископаемых, пресной воды, а также применения вод в качестве естественных путей сообщения.

5. Освоение космоса. Исследование космоса включает в себе большие потенциальные возможности для научно-технического и экономического развития общества, особенно в области энергетики и геофизики.

Проблемы социального характера

1. Демографическая и продовольственная проблемы. Численность населения Земли постоянно увеличивается, что влечет за собой рост потребления. В этой сфере отчетливо выделяются две тенденции: первая – демографический взрыв (резкий прирост населения) в странах Азии, Африки, Латинской Америки; вторая – низкие показатели рождаемости и связанное с этим старение населения в странах Западной Европы.

Рост численности населения увеличивает потребность в продовольствии, промышленных товарах, топливе, что ведет к повышению нагрузки на биосферу.

Развитие продовольственного сектора экономики и эффективность системы распределения продуктов отстают от темпов прироста населения планеты, в результате чего обостряется проблема голода.

2. Проблема нищеты и низкого уровня жизни. Именно в бедных странах со слаборазвитой экономикой быстрее всего увеличивается численность населения, вследствие чего уровень жизни здесь крайне низок.

Нищета и неграмотность широких слоев населения, недостаточность медицинского обеспечения – одна из главных проблем в развивающихся странах.

Проблемы политического и социально-экономического характера

1. Проблема мира и разоружения. На современном этапе развития человечества стало ясно, что война не может быть способом решения международных проблем. Военные действия не только ведут к массовым разрушениям и гибели людей, но и порождают ответную агрессию. Угроза ядерной войны сделала необходимым ограничение подобных испытаний и вооружений на международном уровне, однако эта проблема еще не решена мировым сообществом окончательно.

2. Преодоление отсталости слаборазвитых стран. Проблема ликвидации разрыва в уровне экономического развития между странами Запада и «третьего мира» не может быть решена силами отстающих стран. Государства «третьего мира», многие из которых до середины XX века оставались колониально зависимыми, встали на путь догоняющего экономического развития, однако они до сих пор не могут обеспечить нормальные условия жизни для подавляющего большинства населения и политическую стабильность в обществе.

3. Проблема межнациональных отношений. Наряду с процессами культурной интеграции и унификации возрастает стремление отдельных стран и народов к утверждению национальной самобытности и суверенитета. Проявления этих устремлений часто принимают форму агрессивного национализма, религиозной и культурной нетерпимости.

4. Проблема международной преступности и терроризма. Процветание средств связи и транспорта, мобильность населения, прозрачность межгосударственных границ способствовали не только взаимному обогащению культур и экономическому росту, но и развитию международной преступности, наркоторговли, нелегального оружейного бизнеса и т.п. Особую остроту на рубеже XX–XXI веков приобрела проблема международного терроризма. Терроризм – применение силы или угроза ее использования для устрашения и подавления политических противников. Терроризм уже не является проблемой одного отдельно взятого государства. Масштабы террористической угрозы в современном мире требуют совместных усилий разных стран по ее преодолению [6].

9.3. Основные пути решения глобальных проблем

Пути преодоления глобальных проблем еще не найдены, но очевидно, что для их решения необходимо подчинить деятельность человечества интересам выживания людей, сохранения природной среды и создания благоприятных условий жизни для будущих поколений.

Основные способы решения глобальных проблем:

1. Формирование гуманистического сознания, чувства ответственности всех людей за свои действия.

2. Всестороннее изучение причин и предпосылок, ведущих к возникновению и обострению конфликтов и противоречий в человеческом обществе и его взаимодействии с природой, информирование населения о глобальных проблемах, наблюдение за глобальными процессами, их контроль и прогнозирование.

3. Развитие новейших технологий и способов взаимодействия с окружающей средой: безотходного производства, ресурсосберегающих технологий, альтернативных источников энергии (солнца, ветра и т. п.).

4. Активное международное сотрудничество для обеспечения мирного и устойчивого развития, обмен опытом решения проблем, создание международных центров по обмену информацией и координации совместных усилий.

Контрольные вопросы

1. Что такое глобализация?
2. Каковы причины появления глобальных проблем?
3. Какие проблемы относят к числу глобальных?
4. К чему ведёт перенаселение Земли?
5. Какова роль культуры в решении глобальных проблем современности?
6. В чём состоит сложность решения глобальных проблем?

Глава 10. РЕЛИГИЯ И НАУКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

10.1. Понятия «религия» и «наука»

Наука и религия представляют собой два фундаментальных пласта культуры и два основополагающих типа мировоззрения, взаимодополняющих друг друга.

Религия (от лат. – «связывать», «соединять») – определённая система взглядов, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации (церковь, умма, сангха, религиозная община). Ученые насчитывают около 250 определений религии, существует масса ее различных трактовок.

Религия является частью человеческой культуры, поэтому она способствует сохранению и развитию социального и культурного наследия.

Наука – область человеческой деятельности, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности. Основой этой деятельности является сбор фактов, их постоянное обновление и систематизация, критический анализ и на этой основе синтез новых знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые природные или общественные явления, но и позволяют построить причинно-следственные связи с конечной целью прогнозирования. Те гипотезы, которые подтверждаются фактами или опытами, формулируются в виде законов природы или общества.

10.2. Взаимоотношение религии и науки

История взаимоотношений религии и науки как таковых берет начало в XVII–XVIII веках в Европе, когда с развитием естественных наук обостряется противостояние христианской религии (или философско-теологического типа мировоззрения, господствовавшего в Средневековье) и науки, которая формировала новый, «объективистский» или научный тип мировоззрения. Общины, римско-католическая и протестантские церкви подвергали репрессиям ученых как еретиков, которые ставили под сомнение Священное Писание (в 1553 г. протестантами-кальвинистами в Женеве был сожжен испанский естествоиспытатель и врач Мигель Сервет; в 1660 г. за пропаганду коперниканского учения был осужден инквизицией и сожжен Джордано Бруно; а в 1616 г. Ватикан официально признал опасной ересью гелиоцентрическую систему, с чем связан и инквизиционный процесс против Галилео Галилея в 1632 г.).

С другой стороны, в светской науке и культуре распространяется понимание религии как слепой веры; формируется рационализм как вера в способности разума; а в XIX веке – позитивизм (преимущество позитивным наукам перед религией и философией). Результатом стало распространение светской культуры и призывы к уничтожению католической церкви.

Согласно западной традиции (культурам Востока свойственен синкретизм), наука как точное и эмпирически выверенное знание, существующее во благо человечества, противопоставляется религии, постулаты которой предполагается воспринимать на веру. При этом научная традиция рассматривается обособлено, исключая взаимосвязь с другими способами познания мира. В обыденном представлении философы и ученые прошлого предстают как борцы с нерациональной религиозной стороной действительности.

В европейской культуре знание наукой не ограничивается рациональной стороной. Большинство знаний и убеждений получено человеком нерациональным путем, поэтому философские, культурологические и психологические школы XX века исследовали проблему потери человеком целостного мировосприятия, отчуждения от своей истинной природы и сущности.

10.3. Единство и различие науки и религии

Религия направлена на выявление утерянной человеком целостности мировосприятия, предлагает знания, воспринимаемые на веру, своеобразные аксиомы, которые углубляются и обновляются в процессе личного общения с Богом. Так и наука, представляя знания в виде фактов, способствует возникновению нового видения явлений.

Можно предположить, что религия и наука имеют два разных предмета, два разных пути познания, два разных критерия достоверности, поэтому они совершенно независимы и не могут проверяться друг другом. Еще Ломоносов утверждал: «Неверно рассуждает математик, если хочет циркулем измерить Божью волю, но неправ и богослов, если он думает, что на Псалтире можно научиться астрономии или химии». Нельзя, например, подвергать сомнению библейский рассказ о сотворении человека на основании научного заключения о ее происхождении от обезьяны, и наоборот, – поскольку здесь речь идет о совершенно разных вещах.

Наука познает мир во взаимоотношении его частей и элементов, а не охватывая мир как целое и его соотношение с Абсолютом. Религия же, познавая Бога, открывает именно отношение мира и человека к Богу как к сверхъестественному началу, как к высшей силе. Научное знание

нуждается во внешних доказательствах, вера же определяется своей внутренней силой. Знать возможно лишь о том, что доступно чувствам, а «вера является залогом того, на что мы надеемся, – доказательство вещей невидимых». Иначе говоря, наука базируется на внешнем, чувственном опыте, вера же – на внутреннем, духовном.

Независимость науки и религии связана с самостоятельностью мира в отношении к Богу. Но эта самостоятельность относительна. С религиозной точки зрения, Бог присутствует в мире через человека, а также в мировой гармонии, которая лишь в определенной степени нарушается стихией природы. Поэтому между наукой и религией на самом деле существует глубокая связь и точки соприкосновения. Наука как частичное знание опирается на мировоззрение, имеет религиозный (или антирелигиозный) характер, т.е. она зависит от духовных интересов, от веры как отдельных людей, так и целых эпох. Поэтому наука не может уничтожить религию – она может быть безрелигиозной только тогда, когда религия сама в запущенном состоянии.

Напротив, именно глубина религиозного чувства помогает великим ученым в определяющих открытиях, поскольку вызывает «восторг перед всемогущим Строителем вселенной» (Коперник). Неслучайно и основатель современной рационалистической науки Ф. Бэкон когда-то сказал: «Только поверхностное знание природы может увести нас от Бога; напротив, более глубокое и основательное ведет нас назад, к Нему». А вот мнение выдающегося физика XX века Макса Планка: «Религия и наука нисколько не исключают друг друга, как это полагали раньше и чего боятся многие наши современники; наоборот, они согласуются и дополняют друг друга. <...> Для религии Он представляет фундамент, для науки – венец разработки мирозерцания».

Церковь в последнее время также делает шаги навстречу науке. Известный католический теолог Ганс Кюнг, идеолог модернизации католицизма, отмечает, например, что соотношение и границы между религией и наукой определяются не на модели конфронтации (или фундаменталистском неприятии науки, или рационалистическом неприятии религии) и не на модели интеграции (которая заключается в фактическом приспособлении или науки под догмы религии, или религии под научные теории), а на модели дополнения, или критически конструктивного взаимодействия, в которой обе стороны сохраняют собственную сферу, отвергают абсолютизацию и взаимно обогащают друг друга, пытаясь лучше понять реальность как целое во всех ее измерениях [6]. Православный священник и философ Василий Зеньковский утверждал

в связи с этим, что «соотношение современного знания и коренных идей христианства может и должно быть взаимно свободным». Но при этом христианство не может ограничиваться рецепцией только того в современном знании, что для него приемлемо – «христианская мысль должна заняться пересмотром основ знания, чтобы вернуть христианству его законное место в развитии знания».

Контрольные вопросы

1. Какова специфика культурологического изучения религии и науки?
2. В чем заключена проблема отношений религии и науки в истории культуры?
3. Объясните причины того, что религия не исчезает с появлением и возрастанием научного знания.
4. Чем объяснить тот факт, что многие ученые, в том числе в области естественных наук, продолжают оставаться верующими людьми?
5. Почему и как связан феномен религии с экономическим устройством государства?
6. Как связаны между собою в истории культуры научное и религиозное мировоззрения?

Глава 11. ИСКУССТВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

11.1. Понятие «искусство»

Существует множество определений искусства. Назовем основные подходы к пониманию этого явления:

1. Искусство как специфический вид духовного отражения и освоения действительности.

2. Искусство как один из элементов культуры, в котором аккумулируются художественно-эстетические ценности.

3. Искусство как форма чувственного познания мира. Можно выделить три способа познания:

- рациональный (логический, абстрактный, основанный на мышлении);
- чувственный (основанный на эмоциях, чувствах);
- иррациональный (основанный на интуиции).

4. В искусстве проявляются творческие способности человека (проблема художника-творца).

5. Искусство как процесс освоения человеком художественных ценностей, доставляющий ему удовольствие, наслаждение (проблема восприятия и понимания искусства).

Искусство (от лат. – «мастерство», «ремесло», «техника»; «умение»; от ст.-слав. – «опыт», «испытание») – это образное осмысление действительности; это процесс или итог выражения внутреннего или внешнего (по отношению к творцу) мира в художественном образе; это творчество, направленное таким образом, что оно отражает интересующее не только самого автора, но и других людей.

Исследователи, пытаясь понять основу искусства, видели в нем и реализацию инстинкта украшения и подражания природе, и средство общения между людьми, и источник познания мира, и своеобразное кодирование информации об исторических периодах и народах, рассматривали искусство как текст и знаковую систему, как игру, удовольствие, проявление иррационального и бессознательного начала в человеке, видели в нем способ самовыражения и самосознания человечества через личность художника. Все эти интерпретации отражают накопленное знание об искусстве и раскрывают различные грани культуры.

11.2. Гипотезы генезиса искусства

В культурологии выделяют несколько точек зрения относительно происхождения искусства:

1. Искусство первобытного человека как стремление понять свое место в окружающем мире прочитывается в тех образах, что донесли до нас гравированные и живописные изображения на камне из Бурделя, Эль Парналло, живопись и петроглифы (изображения, выбитые, выцарапанные или высеченные на камне) пещер Ласко, Нио, Альтамиры, наскальное искусство Сахары и Северной Африки. Некоторые ученые до сих пор упрощенно подходят к оценке образов первобытного художественного творчества. Однако уже английский исследователь первобытного искусства Анри Брейль заговорил о настоящей «цивилизации каменного века», проследив эволюцию первобытного искусства от простейших спиралей и отпечатков рук на глине через гравированные изображения животных на костях, камне и роге к полихромным (многоцветным) росписям в пещерах на огромных пространствах Европы и Азии.

2. Игровая концепция культуры восходит к идеям Ф. Шиллера, И. Канта, Г. Спенсера. Наиболее законченно эта точка зрения выражена в книге голландского культуролога Йохана Хейзинга (1872–1945), который утверждал, что культура в ее древнейших фазах «играется». Она не происходит из игры, как живой плод, который отделяется от материнского тела; она разворачивается в игре и как игра. Таким образом, игра рассматривается как импульс возникновения искусства, а игровая природа как одна из граней его существования.

3. Теория подражания или имитационная теория, связанная с естественным желанием человека к имитации, подражанию природе. Аристотель видел в искусстве «подражание» матери-природы и одно из средств «очищения» чувств человека, воспитания его красивым, благородным, мужественным. При этом следует помнить, что произведения искусства не сводились к механическому воспроизведению реальности, допускалась творческая способность художника. Мастер обязан создать нечто лучшее, чем сам образец (Аристотель).

11.3. Социокультурные смыслы искусства

Различные подходы к пониманию искусства и его возникновению свидетельствуют о множественности его социокультурных смыслов:

1. Искусство как высшая форма познания (Ф. Шеллинг), ибо, со слов В.Г. Белинского, истина человеку впервые открылась в искусстве. Чтение книг, просмотр фильмов, слушание музыки, восхищение грандиозными архитектурными сооружениями способствуют расширению знаний о мире, о человеке, его чувствах и мировоззрении.

2. Искусство как способ коммуникации: в нем закрепляется связь между человеком и обществом. Благодаря искусству человек может переноситься в другие эпохи и страны, общаться с другими поколениями, людьми (пусть даже вымышленными), в чьих образах художник отразил не только свои собственные представления, но и современные ему взгляды, настроения, чувства.

3. Искусство как чувственное восприятие (сфера эстетического), благодаря которому раскрывается суть прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического. Для обозначения эстетического воздействия искусства на человека в античной философии появляется термин «катарсис» (греч. – «очищение»). В рамках пифагорейской школы существовала теория и практика излечения телесных недугов, очищения души от вредных страстей (гнева, страха, ревности) с помощью определенных музыкальных ладов. Аристотель понимал под катарсисом очищение через страх и сострадание: в психике человека под воздействием песнопений, музыки, античной трагедии возникают сильнейшие аффекты, результатом которых становится некое облегчение и очищение, связанное с удовольствием. Л.С. Выготский считал, что катарсис может рассматриваться как завершающая фаза сложного психофизиологического процесса восприятия произведения искусства: в психике человека происходит разряд эмоций, нервной энергии, «самосгорание» противоположно направленных аффектов.

4. Обращение к искусству с целью получения удовольствия. Наслаждение от художественных произведений – это закономерное порождение восприятия эстетической организации звуков, форм, красок, движений. Но чувственное удовольствие можно считать лишь одной из граней более сложного эстетического восприятия.

11.4. Критерии искусства

Традиционно выделяют следующие критерии искусства:

- 1) эстетическая ценность – красота;
- 2) нравственная ценность – добро;
- 3) познавательная ценность – истина.

Принято считать, что сердцевиной искусства является красота.

Красота – это эстетическая категория, обозначающая совершенство, гармоничное сочетание аспектов объекта, при котором последний вызывает у наблюдателя эстетическое наслаждение.

В разные культурные эпохи в понимании красоты немаловажную роль играли этнические особенности. В античные времена самым прекрасным из всего, что существует в мире, считали человека. Человеческое тело, в представлении древних, совершенно, и по этой причине все древнегреческие и древнеримские Боги внешностью похожи на людей. Подтверждение тому – статуи этих Богов, которые идеально сложены, красивы и имеют человеческую внешность. Например, статуи Артемиды, Афродиты и Аполлона изображены в благородных позах. Их тела красивы, они идеально сложены, весь их облик гармоничен. Такими же изображались практически все Боги, а также положительные герои.

В эпоху Средневековья под влиянием религиозных убеждений изменились и эстетические идеалы, и представления о том, что есть прекрасно. Главной идеей в этот период было превосходство духовной составляющей человека над его телом, по этой причине человеческие фигуры стали изображаться на полотнах художников и в скульптуре аскетичными, отрешёнными от мира, почти бестелесными и бесполовыми. К внешним недостаткам человека стали относиться с пониманием, не высмеивая и не объявляя таких людей олицетворением зла. Живописцы стали изображать в своих творениях людей с некрасивыми лицами.

В Новое время идеалы красоты вновь поменялись. Теперь красота внешняя, как и в античные времена, снова стала главенствовать. Представления о красивом теле у аристократов и простолюдинов разделились. Простой народ считал красивым крепкое тело, а знать напротив – считала красивым тело хрупкое, грациозное, которое не способно к работе, и не только у женщин, но также и у мужчин, в связи с чем мужчины стали похожи на женщин, они носили парики, пудрились, ярко одевались, не меньше женщин использовали в своём гардеробе ленты и кружева. В XIX веке в период расцвета романтизма женская красота, например, выражалась в бледности, худобе и грустном мечтательном облике. Женщины изнуряли себя диетами и носили утягивающие корсеты. К XX веку женщины освобождаются от тисков корсета (в 1903 г. Айседора Дункан танцевала в прозрачной рубашке античного покроя, «украшенной» только шалью). В наше время нет какого-то строго определённого канона или стандарта красоты, однако всегда остается верным, что красота – это совершенная форма бытия.

Согласно философскому словарю, **добро** – это морально-этическая категория, в которой выражается нравственная оценка поведения людей, а также общественных явлений с различных позиций. В Древней Греции, к примеру, орудием нравственного воспитания объявлялась музыка, оказывающая огромное влияние на этическую сторону души.

Противоположная сторона добра – зло. В европейской традиции добро обычно ассоциируют со светом, светлым, белым, зло – с тьмой, тёмным, чёрным. Согласно догматам некоторых религий, добро со злом рассматриваются как автономные силы, ведущие извечную борьбу за право властвовать в мире. Подобная система взглядов в теологии называется дуализмом.

Особое внимание в искусстве уделяют познавательной ценности – истине.

Истина – это философская гносеологическая характеристика мышления в его отношении к своему предмету. Мысль называется истинной (или истиной), если она соответствует предмету. При этом следует помнить, что суть истины в её неоднозначности и многогранности.

Предмет, изображаемый произведением искусства и являющийся отражением чего-то внешнего, существующего вне произведения, никогда не является тождественным самому отображаемому предмету. Более того, отображение в принципе не должно быть совпадать с отображаемым объектом (Августин). Несколькими столетиями раньше Платон утверждал, что поэты и художники – это вечные «образотворцы». Вместо того чтобы понимать бытие таким, какое оно есть, они предлагают нам только иллюзию бытия.

В искусстве существуют два способа образного отражения мира: реалистический и условный. Так, например, в дошедших до нас художественных произведениях палеолита присутствуют оба способа отражения бытия. Причем художественные образы представлены наиболее значимыми для данной культуры персонажами, событиями, чувствами, проблемами. Условное искусство дает больше возможностей для расширения и интерпретации содержания художественных образов, может быть символическим. Символично, например, религиозное искусство европейского средневековья: живописные и скульптурные образы, далекие от правдоподобия, служили религиозным идеям, торжеству духа над телесностью.

Современное искусство (искусство модернизма и постмодернизма) также может рассматриваться как символическое воссоздание отношений «человек – мир» в наш противоречивый век с сенсационными научными открытиями, достижениями техники, войнами, экологическими катастрофами и кризисом духовности.

Контрольные вопросы

1. Как соотносятся понятия «художественная культура» и «искусство»?
2. Охарактеризуйте художественное творчество как процесс.
3. Перечислите науки, занимающиеся проблемами искусства.

4. Назовите теории возникновения искусства.
5. В чем специфика художественной картины мира?
6. В чем заключаются социокультурные смыслы искусства?
7. Что такое религиозное искусство?
8. Какие новые искусства появились в XX веке в результате взаимодействия искусства и техники?
9. Что такое массовая культура, кич? Приведите примеры кича в литературе, музыке, кино, театре, живописи.
10. В чем сущность реалистического и условного искусства?

Глава 12. ТЕХНИКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

12.1. Понятие «техника»

Техника (от др.-греч. – «искусство», «мастерство», «умение») – это обобщающее наименование сложных устройств, механизмов, систем (включая «средства труда»).

Техника может также употребляться для обозначения методов, процессов и технологий упорядоченной искусной деятельности (например, для создания, изготовления, обеспечения, использования чего-либо, включая методологически упорядоченные процессы творчества).

Понятие техники охватывает технические изделия, ранее не существовавшие в природе, и процессы их изготовления человеком для осуществления какой-либо деятельности, в том числе: машины, механизмы, оборудование, аппараты, инструменты, приборы и т.д. – а также системы взаимосвязанных технических устройств (и строительные сооружения).

Техники, изучаемые различными науками:

1. Инструментально-технологическое измерение, составляющее предмет изучения технических наук, когда во внимание берется онтологическая природа технического объекта, его внутренняя технологическая «логика».

2. Естественное (природное) измерение, которое акцентирует внимание на взаимоотношении «техника – природа», являющееся предметом изучения естествознания и инженерной экологии.

3. Индивидуальное человеческое измерение, которое сосредоточивается на предметной области «техника – человек» и изучается такими науками, как психология, антропология, физиология, эстетика, эргономика и др.

4. Социальное измерение в рамках отношения «техника – социальное бытие», предметная область которого есть взаимоотношение техники и общества, техники и мирового цивилизационного процесса. Этот аспект изучается социологией, экономическими науками, политологической наукой и, конечно, культурологией.

5. Культурное измерение в рамках отношения «техника – социокультурный мир», изучаемое культурологией.

12.2. Социокультурные смыслы техники

Одной из фундаментальных социокультурных черт техники является то, что она есть **средство преобразования среды, природы и самого человека**. Эта черта нашла отражение еще в мифотворчестве (миф о Прометее, научившем

людей техническим навыкам; миф о Дедале и его сыне Икаре, решавших задачу полета с помощью крыльев).

Другой фундаментальной характеристикой техники является то, что она выступает **посредником между человеком и природой**, задающим тип отношения между ними. Такова, например, христианская концепция природы как пассивного объекта использования и воздействия.

Еще одна важнейшая социокультурная характеристика техники состоит в том, что она **есть средство, изменяющее самого человека и задающее проблему человека в мире техники**.

Социокультурный смысл техники как **степени совершенства способа деятельности** состоит в том, что она представляет собой «искусность», «мастерство», при этом мастерство не только собственно инженерной деятельности, но и любой другой (техника чтения, техника приготовления пищи, техника осуществления власти и т.д.). В этом плане техника представляет собой технологию (способ) деятельности, а ее социокультурный смысл заключен в **технологическом совершенстве**.

Социокультурный смысл техники как **степени развития человека (личности)**: 1) техника создает условия для развития способностей человека; 2) техника как средство реализации природных задатков.

12.3. Взаимоотношения «человек – техника» в культуре

Представление о технике в культуре определяет отношение людей к ней и ее применение. В **первобытной культуре** техника (копье, лук, стрела и т.п.) наделялась магическими свойствами (проводились ритуалы для успешной охоты, для придания силы оружию и т.п.). Существовала техника колдовства: танец, жесты, заклинания, заговоры предметов (талисманы, жезлы).

В **античные времена** на технику смотрели как на творение разума, а изобретательский талант считался у греков божественным даром.

В **религиозной культуре Средневековья** техника считалась одним из данных Богом условий человеческого бытия. Новации осуждались как попытки отойти от установленных Богом законов. Изобретателей нередко обвиняли в колдовстве и связях с нечистой силой. Тем не менее, творческая мысль не останавливалась, а технические новшества постепенно входили в жизнь.

С эпохи **Возрождения** на технику начинают смотреть как на важнейший фактор общественного процесса. Однако развитие общественного производства, секуляризация духовной деятельности и культуры в целом, возрождение

естественной науки, урбанизация и другие социально значимые процессы ведут к новому индустриальному типу общества. Появление машин, заменяющих ручной труд, вызывает и недовольство у части населения. Оно находит свое выражение в движении луддистов в Англии, наиболее промышленно развитой стране того времени. В глазах рабочих, теряющих работу из-за применения машин, техника выступает как враг. В городах европейского континента также нередко случаются восстания, в ходе которых пролетарии уничтожают ненавистные станки и механизмы.

Уже в XIX веке в европейской культуре разворачивается борьба двух тенденций техницизма (технофилии) и антитехницизма (технофобии), которые продолжают свою борьбу по сей день. Первый изображает технику как благо, второй – как зло.

Технофилия (от греч. – «мастерство», «ремесло» и «любимый») – это технический оптимизм, опирающийся на сциентизм и абсолютизирующий позитивные перспективы развития техники и технологии.

Технофобия (от др.-греч. – «искусство, мастерство», «боязнь, страх») – страх или неприязнь к передовым технологиям или сложным электронным устройствам. Страх перед техническим прогрессом вообще.

Контрольные вопросы

1. Что такое техника? Каковы ее природа и истоки?
2. В чем проявляется социокультурная обусловленность развития техники?
3. Каковы формы и пределы воздействия техники на человеческое бытие?
4. С чем связана амбивалентность отношений человека к технике: с одной стороны – любви, надежды, уверенности, а с другой – тревоги и страха перед ней?
5. Какие новые проблемы и ситуации в культуре на рубеже XXI века порождает современная техника?

ХРЕСТОМАТИЯ ПО КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЧЕРЕЗ ТЕКСТЫ)

Тексты к главе 1 «Культурология как наука»

Лесли Уайт «Понятие культуры»

«Никто из занимающихся структурной антропологией не подвергает сомнению то обстоятельство, что центральным понятием этой отрасли знания является «культура». Но данный термин каждый понимает по-своему. Для одних культура – научаемое поведение. Для других – не поведение как таковое, а его абстракция. Для одних антропологов каменные топоры и керамические сосуды – культура, для других ни один материальный предмет таковой не является. Одни полагают, что культура существует лишь в сознании людей, другие считают культурой лишь осязаемые предметы и явления внешнего мира. Некоторые антропологи представляют культуру совокупностью идей, но спорят друг с другом по поводу того, где эти идеи обитают: одни полагают, что в сознании изучаемых людей, другие – что в сознании самих этнологов. Далее следует понимание «культуры как защитного механизма физического мира», «культуры как совокупности составляющих «*n*» различных социальных сигналов, которым соответствуют «*m*» различных ответов», затем царит уже полная путаница и неразбериха. Интересно, как повели бы себя физики, если бы у них существовало столько же различных представлений об энергии!

Были, однако, времена, когда ученые имели более или менее однозначное представление о сущности и употреблении этого термина. В последние десятилетия XIX в. и в самом начале XX в. культурные антропологи разделяли по преимуществу точку зрения Э.Б. Тайлора, выраженную в первых строках «Первобытной культуры»: «Культура ... слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества». Тайлор не делает здесь акцента на том, что культура присуща лишь человеку, хотя это и подразумевается; в других его работах данная мысль выражена более четко. Следовательно, к культуре Тайлор относит всю совокупность предметов и явлений, свойственных человеку как виду. В «Первобытной культуре» он перечисляет верования, обычаи, материальные предметы и пр.

Тайлоровская концепция культуры царила в антропологии в течение нескольких десятилетий. Еще в 1920 г. Роберт Лоуи открывал свой труд «Первобытное общество» цитатой «знаменитого тайлоровского определения». Однако в последние годы число концепций и определений культуры значительно возросло. Наибольшее распространение получили представления о культуре как об абстракции. Именно так в конечном счете определяют культуру Кребер и Клакхон в их всеобъемлющем исследовании «Культура: критический обзор концепций и определений». Аналогичным образом определяют культуру Билз и Хойджер в учебнике «Введение в антропологию». А в недавней работе «Культурная антропология» Феликс М. Кисинг характеризует культуру как «совокупность изучаемого поведения, распространенного в обществе».

В последнее время дискуссия вокруг понятия культуры заострилась на проблеме различия между терминами «культура» и «человеческое поведение». Долгие годы антропологи совершенно спокойно определяли культуру как научаемое поведение, свойственное человеческому виду и передающееся от одного индивида, группы индивидов или поколения другим при помощи механизма социальной наследственности. Однако теперь на этот счет возникли сомнения, которые привели к утверждению, что культура есть не само поведение, а лишь его абстракция. Культуру, утверждают Кребер и Клакхон, «есть абстракция конкретного человеческого поведения, но не само поведение». Аналогичную точку зрения высказывают Билз, Хойджер и др.

<...> Когда культура превращается в абстракцию, она не только становится невидимой и неуловимой, но и вообще перестает существовать как таковая. Трудно представить себе концепцию, менее соответствующую действительному положению вещей. Почему же тогда столь многие выдающиеся и пользующиеся безусловным уважением антропологи поддерживают «абстрактную» концепцию?

Ключ к пониманию этого – а может, и просто объяснение данного явления – дают Кребер и Клакхон: «Поведение для психологии – материал первостепенной важности, а культура – нет, она уже вещь второстепенная, интересная лишь постольку, поскольку влияет на поведение: и совершенно естественно, что психологи и социопсихологи считают своим предметом исследования в первую очередь поведение, а уже потом распространяют свои интересы и на культуру».

Мотивировка проста и однозначна: если культура – это поведение, то (1) культура становится предметом изучения психологической науки:

поскольку поведение изучается психологией, она и отдается во власть психологам и социопсихологам; (2) небιологическая антропология остается без предмета изучения. Такая опасность стала казаться реальной и неотвратимой, ситуация приближалась к критической. Надо было искать какой-то выход. Но какой?

Кребер и Клакхон предложили простое и тактичное решение: пусть психологи имеют дело с поведением, а антропологи занимаются абстракциями поведения. Эти абстракции, мол, и являются культурой.

Заключая такую сделку, антропологи отдали психологам лучшее: реальные предметы и явления, которые существуют в реальном материальном мире, во времени и пространстве, и могут быть познаны, а себе оставили неуловимые абстракции, не являющиеся «онтологической реальностью». Однако они наконец получили хоть и эфемерный и непознаваемый, но собственный объект изучения!

<...> Автор этих строк, так же как Кребер и Клакхон, вовсе не собирается отдавать культуру психологам; в самом деле, трудно найти антрополога, который приложил бы столько усилий, чтобы разграничить психологические и культурологические проблемы. Но в еще меньшей степени он склонен подменить материальную сущность культуры ее призраком. Ни одна наука не может иметь объектом своего изучения нечто, состоящее из неуловимых, невидимых, неосязаемых, онтологически несуществующих «абстракций»; наука должна иметь дело с настоящими звездами, млекопитающими, лисицами, кристаллами, клетками, феноменами, гамма-излучением и элементами культуры. Мы считаем возможным предложить такой анализ ситуации, который позволит разграничить психологию как науку, изучающую поведение, и культурологию как науку, изучающую культуру, и каждой из этих наук дать реальный, материальный объект изучения» [1].

Вопросы для самопроверки

1. Что включается Л. Уайтом в понятие культуры?
2. Чем отличается определение, данное Л. Уайтом, от предшествующих подходов к культуре?
3. Как Л. Уайт определяет предмет науки «культурология»? С какой целью он выделяет культурологию в качестве отдельной научной дисциплины?

Эдуард Барнетт Тайлор «Первобытная культура. Определение культуры»

«Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Явления культуры у различных человеческих обществ, поскольку могут быть исследованы лежащие в их основе общие начала, представляют предмет, удобный для изучения законов человеческой мысли и деятельности. С одной стороны, однообразие, так широко проявляющееся в цивилизации, в значительной мере может быть приписано однообразному действию однообразных причин. С другой стороны, различные ступени культуры могут считаться стадиями постепенного развития, из которых каждая является продуктом прошлого и в свою очередь играет известную роль в формировании будущего» [14, С. 3].

Вопросы для самопроверки

1. Что включается Э. Тайлором в понятие культуры?
2. Чем отличается определение, данное Э. Тайлором, от предшествующих подходов к культуре?
3. Выделите элементы эволюционистской концепции в данном определении.
4. Сравните данное определение с последующими подходами к культуре.

Текст к главе 2 «Культура в рамках культурологии»

Йохан Хейзинга «Игра и культура»

«Когда мы, люди, оказались не столь разумными, как наивно внушал нам светлый XVIII век в своем почитании Разума, для именованя нашего вида рядом с *Homo sapiens* поставили еще *Homo faber*, человек-созидатель. Второй термин был менее удачен, нежели первый, ибо *faberi*, созидатели, суть и некоторые животные. Что справедливо для созидания, справедливо и для игры: многие животные любят играть. Все же мне представляется, что *Homo ludens*, человек играющий, выражает такую же существенную функцию, как человек созидующий, и должен занять свое место рядом с *Homo faber*.

Одна старая мысль гласит, что, если проанализировать любую человеческую деятельность до самых пределов нашего познания, она покажется не более чем игрой. ... С давних пор шел я все определеннее к убеждению, что человеческая культура возникает и развивается в игре, как игра...

Игра рассматривается здесь как явление культуры, не как – или не в первую очередь как – биологическая функция, и анализируется средствами культурологического мышления... Если бы я суммировал свои рассуждения в форме тезисов, то один из них гласил бы: «этнология и родственные ей науки отводят слишком мало места понятию игры». Во всяком случае, общеупотребительной терминологии, имеющей отношение к игре, мне было недостаточно. Я постоянно испытывал нужду в прилагательном от слова «игра», которое просто означало «то, что относится к игре или к процессу игры». Посему я позволю себе ввести слово «*ludiek*» («игровой»)..

Игра старше культуры, ибо понятие культуры, как бы несовершенно его ни определяли, в любом случае предполагает человеческое сообщество, а животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть. Да, можно с уверенностью заявить, что человеческая цивилизация не добавила никакого существенного признака общему понятию игры. Животные играют точно так же, как люди. Все основные черты игры уже присутствуют в игре животных. Достаточно понаблюдать хотя бы игру щенят, чтобы в их веселой возне без труда обнаружить все эти черты. Они приглашают друг друга поиграть неким подобием церемониальных поз и жестов. Они соблюдают правило, что нельзя, например, партнеру по игре прокусывать ухо. Они притворяются ужасно злыми. И что особенно важно, они совершенно очевидно испытывают при этом огромное удовольствие и радость. Подобная игра резвящихся кутят – лишь одна из самых простых форм игры животных. Существуют много более высокие, много более развитые формы: настоящие состязания и увлекательные представления для зрителей.

Здесь необходимо сразу же выделить один весьма важный пункт. Уже в своих простейших формах и уже в жизни животных игра представляет собой нечто большее, чем чисто физиологическое явление либо физиологически обусловленная физическая реакция. Игра как таковая перешагивает рамки чисто биологической или, во всяком случае, чисто физической деятельности. Игра – содержательная функция со многими гранями смысла. В игре «подыгрывает», участвует нечто такое, что превосходит непосредственное стремление к поддержанию жизни и вкладывает в данное действие определенный смысл. Всякая игра что-то значит. Если этот активный принцип, сообщающий игре свою сущность, назвать духом, это будет преувеличением; назвать же его инстинктом – значит ничего не сказать. Как бы к нему ни относиться, во всяком случае этим «смыслом» игры ясно обнаруживает себя некий имматериальный элемент в самой сущности игры...

Но хочется того или нет, признавая игру, признают и дух. Ибо игра, какова бы ни была ее сущность, не есть нечто материальное. Уже в мире животных ломает она границы физического существования. С точки зрения детерминированно мыслимого мира, мира сплошного взаимодействия сил, игра есть в самом полном смысле слова «*superabundans*» («излишество, избыток»). Только с вмешательством духа, снимающего эту всеобщую детерминированность, наличие игры делается возможным, мыслимым, постижимым. Бытие игры всякий час подтверждает, причем в самом высшем смысле, супралогический характер нашего положения во Вселенной. Животные могут играть, значит, они уже нечто большее, чем просто механизмы. Мы играем, и мы знаем, что мы играем, значит, мы более чем просто разумные существа, ибо игра есть занятие внеразумное.

Кто обратит свой взгляд на функцию игры не в жизни животных и не в жизни детей, а в культуре, тот вправе рассматривать понятие игры в той его части, где от него отступаются биология и психология. Он находит игру в культуре как заданную величину, существовавшую прежде самой культуры, сопровождающую и пронизывающую ее с самого начала вплоть до той фазы культуры, в которой живет сам. Он всюду замечает присутствие игры как определенного качества деятельности, отличного от «обыденной» жизни... Игра как форма деятельности, как содержательная форма, несущая смысл, и как социальная функция – вот объект его интереса. Он уже не ищет естественных стимулов, влияющих на игру вообще, но рассматривает игру непосредственно как социальную структуру в ее многообразных конкретных формах. Он старается понять игру такой, какой видит сам играющий, то есть в ее первоначальном значении. Если он придет к выводу, что игра опирается на действия с определенными образами, на известное «преображение» действительности, тогда он постарается в первую очередь понять ценность и значение этих образов и самого претворения в образы. Он хочет наблюдать их проявление в самой игре и таким образом попытаться понять игру как фактор культурной жизни.

Важнейшие виды первоначальной деятельности человеческого общества все уже переплетаются с игрой. Возьмем язык, самый первый и самый высший инструмент, созданный человеком для того, чтобы сообщать, учить, повелевать. Язык, с помощью которого он различает, определяет, констатирует, короче говоря, называет, то есть возвышает вещи до сферы духа. Дух, формирующий язык, всякий раз перепрыгивает играючи с уровня материального на уровень мысли. За каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов. Так человечество все снова и снова творит свое выражение бытия,

рядом с миром природы – свой второй, измышленный мир. Или возьмем миф, что также является претворением бытия, но только более разработанным, чем отдельное слово. С помощью мифа на ранней стадии пытаются объяснить все земное, найти первопричины человеческих деяний в божественном. В каждой из этих причудливых оболочек, в которые миф облакал все сущее, изобретательный дух играет на рубеже шутки и серьезности. Наконец, возьмем культ. Раннее общество отправляет свои священнодействия, которые служат ручательством благоденствия мира, освящения, жертвоприношения, мистерии, в игре, понимаемой в самом истинном смысле этого слова.

В мифе и в культе, однако, рождаются великие движущие силы культурной жизни: право и порядок, общение, предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, ученость и наука. Поэтому и они уходят корнями в ту же почву игрового действия...

Игра в нашем сознании противостоит серьезному. Истоки этого противопоставления пока что выявить так же трудно, как и происхождение самого понятия игры. Если присмотреться внимательнее, противопоставление игры и серьезного перестанет нам казаться законченным и устойчивым. Мы можем сказать: игра есть несерьезное. Но помимо того, что эта формула ничего не говорит о положительных качествах игры, ее чрезвычайно легко опровергнуть. Стоит нам вместо «игра есть несерьезное» произнести «игра несерьезна», как данное противопоставление теряет силу, ибо игра может быть по-настоящему серьезной. Более того, мы тотчас же наталкиваемся на различные фундаментальные категории жизни, равным образом подпадающие под рубрику несерьезного, однако никак не соотносимые с игрой. Смех тоже в известном смысле противостоит серьезному, однако между ним и игрой никоим образом нет необходимой связи. Дети, футболисты, шахматисты играют со всей серьезностью, без малейшей склонности смеяться. Примечательное обстоятельство: как раз чисто физиологическое отправление смеха присуще исключительно человеку, в то время как содержательная функция игры является у него с животными общей...

Под игровым элементом культуры здесь не подразумевается, что игры занимают важное место среди различных форм жизнедеятельности культуры. Не имеем мы в виду и того, что культура происходит из игры в результате процесса эволюции – в том смысле, что то, что первоначально было игрой, впоследствии переходит в нечто, игрой уже не являющееся, и что теперь может быть названо культурой. Ниже будет развернуто следующее положение: культура возникает в форме игры, культура первоначально

разыгрывается. И те виды деятельности, что прямо направлены на удовлетворение жизненных потребностей, как, например, охота в архаическом обществе предпочитает находить себе игровую форму. Человеческое общежитие поднимается до супрабиологических форм, придающих ему высшую ценность, посредством игр. В этих играх общество выражает свое понимание жизни и мира. Стало быть, не следует понимать дело таким образом, что игра мало-помалу перерастает или вдруг преобразуется в культуру, но скорее так, что культуре в ее начальных фазах свойственно нечто игровое, что представляется в формах и атмосфере игры. В этом двуединстве культуры и игры игра является первичным, объективно воспринимаемым, конкретно определенным фактом, в то время как культура есть всего лишь характеристика, которую наше историческое суждение привязывает к данному случаю...

В поступательном движении культуры гипотетическое исходное соотношение игры и не-игры не остается неизменным. Игровой элемент в целом отступает по мере развития культуры на задний план. По большей части и в значительной мере он растворился, ассимилировался в сакральной сфере, кристаллизовался в учености и в поэзии, в правосознании, в формах политической жизни. При этом игровое качество в явлениях культуры уходило обычно из виду. Однако во все времена и всюду, в том числе и в формах высокоразвитой культуры, игровой инстинкт может вновь проявиться в полную силу, вовлекая как отдельную личность, так и массы в опьяняющий вихрь исполинской игры...

Игра-состязание как импульс, более старый, чем сама культура, издревле заполняла жизнь и, подобно дрожжам, побуждала расти формы архаической культуры. Культ разворачивался в священной игре. Поэзия родилась в игре и стала жить благодаря игровым формам. Музыка и танец были сплошь игрой. Мудрость и знание находили свое выражение в освященных состязаниях. Право выделилось из обычаев социальной игры. На игровых формах базировались улаживание споров с помощью оружия и условности аристократической жизни. Вывод должен был следовать один: культура в ее древнейших фазах «играется». Она не происходит из игры, как живой плод, который отделяется от материнского тела; она развивается в игре и как игра...

Шаг за шагом мы уже подошли к заключению: подлинная культура не может существовать без определенного игрового содержания, ибо культура предполагает известное самоограничение и самообладание, известную способность не видеть в своих собственных устремлениях нечто предельное и высшее, но рассматривать себя внутри определенных, добровольно принятых границ. Культура все еще хочет в известном смысле

играться – по обоюдному соглашению относительно определенных правил. Подлинная культура требует всегда и в любом аспекте а *fair play* (честной игры); а *fair play* есть не что иное, как выраженный в терминах игры эквивалент порядочности. Нарушитель правил игры разрушает самое культуру. Для того чтобы игровое содержание культуры могло быть созидющим или подвигающим культуру, оно должно быть чистым. Оно не должно состоять в ослеплении или отступничестве от норм, предписанных разумом, человечностью или верой. Оно не должно быть ложным сиянием, которым маскируется намерение осуществить определенные цели с помощью специально взращенных игровых форм. Подлинная игра исключает всякую пропаганду. Она содержит свою цель в самой себе. Ее дух и ее атмосфера – радостное воодушевление, а не истерическая взвинченность. Сегодня пропаганда, которая хочет завладеть каждым участком жизни, действует средствами, ведущими к истеричным реакциям масс, и поэтому, даже когда она принимает игровые формы, не может рассматриваться как современное выражение духа игры, но только как его фальсификация...» [18].

Вопросы для самопроверки

1. Почему Й. Хейзинга считает, что человеческая культура не может существовать без определенного игрового содержания? Что такое игра в его понимании?
2. Как аргументирует Хейзинга тезис, что игра старше культуры?
3. Как можно классифицировать игру?

Тексты к главе 3 «Культурогенез и его концепции»

Зигмунд Фрейд «Тотем и табу»

1. «Табу – полинезийское слово, которое трудно перевести, потому что у нас нет больше обозначаемого им понятия. Древним римлянам оно было еще известно; их *sacer* было тем же, что табу полинезийцев.

... Для нас значение табу разветвляется в двух противоположных направлениях. С одной стороны, оно означает – святой, освященный, с другой стороны – жуткий, опасный, запретный, нечистый. Противоположность табу по-полинезийски называется *ноа* – обычный, общедоступный. Таким образом, с табу связано представление чего-то, требующего осторожности, табу выражается по существу в запрещениях и ограничениях. Наше сочетание «священный запрет» часто совпадает со смыслом табу.

Ограничения табу представляют собой нечто иное, нежели религиозные или моральные запрещения. Они сводятся не к заповеди Бога, а запрещаются, собственно, сами собой. От запретов морали они отличаются отсутствием принадлежности к системе, требующей вообще воздержания и приводящей основание для такого требования. Запреты табу лишены всякого обоснования. Они неизвестного происхождения. Непонятные для нас, они кажутся чем-то само собой разумеющимся тем, кто находится в их власти.

Wundt называет табу самым древним неписанным законодательным кодексом человечества. Общепринято мнение, что табу древнее богов и восходит ко временам, предшествующим какой бы то ни было религии.

Так как мы нуждаемся в беспристрастном описании табу, чтобы подвергнуть его психоаналитическому исследованию, то я привожу цитату из статьи «Taboo» из «Encyclopedia Britannica», автором которой является антрополог Northcote W. Thomas. «Строго говоря, табу охватывает только: а) священный (или нечистый) признак лиц или вещей; б) род ограничения, вытекающий из этого признака, и с) святость (или нечисть), происходящую вследствие нарушения этого запрещения. Противоположность табу в Полинезии называется «*ноа*», что означает «обычный» или «общий»... .

«Цели табу разнообразны: цель прямого табу состоит в: а) охрана важных лиц, как-то: вождей, священников, предметов и т.п. от возможных повреждений; б) в защите слабых – женщин, детей и вообще обыкновенных людей против могущественного *Mana* (магической силы) священников и вождей; с) в защите от опасностей, связанных с прикосновением к трупам или с едой известной пищи и т.п.; д) в охране важных жизненных актов, как-то: родов, посвящения взрослого мужчины, брака, сексуальной деятельности; е) в защите человеческих существ от могущества или гнева богов и демонов; ф) в охране нерожденных и маленьких детей от разнообразных опасностей...».

2. Всякий, кто подходит к проблеме табу со стороны психоанализа, т.е. исследования бессознательной части индивидуальной душевной жизни, тот после недолгого размышления скажет себе, что эти феномены ему не чужды. Ему известны люди, создавшие себе индивидуальные запрещения табу и так же строго их соблюдающие, как дикари соблюдают общие у всего их племени или общества запреты. Если бы он не привык называть этих индивидов «страдающими навязчивостью», то считал бы подходящим для их состояния название «болезнь табу».

<...> Самые старые и важные запреты табу составляют оба основных закона тотемизма: не убивать животного тотема и избегать полового общения с товарищем по тотему другого пола.

Обычное разнообразие явлений табу, приведшее к сообщенным прежде попыткам классификации, таким образом сливается для нас в единство: основание табу составляет запрещенное действие, к совершению которого в бессознательном имеется сильная склонность. ...

Резюмируем, какое понимание табу явилось у нас в результате уподобления его навязчивому запрету невротика: табу является очень древним запретом, наложенным извне (каким-нибудь авторитетом) и направленном против сильнейших вожделений людей. Сильное желание нарушить его остается в их бессознательном. Люди, выполняющие табу, имеют амбивалентную направленность к тому, что подлежит табу. Приписываемая табу чародейственная сила сводится к способности вводить в искушение; она похожа на заразу, потому что пример заразителен и потому что запрещенное вожделение в бессознательном переносится на другое. Искупление посредством воздержания за нарушение табу доказывает, что в основе соблюдения табу лежит воздержание.

Утверждение о возникновении табу, что оно происходит от очень древнего запрещения, наложенного когда-то извне, не поддается, разумеется, доказательствам.

...В заключение этой работы сделаем замечание, являющееся подготовкой для дальнейших исследований. Если мы и придерживаемся взгляда, что по существу запрещения табу и запрещения морали одинаковы, то все же не станем спорить, что между ними имеется психологическое различие. Только изменение в отношениях, лежащих в основе обеих амбивалентностей, может быть причиной того, что запрещение не существует более в форме табу.

...Если кому-нибудь удалось удовлетворить вытесненное желание, то у всех других членов общества должно зашевелиться такое же желание; чтобы одолеть это искушение, тот, кому завидуют, должен быть лишен плодов своей дерзости, и наказание дает нередко возможность тем, кто его выполняет, сделать со своей стороны тот же греховный поступок под видом исправления вины. В этом состоит одно из основных положений человеческого уложения о наказаниях...» [16].

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте подход к проблеме культурогенеза с точки зрения психоаналитической школы.

2. Сформулируйте основные положения концепции З. Фрейда.
3. Чем объясняется с позиции З. Фрейда возникновение тотемов и табу в культуре?

Карл Юнг «Архетип и символ»

«Гипотеза о существовании коллективного бессознательного принадлежит к числу тех научных идей, которые поначалу остаются чуждыми публике, но затем быстро превращаются в хорошо ей известные и даже популярные.

Существование чего-либо в нашей душе признается только в том случае, если в ней присутствуют так или иначе осознаваемые содержания. Мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой способны удостовериться в наличии таких содержаний. В личном бессознательном это по большей части так называемые эмоционально окрашенные комплексы, образующие интимную душевную жизнь личности. Содержаниями коллективного бессознательного являются так называемые архетипы.

<...> «Архетип» – это пояснительное описание платоновского «*εἶδος*». Это наименование является верным и полезным для наших целей, поскольку оно значит, что, говоря о содержаниях коллективного бессознательного, мы имеем дело с древнейшими, лучше сказать, изначальными типами, т.е. испокон веку наличными всеобщими образами. Без особых трудностей применимо к бессознательным содержаниям и выражение «*representations collectives*», которое употреблялось Леви-Брюлем для обозначения символических фигур в первобытном мировоззрении. Речь идет практически все о том же самом: примитивные родоплеменные учения имеют дело с видоизмененными архетипами. Правда, это уже не содержания бессознательного; они успели приобрести осознаваемые формы, которые передаются с помощью традиционного обучения в основном в виде тайных учений, являющихся вообще типичным способом передачи коллективных содержаний, берущих начало в бессознательном.

Другим хорошо известным выражением архетипов являются мифы и сказки. Но и здесь речь идет о специфических формах, передаваемых на протяжении долгого времени. Понятие «архетип» опосредованно относимо к *representations collectives*, в которых оно обозначает только ту часть психического содержания, которая еще не прошла какой-либо сознательной обработки и представляет собой еще только непосредственную психическую данность. Архетип как таковой существенно отличается от исторически ставших или переработанных форм. На высших уровнях тайных учений архетипы представляют в такой оправе, которая, как правило,

безошибочно указывает на влияние сознательной их переработки в суждениях и оценках. Непосредственные проявления архетипов, с которыми мы встречаемся в сновидениях и видениях, напротив, значительно более индивидуальны, непонятны или наивны, нежели, скажем, мифы.

<...> Но каким образом мы придаем смысл? Откуда мы его в конечном счете берем? Формами придания смысла нам служат исторически возникшие категории, восходящие к туманной древности, в чем обычно не отдают себе отчета. Придавая смысл, мы пользуемся языковыми матрицами, происходящими, в свою очередь, от первоначальных образов. С какой стороны мы ни брались за этот вопрос, в любом случае необходимо обратиться к истории языка и мотивов, а она ведет прямо к первобытному миру чуда. Возьмем для примера слово «идея». Оно восходит к платоновскому понятию «*εἶδος*», а вечные идеи – первообразы; к «*ἐν ὑπερουρανίῳ τόπῳ*» (занебесному месту), в котором пребывают трансцендентные формы. Они предстают перед нашими глазами как *imagines et lares* («Изображения и лары». Имеются в виду восковые изображения предков и лары – духи – хранители домашнего очага в Древнем Риме) или как образы сновидений и откровений. Возьмем, например, понятие «энергия», означающее физическое событие, и обнаружим, что ранее тем же самым был огонь алхимиков, флогистон – присущая самому веществу теплоносная сила, подобная стоическому первотеплу или гераклитовскому «*πῦρ αἰζῶον*» (вечно живому огню), стоящему уже совсем близко к первобытному воззрению, согласно которому во всем пребывает всеоживляющая сила, сила произрастания и магического исцеления, обычно называемая *mana*.

Не стоит нагромождать примеры. Достаточно знать, что нет ни одной существенной идеи либо воззрения без их исторических прообразов. Все они восходят в конечном счете к лежащим в основании архетипическим праформам, образы которых возникли в то время, когда сознание еще не думало, а воспринимало. Мысль была объектом внутреннего восприятия, она не думалась, но обнаруживалась в своей явленности, так сказать, виделась и слышалась. Мысль была, по существу, откровением, не чем-то искомым, а навязанным, убедительным в своей непосредственной данности. Мышление предшествует первобытному «сознанию Я», являясь скорее объектом, нежели субъектом. Последняя вершина сознательности еще не достигнута, и мы имеем дело с предсуществующим мышлением, которое, впрочем, никогда не обнаруживалось как нечто внутреннее, пока человек был защищен символами» [23].

Вопросы для самопроверки

1. Объясните понятие «коллективное бессознательное».
2. Охарактеризуйте понятие архетипа в аналитической психологии К. Юнга.

Тексты к главе 4 «Типология культуры»

Арнольд Тойнби «Унификация мира и изменение исторической перспективы»

«Осведомленность – это наркотик для воображения: оттого лишь, что каждый школьник на Западе знает, что заокеанские открытия, сделанные западными мореплавателями около четырех с половиной веков назад, есть эпохальное историческое событие, взрослые умы склонны принимать все последствия этого как нечто само собой разумеющееся. Поэтому, адресуясь к западной публике, я не буду просить извинения за то, что скажу, сколь драматичны и революционны были последствия этого подвига наших отважных предков, пересекших океан. Этот подвиг вызвал не что иное, как полную трансформацию мировой карты – разумеется, не в физическом смысле, но в смысле «расклада» человечества на том отрезке земной поверхности, на котором оно обитает и который обычно называли Ойкуменой. Это изменение всей среды обитания человека будет моей первой темой, которая, однако, приведет нас к двум другим. Внешние изменения какой-либо величины обычно вызывают соответствующую перестройку человеческих отношений; и в самом деле, оглядевшись внимательно вокруг, мы увидим, что у большей части человечества последствия тех путешествий-открытий, какими бы недавними они ни были даже в самом мелком историческом масштабе, уже вызвали решительные изменения в перспективном взгляде на историю. Это и будет моей второй темой, но она вновь потянет за собой новую, обнажив один парадокс. То большинство человечества, о котором я упоминаю, находится, разумеется, вне Западного мира, и парадокс состоит в том, что мы здесь, на Западе, остались единственными во всем мире, чей взгляд на историю все еще находится на уровне знаний Васко-да-Гамы. Лично я не считаю, что этому допотопному западному взгляду на историю суждено долго оставаться неизменным. Не сомневаюсь, что и нам, в свою очередь, предстоит переориентироваться, и в нашем случае это состоится в прямом смысле этого слова. Но зачем же ждать, пока История, подобно какому-нибудь прусскому солдафону позапрошлого века, схватит нас за шиворот и повернет нам голову прямо?»

<...> Итак, углубимся в предмет нашего разговора, напомнив себе о революционном изменении карты мира.

Известно, что человечество по своей природе склонно – всегда и везде – к опасному преувеличению исторического значения современных ему событий вследствие того, что они важны лично для того поколения, которое охвачено этими событиями. И все-таки рискну предположить, что когда век, в котором мы сейчас живем, останется достаточно далеко позади, чтобы будущие историки могли его рассмотреть в более широкой перспективе, то конкретное, современное нам событие, о котором мы ведем речь, встанет над горизонтом прошлого, как горный пик над равниной. Под выражением «век, в котором мы живем» я подразумеваю последние пять-шесть тысяч лет, за которые человечество, существовавшее до того уже по крайней мере 600 тысяч лет, добилось того скромного уровня социальных и нравственных достижений, которые мы называем «цивилизацией». Я называю недавнее изменение карты мира «современным», ибо те четыре или пять столетий, в течение которых оно совершается, являются лишь мгновением на временной шкале, что раскрыли перед нами геологи и астрономы нашего времени. <...>

Если мое притязание на историческое значение рассматриваемого события покажется слишком нескромным, то давайте вспомним, каким экстраординарным было это изменение карты мира. Оно имеет, я бы сказал, два аспекта, причем второй из них особенно сенсационен. Во-первых, начиная с 1500 года (будем считать в привычных понятиях нашей эпохи) человечество объединилось в единое всемирное общество. От зарождения истории до примерно этого времени земной дом человечества был разделен на множество изолированных жилищ; начиная с 1500-х годов человеческий род стал жить под одной крышей. Это было совершено велением Божиим с помощью человеческой деятельности, и вот здесь-то мы подходим к поистине сенсационному заключению. Исполнителем этого революционного шага в жизни человечества могло быть любое из различных обществ, представленных на карте мира в тот момент, когда сей шаг совершился, но конкретное общество, которое его реально сделало, как раз наименее соответствовало цели.

Пытаясь вырваться из привычной западной мыслительной установки и посмотреть на эту проблему с менее эксцентричной точки зрения, я стал спрашивать себя, кто из незападных известных деятелей, живших во время, когда несколько групп западных мореплавателей пустились в рискованное предприятие по объединению мира, был в самом центре мира и был самым

осведомленным наблюдателем; и я нашел такого человека в лице императора Бабура. Бабур был потомком Тамерлана в пятом поколении, то есть потомком того самого транскеанского завоевателя, который предпринял последнюю попытку объединить мир путем сухопутных вылазок из континентального центра. Во время жизни Бабура (1483–1530) Колумб достиг Америки, следуя морем из Испании, а Васко да Гама – Индии, следуя из Португалии. Бабур начал свой жизненный путь как правитель Ферганы в долине Яксарта: маленькой страны, которая была центром Ойкумены со II века н. э. Бабур завоевал Индию 22 года спустя после того, как Васко да Гама прибыл туда морем. Наконец, что не менее важно, Бабур был писателем, его великолепная автобиография на родном для него тюркском языке отражает недюжинный ум и проницательность.

Каков же был кругозор Бабура? К востоку от Ферганы он включал в себя и Индию и Китай, а на западе простирался до отдаленных родственников Бабура – османских турок. Бабур учился у турок военному искусству и восхищался их преданностью исламу и доблестью в распространении ислама. Он называет их «Гази Рума»: счастливыми воинами, которым удалось то, в чем с треском провалились примитивные мусульмане-арабы, то есть ему удалось отвоевать для ислама родину восточно-православного христианства.

<...> Парадокс нашего поколения состоит в том, что весь мир выиграл в результате просвещения, которое Запад нес с собой, кроме (как мы уже наблюдали) самого Запада. Запад сегодня все еще продолжает смотреть на историю со своей старой, узкоместнической, эгоцентрической точки зрения, которую другие сообщества к нашему времени были вынуждены преодолеть. Тем не менее раньше или позже Запад в свою очередь будет вынужден пройти то переобучение, которое другие цивилизации прошли в процессе унификации мира в результате влияния Запада.

<...> В течение двух десятилетий начиная со времен Васко да Гамы наши западные предки, стремительно несшиеся по миру, делали героические попытки пропагандировать западное культурное наследие в полном объеме, включая как его религиозный стержень, так и технологическую оболочку; и это было вполне обоснованно, ибо любая культура есть нечто Целое, части которого взаимозависимы, и экспорт плевел без пшеницы может быть столь же смертельным, как излучение электронов атома без ядра. Однако примерно на рубеже XVII и XVIII веков нашей христианской эры произошло нечто, что – я рискую предположить – в ретроспекции будет выглядеть как эпохальное событие современной западной истории, когда эта локальная

история будет рассматриваться в ее истинном свете, как один из моментов всеобщей истории человечества. Это – двойное событие-предостережение, в котором провал иезуитов акцентируется одновременным успехом Королевского общества.

<...> В том же поколении сотоварищи этих трагически неудачливых иезуитов, западные католики и протестанты, у себя дома пришли к опасному выводу, что религия, спорная и разделенная на части, во имя которой они ведут бесконечную, столетнюю братоубийственную войну, на самом деле не самый существенный элемент в их культурном наследии. Почему бы не прекратить религиозные войны, разделив самое религию, и не сконцентрировать внимание на применении открытий физической науки к практической жизни – стремление, не вызывавшее полемики и обещавшее выгоду всем? Этот поворот на пути западного прогресса, наступивший в XVII веке, имел колоссальные последствия, ибо Западная цивилизация, с тех пор распространившаяся по всему миру с быстротой молнии, не была чем-то однородным и монолитным; скорее, это было вспышкой угара – техническая окантовка с вырванной религиозной сердцевиной. Этот «утилитарный» образец Западной цивилизации было, разумеется, сравнительно нетрудно воспринять: Петр Великий проявил гениальность, ухватившись за товар сразу же, как только тот был выставлен в витрине. Столетием позже более тонкий и возвышенный Аль-Габарти проявил большую проницательность. Французские технические достижения поразили его, но он не спешил, ожидая знамения. Для него пробным камнем Западной цивилизации, как и его собственной, была не технология, но правосудие. Этот каирский ученый постиг самую суть вопроса, то, что Западу еще только предстоит завоевать в самом себе...

Это возвращает нас к вопросу, вызванному фразой Аль-Габарти и все еще ждущему нашего ответа. Что же на самом деле было главным событием года Хиджры 1213? Наполеоновское нашествие в Египет или прекращение паломничества из Египта в Священные города? Исламский институт паломничества сам по себе, конечно, не более чем строгое соблюдение внешнего ритуала, но как символ он объединяет всех мусульман в духовном братстве. Таким образом, если паломничество отпадет, ислам окажется в опасности, как мы уже знаем из опыта нашего времени; а Аль-Габарти был особенно чувствителен к этой опасности, ибо он высоко ценил духовное богатство, которым была наполнена его религия. Как же мы сами оцениваем ислам? Может ли человечество позволить себе обойтись без социальной основы исламского духовного братства в той главе истории, где власть над миром, похоже, находится в руках белолицых, печально известных расовыми

предрассудками англоговорящих покорителей морей? Однако сама эта социальная сфера, при всей ее ценности и благородстве, не составляет существа ислама, что Аль-Габарти не преминул бы нам разъяснить, хотя сам оказался живым воплощением именно этого достоинства собственной веры. <...> Однако этот поклонник со-страдательного Бога подтвердил бы, что, если паломничество есть только лишь символ братства, преодолевающего различие в цвете кожи и классовой принадлежности, само это единство между истинно верующими есть в свою очередь просто перевод на язык действия здесь, на земле, их истинной веры в единство Бога. Творческий дар ислама человечеству – монотеизм, и мы, разумеется, не можем себе позволить отбросить прочь этот дар.

А что же насчет битвы у Пирамид? <...> К чему, в конце концов, привели все эти западные национальные победы? Да все к тому же нулевому результату, что и национальные завоевания – не менее знаменитые в свое время – тех китайских «борющихся царств», которые Цинь Шихуанди смел с лица земли в III веке до н. э. Суета сует! Ислам, однако, продолжает существовать, неся в себе мощный духовный заряд. <...>

Первое, что я бы предложил, – мы должны переориентировать собственное историческое мировоззрение в том же направлении, что и образованные представители родственных обществ нескольких последних поколений. Наши незападные современники осознали факт, что в результате недавней унификации мира наша прошлая история стала неотъемлемой частью их собственной. Теперь и мы, все еще дремлющие западные люди, должны со своей стороны понять, что благодаря той же революции, которую мы сами, в конце концов, и устроили, прошлое наших соседей готовится стать жизненно важной частью западного будущего.

Заставляя свое воображение сделать нужное усилие, нам нет необходимости начинать все с самого начала. Мы всегда осознавали и признавали, чем мы обязаны Израилю, Греции и Риму. Но все они, разумеется, цивилизации исчезнувшие, и нам удавалось воздавать им должное, не сдвинувшись со своей традиционной эгоцентрической точки зрения, ибо мы, в слепом эгоизме своем, принимали как само собой разумеющееся то, что «наши благородия» суть *raison d'etre* (смысл бытия) этих «мертвых» цивилизаций. Мы представляли себе, что они живут и умирают ради того, чтобы подготовить путь нам, играя как бы роль Иоанна Крестителя по отношению к нам, выступающим в роли Христа (я прошу простить мне богохульство этого сравнения, но оно ярче всего отображает, насколько искривлено наше мироощущение).

В последнее время мы осознали также важность вклада в наше прошлое ряда цивилизаций, которые не только угасли, но и были преданы полному забвению, до тех пор пока мы не раскопали и развалины. Очень легко быть щедрыми на признания в отношении минойцев, хеттов или шумеров, ибо открытие их культур добавляет престижа нашей науке, и, таким образом, они вновь появились на исторической арене, уже под нашим покровительством.

Труднее признать тот не менее простой факт, что прошлая история наших громогласных, а зачастую злоязычных живых современников – японцев и китайцев, индусов и мусульман и наших старших братьев, православных христиан, – станет частью нашего западного прошлого для того будущего мира, который не будет ни западным, ни незападным, но унаследует все культуры, которые мы заварили все вместе в одном тигле. И, однако, это очевидная истина, если честно взглянуть ей в лицо. Уже наши собственные потомки не будут лишь западными жителями, как мы. Они будут наследниками Конфуция и Лао-цзы, так же как и Сократа, и Платона, и Плотина; наследниками и Гаутамы Будды, так же как и Второго Исайи, и Иисуса Христа; наследниками Заратустры и Мухаммеда, так же как и пророков Илии и Елисея, и апостолов Петра и Павла; наследниками Шанкары и Рамануджи, так же как и Климента, и Оригена; наследниками каппадокийских отцов православной Церкви, так же как и нашего африканского Августина, и нашего Умбрийского Бенедикта; наследниками Ибн Хальдуна, так же как и Боссюэ; наконец, наследниками (если все еще будут барахтаться в болоте политики) Ленина и Ганди, и Сунь Ятсена, так же как и Кромвеля, Джорджа Вашингтона и Мадзини.

Перестройка исторического мироощущения требует соответствующего пересмотра методов исторического исследования. Восстановив, если сможем, старинную манеру мыслить и чувствовать, мы должны будем с великим смирением признаться, что велением Бога западному человеку было предназначено историческое достижение – совершить что-то не просто для себя, но для всего человечества, нечто столь крупное, что наша собственная внутренняя история будет поглощена результатами этого свершения. Делая историю, мы превзошли собственную историю. Не осознавая, что именно мы делаем, мы воспользовались предоставленной нам возможностью. Иметь возможность осуществиться, преодолев себя, – великая привилегия любого из созданий Божьих.

С этой позиции – позиции смиренной и одновременно гордой – основной путь современной западной истории видится не как локальная политика западного общества, начертанная на триумфальных арках десятка

местных столиц или записанная в национальных или муниципальных архивах эфемерных «великих держав». Основной путь – это даже не экспансия Запада по всему миру, если только мы упорно не рассматриваем эту экспансию как частную инициативу собственно западного общества. Основной путь – это успешно возвести руками Запада строительные леса, внутри которых все ранее разбросанные общества построили бы одно общее. Испокон веков человечество было разъединено; в наши дни мы наконец-то объединены. Ручная работа Запада, сделавшая это объединение возможным, исполнялась отнюдь не с открытыми глазами, как бескорыстные труды Давида во благо Соломона; она производилась в беззаботном неведении о ее цели и результате, подобно тому как крошечные морские обитатели строят коралловый риф, начиная со дна моря, и строят до тех пор, пока он вдруг не поднимется атоллом над поверхностью моря. Однако наши строительные леса созданы из менее прочного материала. Самым очевидным компонентом в них является технология, но человек не может жить одной техникой. Когда пробьет час, когда многоквартирное экуменическое здание будет твердо стоять на прочном фундаменте и временные западные технологические леса будут разобраны – а я в этом не сомневаюсь, – будет абсолютно ясно, что фундамент крепок, ибо покоится на прочном основании – религии.

Мы достигли Геркулесовых столбов, и настало время спускать паруса, ибо видимость впереди не слишком хороша. В этой главе истории, к которой мы подошли, центр материальной силы смещается все дальше от его первоначального «до-Васко-да-Гамовского» местонахождения. От крошечного островка Британии, лежащего на расстоянии вытянутой руки от азиатского побережья, он сдвигается к большому острову Северной Америки, удаленному уже на расстояние полета стрелы. Однако это перемещение трезубца Посейдона из Лондона в Нью-Йорк может обозначить кульминационный момент в беспорядочных метаниях текущего века океана, века взаимного общения; ибо мы теперь переходим в новую эпоху, где материальное средство человеческого общения будет не степь и не океан, но воздух, а в век воздуха человечеству, может быть, удастся отряхнуть со своих крыльев то, что его привязывало к причудливой конфигурации земной поверхности, как твердой, так и жидкой.

В век воздуха местонахождение центра тяжести человеческой деятельности может быть определено не физической, а человеческой географией: не расположением океанов и морей, степей и пустынь, рек и горных хребтов, дорог и троп, но распределением численности человечества, его энергии, способностей, мастерства и нравов. И среди этих

человеческих факторов вопрос численности может в конечном итоге стать более весомым, чем в прошлом. Отдельные цивилизации времен до Васко да Гамы создавались и использовались себе во благо чрезвычайно малым числом образованного меньшинства, как Морской Старик верхом на Синдбаде-Мореходе. Вот это неолитическое крестьянство было последним и самым могучим Спящим (не считая самого Запада), которого Запад разбудил. Пробуждение этой пассивно трудолюбивой массы человечества было делом долгим. Афины и Флоренция по очереди сверкнули своим огоньком в сонные очи Спящего, но каждый раз он лишь переворачивался на другой бок и вновь погружался в сон. На долю современной Англии выпало урбанизировать крестьянство с достаточной энергией и с таким размахом, чтобы запустить это движение на орбиту вокруг Земли. Крестьянин воспринял это пробуждение отнюдь не с удовольствием. Даже в обеих Америках он умудрился остаться таким же, каким был в Мексике и в Андских республиках; кроме того, он пустил новые корни на девственной земле провинции Квебек. Однако пробуждение все-таки постепенно набирало силу: Французская революция перенесла его на континент; Российская революция распространила его от моря до моря; и, несмотря на то что на сегодня существуют около полутора миллиардов еще не пробудившихся – почти три четверти живущего сейчас человечества – в Индии, Китае, Индокитае, Индонезии, Дар-аль-Исламе и в Восточной Европе, вопрос их пробуждения – это вопрос времени, а когда оно произойдет, фактор численности начнет сказываться.

Гравитационная сила этой пробудившейся массы сможет тогда сместить центр тяжести человеческой деятельности с *Ultima Thule* на островах моря в какое-либо место, равноудаленное от западного полюса мирового населения – в Европе и Северной Америке и от его восточного полюса – в Китае и Индии, а это может указывать на местность недалеко от Вавилона, на древней сухопутной дороге через перешеек между континентом и Аравийским полуостровом и Африкой. Центр может переместиться даже дальше в глубь континента, куда-то между Китаем и Россией (двумя историческими укротителями евразийских кочевников), а это может означать строительную площадку по соседству с бабуровской Ферганой, в знакомом трансокеанском месте встреч и диспутов религий и философий Индии, Китая, Ирана, Сирии и Греции.

В одном мы можем быть достаточно уверены: скорее всего, религия окажется той платформой, на которой центростремительное контрдвижение впервые заявит о себе; эта вероятность предоставляет нам еще одну возможность пересмотреть наши традиционные западные методы

постижения Истории. Если основным объектом будет познание нашей собственной истории не ради нее самой, но Ради определения той роли, которую Запад сыграл в объединении Человечества, то нашим следующим объектом в постижении Истории в целом должна стать задача отнести экономическую и политическую историю на второстепенные позиции и оставить первенство за религией. Ибо религия в конечном итоге есть действительно серьезное занятие человечества» [15].

Вопросы для самопроверки

1. Что понимает автор под понятием «унификация мира»?
2. Какие социокультурные процессы, исторические события способствовали процессу унификации мира?
3. Какова роль Запада и незападных цивилизаций в процессе, который автор определяет как «унификация мира»?
4. Что является движущей силой социокультурного процесса, по мнению автора?

Клод Леви-Стросс «Эволюционизм и диффузионизм»

«<...> Эволюционное направление в этнологии является прямым отражением биологического эволюционизма. Западная цивилизация представляется как наиболее продвинутый этап эволюции человеческих обществ, а первобытные группы – как «пережитки» предыдущих этапов, логическая классификация которых послужит тем самым выяснению порядка их возникновения во времени. Однако задача не столь проста: эскимосы, искусные в изготовлении орудий, очень примитивны с точки зрения их социальной организации; в Австралии же наблюдается обратное положение. Можно было бы умножить число примеров. Неограниченный выбор критериев позволил бы создать бесчисленное множество совершенно различных рядов. Неэволюционизму Лесли Уайта тоже не удастся преодолеть эту трудность: ведь если предлагаемый им критерий – среднее количество энергии, приходящееся в каждом обществе на душу народонаселения, соответствует идеалу, принятому в определенные периоды и в определенных областях западной цивилизации, то трудно понять, каким образом пользоваться подобным критерием для громадного большинства человеческих обществ, где предложенная категория представляется по меньшей мере лишенной смысла. Точки зрения эволюционизма и диффузионизма имеют много общего. Более того, Тэйлор сформулировал и применил одновременно положения обеих школ. Обе они сходны и в том,

что уклоняются от методов, применяемых историками. Историк всегда занимается изучением индивидуальных явлений (будь то личности или события) или групп явлений, обособившихся благодаря их месту в пространстве и времени. Диффузионист, в свою очередь, может раздробить типы, предложенные компаративистами, чтобы попытаться восстановить индивидуальные явления на основании фрагментов, заимствованных из этих разных категорий. Однако ему удастся воспроизвести лишь псевдоиндивидуальное явление, поскольку в этом случае пространственные и временные координаты будут зависеть от того, каким образом были выбраны и скомпонованы между собой такие элементы, и поэтому они не придают объекту реального единства. Культурные «круги» или «слои» диффузионистов, так же как и «стадии» эволюционистов, представляют собой результат абстрагирования, которому всегда будет не хватать окончательных доказательств его правоты. Их история носит гадательный и умозрительный характер. ... Но всегда позволительно строить гипотезы, и по крайней мере в некоторых случаях предполагаемые источники возникновения явления и пути его распространения имеют очень высокую вероятность. Тем не менее надежность подобных исследований сомнительна, потому что они нам ничего не сообщают о сознательных и бессознательных процессах, претворенных в конкретный индивидуальный или коллективный опыт, посредством которого люди, ранее не имевшие данного установления, либо создавали его, либо преобразовывали существовавшие установления, либо получали их извне. Исследование подобных процессов представляется нам, напротив, одной из основных задач, стоящих как перед этнографом, так и перед историком» [7].

Вопросы для самопроверки

1. В чем суть неудовлетворенности Леви-Стросса методами эволюционной теории?
2. Что общего во взглядах эволюционистов и диффузионистов?

Освальд Шпенглер «Закат Европы»

«<...> Гибель Запада, рассматриваемая под таким углом зрения, представляет не более и не менее как проблему цивилизации. Здесь перед нами один из самых основных вопросов истории. Что такое цивилизация, понятая как логическое следствие, как завершение и исход всякой культуры?

В самом деле, всякая культура имеет свою собственную цивилизацию. Эти два слова, до сих пор различающиеся по какому-то смутному этическому

признаку субъективного характера, здесь впервые поняты как выражение периодичности, строгой и необходимой органической последовательности. Цивилизация есть неизбежная судьба всякой культуры. Здесь мы достигаем вершины, с которой становятся разрешимыми последние и самые трудные вопросы исторической морфологии. Цивилизация есть совокупность крайне внешних и крайне искусственных состояний, к которым способны люди, достигшие последних стадий развития. Цивилизация есть завершение. Она следует за культурой, как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как окоченение за развитием, как духовная старость и каменный и окаменяющий мировой город за господством земли и детством души, получившими выражение, например, в дорическом и готическом стилях. Она неотвратимый конец; к ней приходят с глубокой внутренней необходимостью все культуры.

<...> Культуры суть организмы. История культуры – их биография, предлежащая перед нами в своем историческом явлении – в образе воспоминания – история китайской или античной культуры есть морфологически точное соответствие истории отдельного человека, животного, дерева или цветка. Если нужно познать их структуру, то к нашим услугам давно выработанные методы сравнительной морфологии растений и животных. Феномен отдельных, следующих за другом, вырастающих одна подле другой, соприкасающихся, заслоняющих и подавляющих друг друга культур исчерпывает все содержание истории. И если мы развернем перед нашим духовным взором те образы, которые до сих пор спокойно лежали под поверхностью тривиальной «истории человечества», то нам удастся раскрыть тип, прообраз культуры, свободный от всего замутняющего и незначительного, лежащий, как идеал формы, в основе всех отдельных культур.

Я отличаю идею культуры, ее внутренние возможности, от ее чувственного явления в образе истории как выполненного осуществления. Это – отношение души к телу как ее выражению в области протяженного и ставшего. История культуры сводится к осуществлению возможностей. Осуществление равносильно концу. Так относится аполлоновская душа, идею которой иные из нас, может быть, в состоянии вновь пережить и прочувствовать, к своему пространственному развертыванию, к научно доступной «античности», изучением физиономии которой занимаются археолог, филолог, эстетик и историк.

<...> До сих пор протекшая история необозрима. Примерами совершенно созревших образований, каждое из которых составляет тело достигшей внутреннего совершенства души, можно считать китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, арабскую, западную

культуру и культуру майи. В процессе возникновения находится русская культура. Число не достигших зрелости культур незначительно; персидская, хеттская культура и культура Кечуа находятся среди них. Для понимания самого первофеномена они не имеют значения» [20].

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте понимание концепции «культура» О. Шпенглером.
2. Объясните суть понятия «цивилизация» с позиции исследователя книги «Закат Европы».
3. Назовите главные черты цивилизации с точки зрения О. Шпенглера.
4. Какое будущее ожидает европейскую культуру?

Тексты к главе 5 «Символы, знаки и языки культуры»

Роман Якобсон «В поисках сущности языка»

««В человеческой речи разные звуки имеют разные значения». Отсюда Леонард Блумфилд в своей известной книге «Язык» (1933 г.) делает вывод, что «изучать это соответствие определенных звуков определенным значениям и значит изучать язык». Еще столетием раньше Вильгельм фон Гумбольдт учил, что «существует очевидная связь между звуком и значением, которая, однако, в редких случаях поддаваясь точному объяснению, обычно остается неясной». Проблема такой соотнесенности и связи всегда была кардинальной в уже немолодой науке о языке. Насколько этот факт был тем не менее временно предан забвению языковедами недавнего прошлого, показывает реакция на интерпретацию знака, и в частности языкового знака, как неразложимого единства означающего и означаемого у Фердинанда де Соссюра; этой интерпретации многократно воздавалась хвала за ее изумительную новизну, хотя давняя концепция вместе с терминологией была целиком перенесена из теории стоиков, существующей уже двадцать столетий. В учении стоиков знак (*semeton*) рассматривался как сущность, образуемая отношением означающего (*semainon*) и означаемого (*semainomenon*). Первое определялось как «воспринимаемое» (*aistheton*), а второе – как «понимаемое» (*noeton*) или, если выразиться более лингвистично, «переводимое». Кроме того, референция знака была четко отграничена от значения с помощью термина *tynkhanon* (схватываемое). Исследования стоиков в области знакообозначения (*semeiosis*) были усвоены и получили дальнейшее развитие в трудах Августина; при этом использовались латинизированные термины, в частности *signum* (знак), который включал

в себя и *signans, u signatum*. Между прочим, эта пара коррелятивных понятий и наименований была введена Соссюром лишь в середине его курса общей лингвистики, возможно, не без влияния «Ноологии» Х. Гомперца (1908 г.). Эта доктрина красной нитью проходит через средневековую философию языка с ее глубиной и разнообразием подходов. Двойственный характер и вытекающее из него, по терминологии Оккама, «двойное познание» любого знака были глубоко усвоены научной мыслью средневековья.

Возможно, самым изобретательным и разносторонним из американских мыслителей был Чарлз Сандерс Пирс (1839–1914) – настолько великий, что ни в одном из университетов не нашлось для него места. Первая попытка классификации знаков была сделана Пирсом в его проницательной работе «О новом списке категорий», которая вышла в «Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences» (1867) <...>. Пирс отчетливо сознавал несостоятельность общетеоретических предпосылок в исследованиях своих современников. Само название его науки о знаках восходит к античному *semeiotike*; Пирс ценил и широко использовал опыт античных и средневековых логиков, «мыслителей высшего класса», сурово осуждая столь обычное «варварское исступление» перед «изумительной проницательностью схоластов». <...> С конца прошлого века необходимость подобной научной дисциплины горячо отстаивал Соссюр. В свою очередь, отталкиваясь от греков, он назвал ее семиологией и ожидал от этой отрасли знаний, что она прояснит сущность знаков и законы, управляющие ими. Он полагал, что лингвистика должна стать частью этой общей науки и что она определит, какие свойства выделяют язык в отдельную систему из общей совокупности «семиологических фактов».

Пирс также проводит резкое различие между «материальными качествами» – означающим любого знака и его «непосредственной интерпретацией», т.е. означаемым. Знаки (или, по терминологии Пирса, репрезентамены ... обнаруживают три основных вида знакообозначения, три различных «репрезентативных свойства», которые основаны на различных взаимоотношениях между означающим и означаемым. Это различие позволяет Пирсу выделить три основных типа знаков:

1. Действие *иконического знака* основано на фактическом подобии означающего и означаемого, например, рисунка какого-то животного и самого животного; первое заменяет второе «просто потому, что оно на него похоже».

2. Действие *индекса* основано на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого, «с точки зрения психологии, действие индекса зависит от ассоциации по смежности», например, дым есть

индекс огня, и подтвержденное пословицей знание того, что «нет дыма без огня», позволяет человеку, интерпретирующему появление дыма, сделать заключение о наличии огня, безотносительно к тому, был или не был огонь зажжен намеренно, чтобы привлечь чье-то внимание; то, что обнаружил Робинзон Крузо, было индексом: его означающим был отпечаток ноги на песке, а установленным по нему означаемым – присутствие на этом острове человека; по Пирсу, индексом является ускорение пульса как возможный симптом жара, и в этих случаях его семиотика фактически сливается с исследованием симптомов болезней в медицине, которое называют семиотикой, семиологией или симптоматологией.

3. Действие *символа* основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого. Сущность этой связи «состоит в том, что она является правилом», и не зависит от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности» [24, С. 102–118].

Вопросы для самопроверки

1. Как выглядит проблема соотнесенности и связи между звуком и значением в исторической ретроспективе, представленной Р. Якобсоном?
2. В чем значение работ Ч. Пирса?
3. Как классифицирует знаки Ч. Пирс? Приведите собственные примеры иконических, конвенциональных, индексальных знаков.

Чарльз Уильям Моррис «Основания теории знаков»

«I. Введение. Семиотика и наука.

Люди – это высшие из живых существ, использующие знаки. Разумеется, не только люди, но и животные реагируют на некоторые вещи как на знаки чего-то другого, но такие знаки не достигают той сложности и совершенства, которые обнаруживаются в человеческой речи, письме, искусстве, контрольных приборах, медицинской диагностике, сигнальных устройствах. Наука и знаки – неотделимы друг от друга, поскольку наука дает в распоряжение людей все более надежные знаки и представляет свои результаты в форме знаковых систем. Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков, а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков.

Едва ли когда-либо прежде знаки изучались столь интенсивно, столь многими людьми и со столь многих точек зрения. Эта армия исследователей

включает лингвистов, логиков, философов, психологов, биологов, антропологов, психиатров, эстетиков, социологов. Однако еще нет теоретического построения, которое было бы достаточно простым, но вместе с тем достаточно широким, чтобы охватить результаты, полученные с разных позиций, и объединить их в единое и последовательное целое. Цель настоящей работы как раз и заключается в том, чтобы предложить такую объединяющую точку зрения и наметить контуры науки о знаках. Осуществить это в рамках данного очерка можно лишь фрагментарно, отчасти из-за его ограниченного объема, отчасти из-за недостаточного развития самой науки. Но главным образом из-за того, что данный очерк был предназначен для «Энциклопедии».

Отношение семиотики к наукам двоякое: с одной стороны, семиотика – это наука в ряду других наук, а с другой стороны, это – инструмент наук. Важное значение семиотики как науки кроется в том, что это – определенный шаг вперед в унификации науки, поскольку она закладывает основы любой другой частной науки о знаках – такой, как лингвистика, логика, математика, риторика и (по крайней мере до известной степени) эстетика. Понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от наук физических и биологических. А поскольку, как будет показано ниже, знаки – это просто объекты, изучаемые биологическими и физическими науками и связанные между собой в сложных функциональных процессах, то объединение формальных наук, с одной стороны, и социальных, психологических и гуманитарных наук – с другой, создаст необходимую базу для объединения этих двух рядов наук с физикой и биологией. Семиотика, таким образом, может сыграть важную роль в деле объединения наук, хотя природу и степень участия семиотики в этом процессе еще предстоит выяснить.

Но если семиотика – это полноправная наука, изучающая вещи и свойства вещей в их функции служить знаками, то она в то же время и инструмент всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков. Следовательно, метанаука (наука о науке) должна использовать семиотику как органон, или орудие... Но так как ничто нельзя изучать без знаков, обозначающих объекты в изучаемой области, то и при изучении языка науки приходится использовать знаки, указывающие на знаки. Задача семиотики как раз и заключается в том, чтобы разработать необходимые знаки и принципы такого исследования. Семиотика создает общий язык, применимый к любому конкретному языку или знаку, а значит, применимый и к языку науки, и к особым знакам, которые в науке используются.

Руководствуясь практическими соображениями, в представлении семиотики как науки и как орудия объединения наук нам придется ограничиться лишь тем, что окажется необходимым для того, чтобы пользоваться «Энциклопедией», то есть разработать язык, на котором можно говорить о языке науки, и в процессе этого попытаться усовершенствовать сам язык науки. Понадобились бы многие другие исследования, чтобы конкретно показать результаты применения знакового анализа к отдельным наукам, а также общее значение этого анализа для объединения наук.

Но даже и без подробной документации многим сейчас стало ясно, что человек – в том числе человек науки – должен освободить себя от сплетенной им самим паутины слов и что язык – в том числе язык науки – остро нуждается в очищении, упрощении и упорядочении. Теория знаков – полезный инструмент для ликвидации последствий этого своеобразного «вавилонского столпотворения» [11, С. 37–90].

Вопросы для самопроверки

1. В чем принципиальная разница в использовании знаков людьми и животными?
2. Почему Моррис считает, что наука и знаки неотделимы друг от друга?
3. В каких сферах человеческой деятельности используются знаки?
4. Какие сферы научного знания включают в себя исследования знаков?
5. Как определяет Моррис роль и значение семиотики?
6. Что дает основания Моррису полагать, что семиотика может сыграть важную роль в объединении наук?

Тексты к главе 6 «Культура и личность. Социализация и инкультурация»

Дмитрий Сергеевич Лихачев «Письма о добром и прекрасном»

«<...> Жизнь – прежде всего творчество, но это не значит, что каждый человек, чтобы жить, должен родиться художником, балериной или ученым. Творчество тоже можно творить. Можно творить просто добрую атмосферу вокруг себя, как сейчас выражаются, ауру добра вокруг себя. Вот, например, в общество человек может принести с собой атмосферу подозрительности, какого-то тягостного молчания, а может внести сразу радость, свет. Вот это и есть творчество. Творчество – оно непрерывно. Так что жизнь – это и есть вечное созидание. Человек рождается и оставляет по себе память. Какую он

оставит по себе память? Об этом нужно заботиться уже не только с определенного возраста, но, я думаю, с самого начала, так как человек может уйти в любой момент и в любой миг.

<...> Идеал культурного человека есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность.

Для нас сейчас быть культурным человеком означает оставаться человеком, несмотря на состояние современной культуры. Только понимание того, что относится к подлинной человечности, может спасти нас в условиях самой прогрессивной внешней культуры от заблуждений относительно самого понятия культуры. Только тогда, когда в современном человеке вновь загорится желание стать подлинным человеком, он сможет выбраться на правильный путь из того тупика, в котором сейчас пребывает, ослепленный своим воображаемым всезнанием и тщеславным всеумением. Только тогда он сможет противостоять давлению жизненных условий, угрожающих его человечности» [8, С. 26–27].

Вопросы для самопроверки

1. Прочитайте отрывок Д.С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном» и определите признаки, характеризующие личность.
2. Определите понимание «идеала культурного человека» с точки зрения автора вышеуказанного отрывка.
3. Укажите, что значит быть культурным человеком сегодня.

Карл Ясперс «Истоки истории и ее цель»

«VI. Специфика западного мира

То, что на Западе выступает как совершенно иное, вносящее в развитие радикальное изменение, должно было бы опираться на какой-либо всеохватывающий принцип. Полностью постичь этого нельзя. Но, быть может, существуют какие-либо признаки, позволяющие осознать это своеобразие Запада.

1. Уже географически Запад обладает определенной спецификой. В отличие от замкнутых континентов Китая и Индии территория Запада характеризуется чрезвычайным разнообразием. Разнородное членение на полуострова, острова, пустыни и оазисы, области средиземноморского климата и мир высокогорья, сравнительно большая длина побережья соответствуют многообразию языков и народов, которые творили здесь историю по мере того, как они сменяли друг друга в своей деятельности. Страны и народы Запада имеют своеобразный облик.

Духовный характер Запада можно характеризовать еще рядом черт.

2. Западу известна идея политической свободы. В Греции – правда, только кратковременно – существовала свобода, не возникавшая более нигде. Содружество свободных людей устояло под натиском универсальной деспотии, тотальной организации, облагодетельствовавшей народы. Тем самым полис заложил основу всего западного сознания свободы – как реальность свободы, так и ее идеи. Китай и Индия не знают подобной политической свободы...

3. Ни перед чем не останавливающаяся рациональность открыта силе последовательной логической мысли и эмпирической данности, которые должны быть всегда и всем доступны. Уже греческая рациональность отличается от восточного мышления известной последовательностью, позволившей заложить основы математики и завершить формальную логику...

4. Осознанная внутренняя глубина бытия личности обретает у древне-еврейских пророков, греческих философов, римских государственных деятелей непреложность, служащую мерилom во все времена...

5. Для западного человека мир в своей реальности необходимым образом существует.

Западный мир, подобно другим культурам, знает, правда, расщепление человеческой сущности: с одной стороны, жизнь в ее дикости, с другой – далекая от мира мистика; с одной стороны, нелюди, с другой – святые. Однако Запад делает попытку избежать подобного расщепления, найти выход в самой структуре мира, не только созерцать истину в идеальном царстве, но и осуществить ее, с помощью идей поднять действительность до необходимого уровня.

Запад знает с неопровержимой достоверностью, что он должен формировать мир. Он ощущает смысл реальности мира, смысл, в котором заключена беспредельная задача – осуществить познание, созерцание, воплощение этой действительности мира в нем самом, из него самого. Мир нельзя сбросить со счетов. В нем, а не вне его утверждает себя западный человек.

Тем самым стало возможным познание действительности мира, постигающее крушение в том глубоком смысле, который еще не есть окончательное истолкование. Трагическое становится действительностью и сознанием одновременно. Только Западу известна трагедия.

6. Запад, подобно всем другим культурам, создает образ всеобщего. Однако это всеобщее не застывает здесь в догматической жесткости непреложных институтов и представлений и не ведет к жизни, где господствует кастовая система или космический порядок. Западный мир не становится стабильным в каком бы то ни было смысле.

Движущие силы беспредельной динамики Запада вырастают из «исключений», прорывающих здесь всеобщее. Запад отводит определенное место исключению. Он допускает в ряде случаев совершенно новую жизнь и деятельность – и затем иногда столь же решительно уничтожает их. Человеческой природе удается здесь иногда достигнуть вершин, которые отнюдь не получают всеобщего признания, к которым, быть может, едва ли кто-нибудь стремится. Однако эти вершины, подобно светящимся маякам, дают Западу многомерную ориентацию. В этом коренятся постоянное беспокойство Запада, его постоянная неудовлетворенность, его неспособность довольствоваться завершенным.

Так, в случайных на первый взгляд ситуациях, в результате предельного напряжения сил возникли возможности, кажушиеся невозможными. Такова, например, пророческая религия иудеев, бессильных в состоянии политического упадка перед борющимися империями, отданных во власть силам, всякое сопротивление которым было заранее обречено. Таков расцвет где-то на краю мира политических сил нордической культуры и эпоса исландцев, противящихся какой бы то ни было государственной регламентации.

7. Несмотря на свою свободу и лояльность, Запад дошел до предельного напряжения сил вследствие претензии на исключительную истинность вероисповеданий, основывающихся на Библии (в том числе и ислама). Такие тотальные притязания в качестве принципа, длительно определяющего характер исторического развития, возникали только здесь, на Западе.

...Именно то обстоятельство, что на Западе не возникло господство одной силы, а государство и церковь находились в постоянном соперничестве, выдвигали тотальные притязания, которые смягчались лишь вследствие неизбежности компромиссов, быть может, и дало Западу благодаря постоянному духовному и политическому напряжению его духовную энергию, его свободу, его склонность к неуставным поискам, способность к открытиям, глубину его опыта, столь отличную от состояния единения и сравнительного отсутствия напряжения во всех восточных империях, от Византии до Китая.

8. В мире, не замкнутом во всеобщем, но всегда направленном на всеобщее, в мире, где исключения прорываются на поверхность и получают признание в качестве истин, а притязания на исключительность исторической религиозной истины вбирают в себя то и другое, напряжение неминуемо должно достигнуть крайних пределов.

Отсюда свойственная Западу решительность, в силу которой проблемы доводятся до своего логического конца, до полной ясности, до выяснения всех возможных альтернатив, в силу которой осознаются принципы и устанавливаются позиции глубочайшей внутренней борьбы.

9. Мир напряженностей является, быть может, одновременно предпосылкой и следствием того факта, что только на Западе в таком количестве известны самобытные индивидуальности в таком разнообразии характеров – от еврейских пророков и греческих философов до великих христианских мыслителей, до деятелей XVI – XVIII вв.» [25].

Вопросы для самопроверки

1. Какие специфические черты присущи Западу?
2. Определите типологическую модель культуры К. Ясперса.
3. Укажите сходство и различие восточного и западного типов культур.

Текст к главе 7 «Культура и социальный идеал. Культурная картина мира»

Генрих Риккерт «Науки о природе и науки о культуре»

«Ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности. Но ценности связаны с действительностью, и связь эта... имеет два смысла. Ценность может, во-первых, таким образом присоединяться к объекту, что последний делается – тем самым – благом, и она может также быть связанной с актом субъекта таким образом, что акт этот становится тем самым оценкой. Блага же и оценки могут быть рассматриваемы с точки зрения значимости связанных с ними ценностей, т.е. когда стараются установить, заслуживает ли какое-нибудь благо действительно наименования блага и по праву ли совершается какая-нибудь оценка. Однако я упоминаю об этом только для того, чтобы сказать, что исторические науки о культуре при исследовании благ и людей – оценивающих субъектов – не могут дать на подобные вопросы никакого ответа...

Следовательно, тот метод «отнесения к ценности», о котором мы говорим и который должен выражать собой сущность истории следует самым резким образом отделять от метода оценки, т.е. значимость ценности никогда не является проблемой истории, но ценности играют в ней роль лишь постольку, поскольку они фактически оцениваются субъектами и поскольку поэтому некоторые объекты рассматриваются фактически как блага. Если история, следовательно, и имеет дело с ценностями, то все же она не является оценивающей наукой. Наоборот, она устанавливает исключительно то, что есть...

При этом, само собой разумеется, исторически важным и значительным считается не только то, что способствует, но даже и то, что мешает реализации культурных благ. Только то, что индифферентно по отношению к ценности, исключается как несущественное, и уже этого достаточно, чтобы показать, что назвать какой-нибудь объект важным для ценностей и для актуализации культурных благ еще не значит оценить его, ибо оценка должна быть всегда или положительной, или отрицательной. Можно спорить по поводу положительной или отрицательной ценности какой-нибудь действительности, хотя значительность последней и стояла бы вне всякого сомнения. Так, например, историк как таковой не может решить, принесла ли Французская революция пользу Франции или Европе или повредила им. Но ни один историк не будет сомневаться в том, что собранные под этим термином события были значительны и важны для культурного развития Франции и Европы и что они поэтому как существенные должны быть упомянуты в европейской истории. Короче говоря, оценивать – значит высказывать похвалу или порицание. Относить к ценностям – ни то, ни другое...» [13].

Вопросы для самопроверки

1. В чем состоит сущность ценности?
2. Как ценности связаны с действительностью?
3. Как соотносятся понятия ценности и оценки?

Текст к главе 8 «Природа и культура»

Генрих Риккерт «Науки о природе и науки о культуре»

«...Я начну с предметной противоположности, а затем уже перейду к выяснению формальных методических различий, после чего только постараюсь показать отношения между формальным и материальным принципом деления [наук].

Слова «природа» и «культура» далеко не однозначны. Продукты природы – то, что свободно произрастает из земли. ...Культура [это] то, что или непосредственно создано человеком, действующимсообразно оцененным им целям, или оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно ради связанной с ним ценности. <...>

В объектах культуры ...заложены ценности. Мы назовем их благами, чтобы таким образом отличить их как ценные части действительности от самих ценностей как таковых, не представляющих собой

действительности и от которых мы здесь можем отвлечься. Явления природы мыслятся не как блага, а вне связи с ценностями, и если от объекта культуры отнять всякую ценность, то он станет частью простой природы.

...О ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только, что они значат или не имеют значимости. Культурная ценность или фактически признается общезначимой, или же ее значимость и тем самым более чем чисто индивидуальное значение объектов, с которыми она связана, постулируется, по крайней мере, хоть одним культурным человеком. При этом, если иметь в виду культуру в высшем смысле слова, то речь должна идти не об объектах простого желания, но о благах, к оценке которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живем, или по какому-либо другому основанию. Этим самым мы отделяем объекты культуры как от того, что оценивается и желается только инстинктивно, так и от того, что имеет ценность блага, если и не на основании одного только инстинкта, то благодаря прихотям настроения. <...>

Религия, церковь, право, государство, нравственность, наука, язык, литература, искусство, хозяйство, а также необходимые для его функционирования технические средства являются, во всяком случае на определенной степени своего развития, объектами культуры или культурными благами в том смысле, что связанная с ними ценность или признается значимой всеми членами общества, или ее признание предполагается; поэтому, расширив еще наше понятие культуры ...мы увидим, что оно охватывает собой все объекты науки о религии, юриспруденции, истории, филологии, политической экономии и т.д., т.е. всех «наука о духе», за исключением психологии.

То обстоятельство, что мы причисляем к культуре также орудия производства сельского хозяйства, а также химические вспомогательные средства, не может, конечно, служить аргументом против нашего понятия науки о культуре, как полагает Вундт, но, наоборот, оно показывает, что это выражение гораздо лучше подходит к неестественнонаучным дисциплинам, чем термин «наука о духе». Хотя технические изобретения обыкновенно и совершаются при помощи естественных наук, но сами они не относятся к объектам естественнонаучного исследования; нельзя также поместить их в ряду наук о духе. Только в науке о культуре развитие их может найти свое место. Как тип чересчур широкой формулировки я беру определение науки о культуре, данное Паулем. Пауль все еще видит «характерный признак культуры» в «упражнении психических факторов». Для него «психический элемент является существеннейшим фактором всякого культурного

развития» Но имеют ли науки о культуре вообще право отделять физическое от психического бытия так, как это делает психология, и совпадает ли действительно понятие духовного, употребляемое науками о культуре, с понятием психического, образуемым психологией. Он [Пауль] сам делает вывод, что, согласно его определению, нужно признать даже животную культуру, но ведь и он не сможет утверждать, что животная жизнь при рассмотрении духовных процессов безусловно относится к наукам о культуре. Последнее будет иметь место только тогда, когда мы будем рассматривать ее не как предварительную ступень человеческой духовной жизни вообще, но как ступень к человеческой культурной жизни, в указанном мною выше смысле. Как только это отнесение к культурным ценностям отпадет, мы будем уже иметь дело исключительно с природой. <...>

Перенесение понятий человеческой культуры на общества животных в большинстве случаев является лишь забавной, но притом путающей аналогией. Что следует понимать под словом «государство», если под ним подразумевается Германская империя и пчелиный улей, что – под художественным творением, если под ним подразумеваются медичейские гробницы Микеланджело и пение жаворонка? <...>

Мне хотелось только на примере Пауля еще раз показать, как без точки зрения ценности, отделяющей блага от свободной от ценности действительности, нельзя провести резкого отграничения природы и культуры, и я хотел бы теперь только еще выяснить, почему при определении понятия культуры так легко на место ценности вступает понятие духовного.

В самом деле, явления культуры должны быть рассматриваемы не только по отношению к ценности, но также и по отношению к оценивающему их психическому существу, потому что ценности оцениваются только психическим существом, – обстоятельство, благодаря которому психическое вообще рассматривается как нечто более ценное по сравнению с телесным. Так что на самом деле существует связь между противоположением природы и культуры, с одной стороны, и природы и духа – с другой, поскольку в явлениях культуры, представляющих собою блага, всегда должна участвовать оценка, а потому вместе с ней и духовная жизнь. Однако простая наличность психического ...еще не создает объекта культуры и потому не может быть употреблена для определения понятия культуры. <...> Необходимо, напротив, между духовным бытием, или психическими актами оценки, с одной стороны, и самими ценностями и их значимостью – с другой, проводить такое же резкое логическое различие, как и между благами и заложенными в них ценностями, а также уяснить себе, что в «духовных ценностях» центр тяжести лежит не в духовном, но в ценностях. <...>

Итак, будем придерживаться вполне совпадающего с общепринятым языком понятий культуры, т.е. будем понимать под культурой совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и лелеемых ради этих ценностей, не придавая ему никакого более точного материального определения, и посмотрим теперь, как это понятие сможет быть нам далее полезным при отграничении двух групп наук» [13].

Вопросы для самопроверки

1. В чем состоит предметная противоположность наук о природе и культуре?
2. Что такое «блага»?
3. Какие сферы деятельности человека охватывает культура?
4. Можно ли считать «психическое» или «духовное» характерным признаком культуры?

Текст к главе 9 «Культура и глобальные проблемы современности»

Владимир Иванович Вернадский «Научная мысль как планетное явление»

«Эволюция видов переходит в эволюцию биосферы. Эволюционный процесс получает при этом особое геологическое значение благодаря тому, что он создал новую геологическую силу – научную мысль социального человечества. Мы как раз переживаем ее яркое вхождение в геологическую историю планеты. В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видового живого вещества – цивилизованного человечества – на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в **ноосферу**.

<...> Научная мысль как проявление живого вещества по существу не может быть обратимым явлением – она может останавливаться в своем движении, но, раз создавшись и проявившись в эволюции биосферы, она несет в себе возможность неограниченного развития в ходе времени. В этом отношении ход научной мысли, например в создании машин, как давно замечено, совершенно аналогичен ходу размножения организмов.

<...> История научной мысли, научного знания, его исторического хода проявляется с новой стороны, которая до сих пор не была достаточно осознана. Ее нельзя рассматривать только как историю одной из гуманитарных наук. Эта история есть одновременно **история создания в биосфере новой геологической силы – научной мысли**, раньше в биосфере отсутствовавшей. Это история проявления нового геологического фактора, нового выражения

организованности биосферы, сложившегося стихийно, как природное явление, в последние несколько десятков тысяч лет. Она не случайна, как всякое природное явление, она закономерна, как закономерен в ходе времени палеонтологический процесс, создавший мозг *Homo sapiens* и ту социальную среду, в которой как ее следствие, как связанный с нею природный процесс создается научная мысль, новая геологическая сознательно направляемая сила.

<...> Закончен после многих сотен тысяч лет неуклонных стихийных стремлений охват всей поверхности биосферы единым социальным видом животного царства – человеком. Нет на Земле уголка, для него недоступного. Нет пределов возможному его размножению. Научной мыслью и государственно организованной, ею направляемой техникой, своей жизнью человек создает в биосфере новую биогенную силу, направляющую его размножение и создающую благоприятные условия для заселения им частей биосферы, куда раньше не проникала его жизнь и местами даже какая бы то ни было жизнь.

<...> Человечество едино, и хотя в подавляющейся массе это сознается, но это единство проявляется формами жизни, которые фактически его углубляют и укрепляют незаметно для человека, стихийно, [в результате] бессознательного к нему устремления. Жизнь человечества, при всей ее разнородности, стала неделимой, единой. Событие, происшедшее в захолустном уголке любой точки любого континента или океана, отражается и имеет следствия – большие и малые в ряде других мест, всюду на поверхности Земли. Телеграф, телефон, радио, аэропланы, аэростаты охватили весь земной шар. Сношения становятся все более простыми и быстрыми. Ежегодно организованность их увеличивается, бурно растет.

Мы ясно видим, что это начало стихийного движения, природного явления, которое не может быть остановлено случайностями человеческой истории. Здесь впервые, может быть, так ярко проявляется связь исторических процессов с палеонтологической историей выявления *Homo sapiens*. Этот процесс – полного заселения биосферы человеком – обусловлен ходом истории научной мысли, неразрывно связан со скоростью сношений, с успехами техники передвижения, с возможностью мгновенной передачи мысли, ее одновременного обсуждения всюду на планете.

<...> В многотысячелетней исторической трагедии, для масс населения полной крови, страданий, преступлений, нищеты, тяжелых условий жизни, которые мы называем всемирной историей, многократно возникал вопрос о лучшем устройстве жизни и о способах, которыми можно этого достигнуть. Человек не мирился с условиями своей жизни.

Выход исканий разное решался, и в истории человечества мы видим многочисленные (а сколько их исчезло бесследно!) искания – философские, религиозные, художественные и научные. Тысячелетия во всех уголках, где существует человеческое общество, они создавались и создаются.

<...> Геологи, углубляясь в историю нашей планеты, в постплиоценовое время, в ледниковую эпоху, собрали огромное количество научных фактов, выявляющих отражение жизни человеческих обществ – в конце концов цивилизованного человечества – на геологические процессы нашей планеты, в сущности биосферы. Без их оценки с точки зрения добра и зла, не касаясь этической или философской стороны, научная работа, научная мысль констатируют новый факт в истории планеты первостепенного геологического значения. Этот факт заключается в выявлении создаваемой историческим процессом новой психозойной или антропогенной геологической эры. В сущности она палеонтологически определяется появлением человека.

<...> Возможно, как раз прав А.П. Павлов, который допускал, что ледниковый период, первое обледенение Северного полушария, началось в конце плиоцена, и в это время выявился в условиях, приближавшихся к суровым ледниковым, в биосфере новый организм, обладавший исключительной центральной нервной системой, которая привела в конце концов к созданию разума, и сейчас проявляется в переходе **биосферы в ноосферу**.

По-видимому, все морфологически разные типы человека, разные роды и виды уже между собой общались, являлись с изначала отличными от основной массы живого вещества, обладали творчеством резко иного характера, чем окружающая жизнь, и могли между собой кровно смешиваться. Стихийно этим путем создавалось единство человечества.

<...> Примерно за две с половиной тысячи лет назад «одновременно» (в порядке веков) произошло глубокое движение мысли в области религиозной, художественной и философской в разных культурных центрах: в Иране, в Китае, в арийской Индии, в эллинском Средиземноморье (теперешней Италии), появились великие творцы религиозных систем – Зороастр, Пифагор, Конфуций, Будда, Лао-цзы, Махавира, которые охватили своим влиянием, живым до сих пор, миллионы людей.

Впервые идея единства всего человечества, людей как братьев, вышла за пределы отдельных личностей, к ней подходивших в своих интуициях или вдохновениях, и стала двигателем жизни и быта народных масс или задачей

государственных образований. Она не сошла с тех пор с исторического поля человечества, но до сих пор далека от своего осуществления. Медленно, с многосотлетними остановками, создаются условия, дающие возможность ее осуществления, реального проведения в жизнь.

<...> «Взрыв» научной мысли в XX столетии **подготовлен всем прошлым биосферы** и имеет глубочайшие корни в ее строении он не может остановиться и пойти назад. Он может только замедляться в своем темпе. Ноосфера – биосфера, переработанная научной мыслью, подготовлявшаяся шедшим сотнями миллионов, может быть миллиарды лет, процессом, создавшим *Homosapiensfaber* – **не есть кратковременное и преходящее геологическое явление**. Процессы, подготовлявшиеся многие миллиарды лет, не могут быть преходящими, не могут остановиться. Отсюда следует, что биосфера неизбежно перейдет так или иначе – рано или поздно – в ноосферу, т.е. что в истории народов, ее населяющих, произойдут события, нужные для этого, а не этому процессу противоречащие.

Цивилизация «культурного человечества» – поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, – не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы. Образую ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой, чего раньше в истории человечества в сколько-нибудь сравнимой мере не было.

<...> Живое вещество является носителем и создателем свободной энергии, ни в одной земной оболочке в таком масштабе не существующей. Эта свободная энергия – биогеохимическая энергия – охватывает всю биосферу и определяет в основном всю ее историю. Она вызывает и резко меняет по интенсивности миграцию химических элементов, строящих биосферу, и определяет ее геологическое значение.

В пределах живого вещества в последнее десяти тысячелетие вновь создается и быстро растет в своем значении новая форма этой энергии, еще большая по своей интенсивности и сложности. Эта новая форма энергии, связанная с жизнедеятельностью человеческих обществ, рода *Ното* и других (гоминид), близких к нему, сохраняя в себе проявление обычной биохимической энергии, вызывает в то же самое время нового рода миграции химических элементов, по разнообразию и мощности далеко оставляющие за собой обычную биохимическую энергию живого вещества планеты.

Эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу» [2].

Вопросы для самопроверки

1. Что такое «ноосфера» и как она формируется?

2. Каковы гуманистические идеалы Вернадского и как далеки они от реальности? Насколько осознание и дальнейшее развитие этого учения позволит человечеству избежать быстрой и безнадежной духовной деградации?

Тексты к главе 10 «Религия и наука в контексте культуры»

Карл Ясперс «Современная наука»

«Бросая взгляд на мировую историю, мы обнаруживаем три этапа познания: во-первых, это рационализация вообще, которая в тех или иных формах является общечеловеческим свойством, появляется с человеком, как таковым, в качестве «донаучной науки», рационализирует мифы и магию; во-вторых, становление логически и методически осознанной науки – греческая наука и параллельно зачатки научного познания мира в Китае и Индии; в-третьих, возникновение современной науки, вырастающей с конца средневековья, решительно утверждающейся с XVII в. и развертывающейся во всей своей широте с XIX в. Эта наука делает европейскую культуру – во всяком случае с XVII в. – отличной от культуры всех других стран...

Науке присущи три необходимых признака: познавательные методы, достоверность и общезначимость...

Что же характеризует под углом зрения этих трех моментов современную науку?

1. Современная наука универсальна по своему духу. Нет такой области, которая могла бы на длительное время отгородиться от нее. Все происходящее в мире подвергается наблюдению, рассмотрению, исследованию – явления природы, действия или высказывания людей, их творения и судьбы. Религия, все авторитеты также становятся объектом исследования. И не только реальность, но и все мыслительные возможности становятся объектом изучения. Постановка вопросов и исследование не знают предела.

2. Современная наука принципиально не завершена. Греки не знали безгранично развивающейся науки, даже в тех областях, которые в течение некоторого времени фактически развивались, – в математике, астрономии, медицине. В своем исследовании греки действовали как бы в рамках чего-то законченного. Такого рода законченность не знает ни стремления к универсальному знанию, ни взрывной силы, присущей воле к истине...

Современная наука движима страстью достигнуть пределов, пройти через все завершающие представления познания, постоянно пересматривать все, начиная с основ. Отсюда повороты в прорыве к новому знанию и вместе с тем сохранение фактически достигнутого в качестве составной части новых замыслов. Здесь господствует сознание гипотетичности предпосылок, которые в каждом данном случае служат отправным пунктом. Все существует только для того, чтобы быть преодоленным (так как предпосылки обосновываются и релятивизируются более глубокими предпосылками) или, если речь идет о фактических данных, чтобы продвигаться в последовательности возрастающего и все глубже проникающего познания...

Поскольку содержание познания, в отличие от греческого космоса, в принципе безгранично и не завершено, смысл этой науки составляет беспредельное продвижение, а ее самосознание определяется идеей прогресса. Отсюда и окрыляющий смысл науки, и внезапно возникающее затем ощущение бессмысленности: если цель не может быть достигнута и все труды не более чем ступень для последующего развития, то к чему эти усилия?

3. Современная наука ни к чему не относится равнодушно, для нее все имеет научный интерес; она занимается единичным и мельчайшим, любыми фактическими данными, как таковыми. Поразительно, что современный европеец углубляется даже во все то, что обычно презрительно игнорировалось, – оно представляет для него интерес уже только потому, что обладает эмпирической реальностью...

Интерес европейской науки к случайности, к любому объекту, как к уродливому, так и к прекрасному, основан на всеохватывающем самосознании, столь же беспокойном, сколь уверенном в себе. Все, что есть, должно быть познано, его необходимо знать; нет ничего, что можно было бы оставить вне сферы внимания.

Таким образом, для современности характерна широта обращения ко всему, что происходит в мире.

4. Современная наука, обращенная к единичному, стремится выявить свои всесторонние связи. Ей правда, не доступен космос бытия, но доступен космос наук. Идея взаимосвязанности всех наук порождает неудовлетворенность единичным познанием. Современная наука не только универсальна, но стремится к такому единению наук, которое никогда не достижимо.

Каждая наука определена методом и предметом. Каждая являет собой перспективу видения мира, ни одна не постигает мир как таковой, каждая охватывает сегмент действительности, но не действительность, – быть

может, одну сторону действительности, но не действительность в целом. Существуют отдельные науки, а не наука вообще как наука о действительном, однако каждая из них входит в мир, беспредельный, но все-таки единый в калейдоскопе связей...

Позитивно об этой взаимосвязи можно сказать следующее:

В основе взаимосвязи наук лежит форма познания. Все они обладают определенным методом, мыслят категориями, обязательны в своих частных выводах, но вместе с тем ограничены известными предпосылками и границами предмета.

Связь между науками устанавливается благодаря их соотношению, их взаимной поддержке посредством своих выводов и методов. Они становятся друг для друга вспомогательными науками. Одна наука становится материалом для другой.

Их общая основа – субъективный импульс к универсальному знанию.

Сквозь ведущую идею отдельных областей познания проходит идея некоего неопределенного единства в качестве притязания на открытость всему действительному и мыслимому. Всякое знание есть путь. Эти пути пересекаются, расходятся, вновь соединяются и не достигают цели. Однако все они хотят быть исхоженными.

Науки внутренне расчленены по категориям и методам и соотнесены друг с другом. Бесконечное многообразие исследований и идея единства противостоят в напряжении друг другу и заставляют переходить от одного к другому.

Систематичный характер знания приводит в современном познании не к картине мира, а к проблеме системы наук. Эта система наук подвижна, многообразна по своим возможным структурам, открыта. Однако для нее характерно, что она всегда остается проблемой и что ни один научный метод, ни один вид знания не должен быть в ней упущен.

Объективно усилия, направленные на установление взаимосвязи внутри знания как такового, с очевидностью проистекают из идеи единства наук...

5. Постановка радикальных вопросов, доведенная до крайности, – претендующая, однако, на то, чтобы оставаться в рамках конкретного познания, а не предаваться игре всеобщими идеями, пропуская при этом отдельные звенья, – достигла в современной науке своей высшей ступени. Мышление, выходящее за пределы видимого мира... направленное, однако, не на то, чтобы погрузиться в пустоту, а на то, чтобы лучше и без предвзятости понять природу этого видимого мира, смело ставит любые проблемы...

6. Определенные категории можно, пожалуй, считать характерными для современной науки. К ним относится бесконечное как основа антиномий, как проблема, которая, будучи доступна тончайшей дифференциации, в конечном итоге выявляет крушение мышления.

Относится сюда и категория причинности, которая ведет, как у Аристотеля, не к точно определенным видам каузальности, простому подчинению явлений и окончательному пояснению в целом, но к реальному исследованию посредством определенных частных постановок вопроса...

Однако подлинно характерным для современной науки является не какая-либо категория или какой-нибудь метод, а универсальность в разработке категорий и методов. Все то, что представляется допустимым с точки зрения математики, физики, биологии, герменевтики, спекуляции, исследуется, изучаются все формы, все предметы. Следствием этого является возможность безграничного расширения категориальной сферы, а отсюда – отсутствие законченного учения о категориях...

7. В современном мире стала возможной такая научная позиция, которая в применении к любому предмету позволяет ставить вопросы, исследовать, проверять и подвергать его рассмотрению всеохватывающего разума. Эта позиция не носит характер научной догматики, не отстаивает определенные выводы и принципы; она далека от каких-либо сект или объединений, связанных общими религиозными воззрениями или единством убеждений; ее задача – сохранить свободной сферу познаваемого в науке.

Научная позиция требует строгого различения безусловного знания и небезусловного, стремления вместе с познанием обрести знание метода и тем самым смысла и границ знания, требует неограниченной критики. Ее сторонники ищут ясности в определениях, исключаящей приближительность повседневной речи, требуют конкретности обоснования...

Наука не открывается каждому без усилий. Подавляющее число людей не имеет в науке никакого понятия. Это – прорыв в сознании нашего времени. Наука доступна лишь немногим. Будучи основной характерной чертой нашего времени, она в своей подлинной сущности тем не менее духовно бессильна, так как люди в своей массе, усваивая технические возможности или догматически воспринимая ходульные истины, остаются вне нее.

В нашу эпоху наука пользуется неслыханным признанием. От нее ждут решения всех проблем – всепроникающего познания бытия в целом и помощи во всех бедах. Ложная надежда является по существу научным суеверием, а последующее разочарование ведет к презрению. Смутная надежда на то, о чем существуют какие-либо сведения, – не более чем

суеверие, а неудача порождает презрение к знанию. То и другое не имеет ничего общего с подлинной наукой. Таким образом, наука является, правда, знаменем нашей эпохи, но в таком облике, в котором она перестает быть наукой.

Заблуждение складывается следующим образом: приступая к исследованию, мы исходим из предпосылки о познаваемости мира. Ибо без этой предпосылки исследование было бы бессмысленным. Однако такая предпосылка может означать как познаваемость вещей мира, так и познаваемость мира в целом. Только первая предпосылка соответствует возможностям науки, и поистине невозможно предсказать, до каких пределов дойдет наше познание в этой сфере. Напротив, вторая предпосылка не реализуется. Ее ложность обнаруживается при столкновении с радикальными трудностями, которые, правда, не ограничивают содержания исследования, но выявляют границы знания, а именно то, что мир в своей целостности, как единый и замкнутый, не только ускользает от познания, но и вообще не существует для нас как непротиворечивый и доступный опыту. Эти границы становятся ясно различимыми всякий раз, когда ложная предпосылка о познаваемости мира разбивается, сталкиваясь с действительными возможностями нашего научного познания... Поэтому и теперь еще важная, неотложная задача состоит в том, чтобы отчетливо определить смысл и границы современной науки...

В этой ситуации все дело в том, чтобы создать такую науку, которая столь же отчетливо познавала бы то, что может быть познано, сколь ясно осознавала свои границы. Лишь таким образом можно избежать двойного заблуждения – как суеверного поклонения перед наукой, так и ненависти к ней. Дальнейшее становление человека в решающей степени определяется тем, удастся ли на протяжении последующих веков сохранить науку, углубить ее и заставить все большее количество людей правильно оценить реальную действительность...» [25, С. 109–113].

Вопросы для самопроверки

1. Каковы исторические этапы развития познания?
2. Каковы характеристики современной науки?
3. Как определить смысл и границы современной науки? Для чего это необходимо сделать?
4. Как, по мнению К. Ясперса, можно избежать двойного заблуждения относительно науки?

Мартин Хайдеггер «Наука и осмысление»

«В соответствии с распространенным представлением мы обозначаем область, внутри которой разворачивается духовная и творческая деятельность человека, именуемая «культура». К ней относят и науку, ее развитие и организацию. Наука становится тем самым в разряд ценностей, которыми человек дорожит, к которым он по разным побудительным причинам обращает свой интерес.

Однако пока мы берем науку только в этом аспекте культуры, мы не сможем измерить всей глубины ее существа. То же относится к искусству. Их еще и сегодня охотно ставят рядом: искусство и науку. Искусство тоже можно представить себе как область культурного производства. Тогда мы опять же ничего не поймем в его существе. В свете этого последнего искусство есть святыня и кров, где действительность каждый раз вновь дарит человеку свой прежде таившийся блеск, чтобы в его сиянии человек яснее видел и чище слышал то, что обращено к его существу.

Как и искусство, наука не есть просто культурное занятие человека. Наука – способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть.

Мы должны поэтому сказать: действительность, внутри которой движется и пытается оставаться сегодняшний человек, все больше определяется тем, что называется западноевропейской наукой.

Вглядываясь в это обстоятельство, мы обнаруживаем, что в западной части мира на протяжении веков ее истории наука развернула нигде более на земле не встречающееся могущество и идет к тому, чтобы в конце концов наложить свою власть на весь земной шар.

Но есть ли наука лишь нечто сделанное человеком, просто взвинченное до небывалого размаха, так, что можно было бы считать, что в один прекрасный день по воле людей, решением каких-нибудь комиссий ее удастся снова упразднить? Или здесь происходит событие какого-то большего размаха? Не правит ли в науке еще и нечто другое, помимо простой человеческой любознательности? Именно так оно и есть. Здесь властвует что-то другое. Только это другое скрыто от нас, пока мы цепляемся за привычные представления о науке.

Другое – в том положении вещей, которое безраздельно царит во всех науках, оставаясь, однако, скрытым от них... Чтобы это положение вещей вошло в поле нашего зрения, должна, правда, иметь место достаточная ясность относительно того, что такое наука. Каким путем такого добиться? Всего верней, как кажется, путем описания современного научного производства. Подобное изображение смогло бы показать, как вот уже долгое время науки все решительней и вместе с тем неприметней внедряются

во все организованные формы современной жизни: в промышленность, экономику, образование, политику, военное дело, в публицистику всякого рода. Рассмотреть ход этого внедрения важно. И все же, чтобы суметь описать его, мы сначала должны уже видеть, в чем заключается существо науки. Его можно высказать в лаконичном тезисе. Он гласит: наука есть теория действительного.

Наш тезис не призван служить ни готовым определением, ни подручной формулой. В нем содержатся одни только чистые вопросы. Они начнут выявляться по мере истолкования тезиса. Прежде всего придется заметить, что слово «наука» в тезисе «наука есть теория действительного» всегда означает только науку Нового времени. Тезис «наука есть теория действительного» не имеет смысла ни для средневековой науки, ни для науки древности... И все-таки существо современной науки, которая в качестве европейской стала между тем планетарной, коренится в греческой мысли, со времен Платона носящей название философии...

То, что существующее – например, природа, человек, история, язык – выступает как действительное в его предметной противопоставленности и что тем самым наука оказывается теорией, фиксирующей действительное и устанавливающей его в предметном статусе, для средневекового человека было бы таким же странным, как для греческого мышления – сбивающим с толку.

Современная наука в качестве теории действительного не есть поэтому что-то само собой разумеющееся. Она и не просто человеческое создание, и не вырвана силой у действительности. Однако существо науки с необходимостью вытекает из характера присутствия всего присутствующего с того момента, как это последнее выступает в образе предметного противостояния. Этот момент, как и все другие моменты подобного рода, полон тайны. Не только великие мысли приходят словно на голубиных лапках, но и – прежде всего и в первую очередь – перемены в характере присутствия всего присутствующего.

Теория устанавливает всякий раз определенную форму действительного как свою предметную область. Дробный характер предметного противостояния с самого начала предопределяет собою возможность той или иной постановки вопросов. Каждое явление, выступающее внутри той или иной области науки, обрабатывается до тех пор, пока не начинает вписываться в определяющую предметную структуру теории. Структура при этом иногда сама видоизменяется. Предметная противопоставленность как таковая остается, однако, в своих основных чертах неизменной. Заранее намеченное основание того или иного поведения и образа действий есть

в строгом смысле понятия суть того, что называется «целью». Если что-то и определено в себе известной целью, так это чистая теория.

Она нацелена на предметное противостояние действительного. Отказавшись от этого, наука изменила бы собственной сущности...

Понять направление, в каком вещь уже движется сама по себе, – значит увидеть ее смысл. Во вникании в такой смысл – суть осмысления. Осмысление подразумевает больше, чем просто осознание чего-либо. Мы еще далеки от осмысления, пока просто что-то сознаем. Осмысление требует большего. Оно – отданность достойному вопрошания.

Благодаря так понятому осмыслению мы проникаем собственно туда, где, не обязательно понимая и замечая это, уже давно находимся. Путем осмысления мы достигаем места, откуда впервые открывается пространство, вымеренное всяким нашим действием и бездействием.

У осмысления другая сущность, чем у осознания и научного познания, и даже другая сущность, чем у культуры и образования. Слово «образовывать» значит прежде всего выставить образец и устанавливать предписание. Его другое значение – формировать уже имеющиеся задатки. Образование показывает человеку образец, по которому тот организует свое действие и бездействие. Образование нуждается в заранее обеспеченном путеводном образце и во всесторонне укрепленной позиции. Выработка всеобщего образовательного идеала и его господство предполагают не стоящее под вопросом, во всех направлениях обеспеченное положение человека. А это условие со своей стороны должно иметь своей основой веру в непрерываемое могущество непоколебимого разума и его основоположностей» [17, С. 238–252].

Вопросы для самопроверки

1. Как соотносит М. Хайдеггер понятия науки и культуры?
2. В чем особенность современного этапа развития научного знания?
3. Какую роль играет научный способ познания в образовании?

Тексты к главе 11 «Искусство как феномен культуры»

Густав Густавович Шпет «Искусство и жизнь»

«Что искусство возникает из украшения, это – не только генетический факт, это также существенная функция искусства, раз искусство, так или иначе, целиком или частично, между прочим или всецело, представляет красоту. Поэтому-то и бессмысленно, неодушевленно, бессубстанционально

искусство «вообще себе». Но нельзя обращать формулу, ибо это обращение есть извращение – нельзя сказать: всякое украшение есть искусство.

Украшение – только экспрессивность красоты, т.е. жест, мимика, слезы и улыбка, но еще не мысль, не идея. Экспрессивность – вообще от избытка. Смысл, идея должны жить, т.е., во-первых, испытывать недостаток и потому, во-вторых, воплощаться, выражаться. Красота – от потребности выразить смысл...

Потребность – пока она не успокоена – беспокойство, неутомленность. Творчество – беспокойная мука, пока не найдено выражение. Муки ученика – страшнее мук мастера: пока-то выражение не «удовлетворит», пока-то не выразишь волнующего. Поистине, пока оно не выражено, оно уничтожает сознание, издевается над разумом. Волнует простор неба, грудь женщины, величие духа – художник пишет, рисует, высекает, пока не «снял» выражением беспокойной страсти. «Мастер» не так мучается, как «ученик», – оттого есть мастера маститые, «академики». Есть, впрочем, мастера – ученики. Но, конечно, не в том дело, что «притупляется» страсть и волнение, – разве маститый меньше чувствует потребность жизни, чем мальчик, – а в том, что маститый не хватается за выражение «не по силам». Инстинкт почестей – против инстинкта жизни!

Так и формула: искусство есть жизнь – для немногих все-таки верна. Извращенный крик: жизнь – искусство! Такие извращения-обращения повторяются: жизнь есть философия, жизнь есть поэзия. Это – социально-психологический симптом. Это – признак эпохи, когда ложь дешева. Это – вопль вырождающихся. Жалкую увядающую жизнь хотят косметизировать философией, искусством, поэзией. Это называется «вносить» философию, искусство, поэзию в жизнь... Или, наглее, не отрывать их от жизни. Но молодость об этом не кричит, – а сама собою украшена и никаких потерь и разрывов не страшится.

Жизнь – искусство, «создание» из жизни искусства, жизнь даже величайшее из искусств – все это типическое декадентство. Это знал падавший древний мир, знал романтизм – падавшее христианство, – это слышали недавно и мы от падавшего демократизма и натурализма – у каждого в собственном архиве найдутся напоминания...

Если жизнь есть искусство, то искусства нет. Ибо украшение должно быть украшением чего-нибудь, а если оно не украшает жизни, то и оно не существует, и жизнь – истязание. А украшать украшение – своего рода *aesthetical insanity*.

Художественное создание ... входит в жизнь как факт. С этим ничего даже и поделывать нельзя. Художественное произведение, вошедши как факт в жизнь, уже и не может не быть жизнью. Хотят же другого. Хотят, чтобы то, что не может быть, перешло в то, что есть, что не может быть. Но это и есть возвращение к неукрашенной жизни, природной, животной, – прекрасной только в некоторых редких случаях игры и безобразия природы. Тут почти всегда вместо золота – горсть глиняных черепков.

Только искусство подальше от жизни, далекое, далекое ей, может быть ей, безобразной, украшением. А искусство в жизни, близкое ей, – новое в ней безобразия. Не довольно ли того, что есть? Искусство должно быть не в жизни, а к жизни, при ней, легко отстегиваемое, – отстегнул и пошел дальше – пристегнуть и другому краю... Красота – праздник, а не середина...

Художник не творит действительности, не производит – то, что он производит, есть искусство, а не действительность, – он подражает и воспроизводит... он раньше ... утверждает действительность, потому что впереди всякого познания идет созерцание. По этому поводу говорят об особой наблюдательности художника. Что под этим разуметь? Художник видит «больше»? – Но нет, он видит меньше, потому что он видит избирательно: не все, что видишь, художественно. Он видит острее? Это и значит меньше: чем острее одно, тем тупее другое. Разница зрения художника от обыкновенного зрения — не количественная, а качественная. Это – лучший сорт зрения. Для него явственна красота действительности. И это – все? Ни в коем случае! Явственная для него красота может остаться его тайною. Какое нам дело до чужих тайн? Художник не просто для себя созерцает, а разоблачает тайны. Запечатлеть – здесь только начинается художественно-совершенное зрение художника – явленность вовне... Но, прежде чем передать действительность..., художник должен утвердить ее права на бытие в созерцании: еще не реального и уже не идеального только...

Художник не творит действительности, а только воспроизводит. В этом гарантия утверждаемой им действительности и действительности утверждаемого им. Творец может ошибиться и создать одну действительность вместо другой – по заблуждению, по нерасчетливости, по лукавству, по неискренности или по другой причине. Художник воспроизводит действительность уже созданную. Его утверждение относится к сущему. Как бы ни была действительность задумана и создана, созданная и существующая, она – такая, а не иная, и другой – нет.

Может быть, ложная в замысле и в осуществлении, она истинна в бытии. Ее истинность – ее внешность... Назначение художника: увидеть» [22, С. 351–353, 365–367].

Вопросы для самопроверки

1. В чем смысл фразы Шпета: «Если жизнь есть искусство, то искусства нет»?
2. Охарактеризуйте мысль Шпета, что художник не творит действительность, а только воспроизводит.

Хосе Ортега-и-Гассет «Дегуманизация искусства. Непопулярность нового искусства»

«Напротив, новое искусство встречает массу, настроенную к нему враждебно, и будет сталкиваться с этим всегда. Оно не народно по самому своему существу; более того, оно антинародно. Любая вещь, рожденная им, автоматически вызывает в публике курьезный социологический эффект. Публика разделяется на две части; одна часть, меньшая, состоит из людей, настроенных благосклонно; другая, гораздо большая, бесчисленная, держится враждебно... Значит, произведения искусства действуют подобно социальной силе, которая создает две антагонистические группы, разделяет бесформенную массу на два различных стана людей.

По какому же принципу различаются эти две касты? Каждое произведение искусства вызывает расхождения: одним нравится, другим нет; одним нравится меньше, другим – больше. У такого разделения неорганический характер, оно непринципиально. Слепая прихоть нашего индивидуального вкуса может поместить нас и среди тех и среди других. Но в случае нового искусства размежевание это происходит на уровне более глубоко, чем прихоти нашего индивидуального вкуса. Дело здесь не в том, что большинству публики не нравится новая вещь, а меньшинству – нравится. Дело в том, что большинство, масса, просто не понимает ее...

«С социологической точки зрения» для нового искусства, как мне думается, характерно именно то, что оно делит публику на два класса людей: тех, которые его понимают, и тех, которые не способны его понять. Как будто существуют две разновидности рода человеческого, из которых одна обладает неким органом восприятия, а другая его лишена. Новое искусство, очевидно, не есть искусство для всех, как, например, искусство романтическое: новое искусство обращается к особо одаренному меньшинству. Отсюда – раздражение в массе. Когда кому-то не нравится произведение искусства именно поскольку оно понятно, этот человек чувствует свое «превосходство» над ним, и тогда раздражению нет места. Но когда вещь не нравится потому, что не все понятно, человек ощущает себя униженным, начинает смутно подозревать свою несостоятельность, неполноценность, которую стремится компенсировать возмущением,

яростным самоутверждением перед лицом произведения. Едва появившись на свет, молодое искусство заставляет доброго буржуа чувствовать себя именно таким образом: добрый буржуа, существо, неспособное к восприятию тайн искусства, слеп и глух к любой бескорыстной красоте. И это не может пройти без последствий после сотни лет всеобщего заискивания перед массой и возвеличивании «народа». Привыкшая во всем господствовать, теперь масса почувствовала себя оскорбленной этим новым искусством в своих человеческих «правах», ибо это искусство привилегированных, искусство утонченной нервной организации, искусство аристократического инстинкта. Повсюду, где появляются юные музы, масса преследует их.

В течение полутора веков «народ», масса претендовали на то, чтобы представить «все общество». Музыка Стравинского или драма Пиранделло производят социологический эффект, заставляющий задуматься над этим и постараться понять, что же такое «народ», не является ли он просто одним из элементов социальной структуры, косной материей исторического процесса, второстепенным компонентом бытия. Со своей стороны новое искусство содействует тому, чтобы «лучшие» познавали самих себя, узнавали друг друга среди серой толпы и учились понимать свое предназначение быть в меньшинстве и сражаться с большинством...

Художественное искусство

Если новое искусство понятно не всем, это значит, что средства его не являются общечеловеческими. Искусство предназначено не для всех людей вообще, а только для очень немногочисленной категории людей, которые, быть может, и не значительнее других, но явно не похожи на других.

Прежде всего, есть одна вещь, которую полезно уточнить. Что называет большинство людей эстетическим наслаждением? Что происходит в душе человека, когда произведение искусства, например, театральная постановка, «нравится» ему? Ответ не вызывает сомнений: людям нравится драма, если она смогла увлечь их изображением человеческих судеб. Их сердца волнуют любовь, ненависть, беды и радости героев: зрители участвуют в событиях, как если бы они были реальными, происходили в жизни. И зритель говорит, что пьеса «хорошая», когда ей удалось вызвать иллюзию жизненности, достоверности воображаемых героев. В лирике он будет искать человеческую любовь и печаль, которыми как бы дышат строки поэта. В живописи зрители привлекают только полотна, изображающие мужчин и женщин, и которыми в известном смысле ему было бы интересно жить. Пейзаж покажется ему «милым», если он достаточно привлекателен как место для прогулки.

Это означает, что для большей части людей эстетическое наслаждение не отличается в принципе от тех переживаний, которые сопутствуют их повседневной жизни. Отличие – только в незначительных, второстепенных деталях: это эстетическое переживание, пожалуй, не так утилитарно, более насыщено и не влечет за собой каких-либо обременительных последствий. Но в конечном счете предмет, объект, на который направлено искусство, а вместе с тем и прочие его черты, для большинства людей суть те же самые, что и в каждодневном существовании, люди и людские страсти. И искусством назовут они ту совокупность средств, которыми достигается этот их контакт со всем, что есть интересного в человеческом бытии. Такие зрители смогут допустить чистые художественные формы, ирреальность, фантазию только в той мере, в какой эти формы не нарушают их привычного восприятия человеческих образов и судеб. Как только эти собственно эстетические элементы начинают преобладать и публика не узнает привычной для нее истории Хуана и Марии, она сбита с толку и не знает уже, как быть дальше с пьесой, книгой или картиной. И это понятно: им неведомо иное отношение к предметам, нежели практическое, то есть такое, которое вынуждает нас к переживанию и активному вмешательству в мир предметов. Произведение искусства, не побуждающее к такому вмешательству, оставляет их безучастными.

В этом пункте нужна полная ясность. Скажем сразу, что радоваться или сострадать человеческим судьбам, о которых повествует нам произведение искусства, есть нечто отличное от подлинно художественного наслаждения. Более того, в произведении искусства эта озабоченность собственно человеческим принципиально несовместима со строго эстетическим удовольствием.

Речь идет, в сущности, об оптической проблеме. Чтобы видеть предмет, нужно известным образом приспособить наш зрительный аппарат. Если зрительная настройка неадекватна предмету, мы не увидим его или увидим расплывчатым. Пусть читатель вообразит, что в настоящий момент мы смотрим в сад через оконное стекло. Глаза наши должны приспособиться таким образом, чтобы зрительный луч прошел через стекло, не задерживаясь на нем, и остановился на цветах и листьях. Поскольку наш предмет – это сад и зрительный луч устремлен к нему, мы не увидим стекла, пройдя взглядом сквозь него. Чем чище стекло, тем менее оно заметно. Но, сделав усилие, мы сможем отвлечься от сада и перевести взгляд на стекло. Сад исчезнет из поля зрения, и единственное, что остается от него, – это расплывчатые цветные пятна, которые кажутся нанесенными на стекло. Стало быть, видеть сад и видеть оконное стекло – это две несовместимые операции: они исключают друг друга и требуют различной зрительной аккомодации.

Соответственно тот, кто в произведении искусства ищет переживаний за судьбу Хуана и Марии или Тристана и Изольды и приспособливает свое духовное восприятие именно к этому, не увидит художественного произведения как такового. Горе Тристана есть горе только Тристана и, стало быть, может волновать только в той мере, в какой мы принимаем его за реальность. Но все дело в том, что художественное творение является таковым лишь в той степени, в какой он не реально. Только при одном условии мы можем наслаждаться Тициановым портретом Карла V, изображенным верхом на лошади: мы не должны смотреть на Карла V как на действительную, живую личность – вместо этого мы должны видеть только портрет, ирреальный образ, вымысел. Человек, изображенный на портрете, и сам портрет – вещи совершенно разные: или мы интересуемся одним, или другим. В первом случае мы «живем вместе» с Карлом V; во втором «созерцаем» художественное произведение как таковое.

Однако большинство людей не может приспособить свое зрение так, чтобы, имея перед глазами сад, увидеть стекло, то есть ту прозрачность, которая и составляет произведение искусства: вместо этого люди проходят мимо – или сквозь – не задерживаясь, предпочитая со всей страстью ухватиться за человеческую реальность, которая трепещет в произведении. Если им предложат оставить свою добычу и обратить внимание на само произведение искусства, они скажут, что не видят там ничего, поскольку и в самом деле не видят столь привычного им человеческого материала – ведь перед ними чистая художественность, чистая потенция.

На протяжении XIX века художники работали слишком нечисто. Они сводили к минимуму строго эстетические элементы и стремились почти целиком основывать свои произведения на изображении человеческого бытия. Здесь следует заметить, что в основном искусство прошлого столетия было, так или иначе, реалистическим. Реалистом были Бетховен и Вагнер. Шатобриан – такой же реалист, как и Золя. Романтизм и натурализм, если посмотреть на них с высоты сегодняшнего дня, сближаются друг с другом, обнаруживая общие реалистические корни.

Творения подобного рода лишь отчасти являются произведениями искусства, художественными предметами. Чтобы наслаждаться ими, вовсе не обязательно быть чувствительными к неочевидному и прозрачному, что подразумевает художественная восприимчивость. Достаточно обладать обычной человеческой восприимчивостью и позволить тревогам и радостям ближнего найти отклик в твоей душе. Отсюда понятно, почему искусство XIX века было столь популярным: его подавали массе разбавленным в той пропорции, в какой оно становилось уже не искусством, а частью жизни. Вспомним, что во все времена, когда существовали два различных типа искусства, одно для меньшинства, другое для большинства, последнее всегда было реалистическим.

Не будем спорить сейчас, возможно ли чистое искусство. Очень вероятно, что и нет; но ход мысли, который приведет нас к подобному отрицанию, будет весьма длинным и сложным... Даже если чистое искусство и невозможно, нет сомнения в том, что возможна естественная тенденция к его очищению. Тенденция эта приведет к прогрессивному вытеснению элементов «человеческого, слишком человеческого», которые преобладали в романтической и натуралистической художественной продукции. И в ходе этого процесса наступает такой момент, когда «человеческое» содержание произведения станет настолько скудным, что сделается почти незаметным. Тогда перед нами будет предмет, который может быть воспринят только теми, кто обладает особым даром художественной восприимчивости. Это будет искусство для художников, а не для масс; это будет искусство касты, а не демоса.

Вот почему новое искусство разделяет публику на два класса – тех, кто понимает, и тех, кто не понимает его, то есть на художников и тех, которые художниками не являются. Новое искусство – это чисто художественное искусство» [12, С. 220–226].

Вопросы для самопроверки

1. Объясните, почему новое искусство масса встречает враждебно.
2. В чем суть эстетического наслаждения?

Тексты к главе 12 «Техника как социокультурное явление»

Освальд Шпенглер «Человек и техника»

«Проблема техники в ее отношении к культуре и истории впервые возникает в XIX веке. XVIII столетие ставило вопрос о смысле и ценности культуры главным образом скептически, с равным отчаянием сомнением – тот вопрос, который вел к дальнейшим, все более мелким вопросам, а тем самым создал предпосылки для того, чтобы сегодня, в XX в., стала заметной проблематичность всей мировой истории...

...XX в. наконец-то достиг зрелости, чтобы дойти до смысла тех фактов, составляющих целое действительной мировой истории. Речь идет уже не о том, чтобы на вкус индивида или всей массы подгонять вещи и события под свои желания или надежды, выдавая их за некую рационалистическую тенденцию. На место: «Так должно быть» или «Так должно было бы быть» приходит «Так есть и так будет». Гордый скепсис отбрасывает сентиментальности предшествующих веков. Мы научились тому, что история ни в малейшей мере не считается с нашими ожиданиями...

Чтобы понять сущность техники, нужно исходить не из машинной техники, по крайней мере не поддаваться искушению видеть цель техники в создании машин и инструментов.

В действительности техника принадлежит древнейшим временам. Она не является и какой-то исторической особенностью, будучи чем-то чудовищно всеобщим. Она простирается за пределы человека, назад, к жизни животных, а именно, всех животных. В отличие от растений, к жизненному типу животных принадлежит свободное передвижение в пространстве, относительная самопроизвольность и независимость от всей остальной природы, а тем самым и необходимость себя ей противопоставлять, чтобы наделять свой вид смыслом, содержанием и превосходством. Значение техники установимо только исходя из души.

Свободно передвигающаяся жизнь животных есть не что иное, как борьба, и в истории этой жизни решающую роль играет тактика жизни, ее превосходство или подчиненность «иному», идет ли речь о живой или неживой природе. Ею решается, о чем судьба – претерпевать ли историю других или быть для других историей.

Техника есть тактика всей жизни в целом. Она представляет собой внутреннюю форму способа борьбы, который равнозначен самой жизни.

Следует избегать и другой ошибки: технику нельзя понимать инструментально. Речь идет не о создании инструментов-вещей, а о способе обращения с ними; не об оружии, а о борьбе. В современной войне решающее значение имеет тактика, то есть техника ведения войны, тогда как техника изобретения, изготовления и применения оружия есть лишь элемент целого. То же самое мы обнаруживаем повсюду. Имеются бесчисленные техники без каких бы то ни было орудий: есть техника льва, перехитрившего газель, есть техника дипломатии, техника управления, как поддержания формы государства для борьбы в политической истории. Имеются химические методы и техники применения газов. При всякой борьбе наличие проблемы предполагает логическую технику. Есть техника живописи, скачек, управления самолетом. Речь идет повсюду не о вещах, но о целенаправленной деятельности. Именно это часто упускается в исследованиях о доисторических временах, в которых слишком много думают о музейных экспонатах и слишком мало о бесчисленных методах, которые наверняка существовали, но не оставили видимого следа.

Любая машина служит лишь одному методу и возникла из его замысла. Все средства передвижения родились из мысли о езде, гребле, хождении под парусами, полете, а не из представления о вагоне или лодке. Сам метод является оружием. Вот почему техника не является какой-то «частью»

экономики, равно как экономика не представляет собой самостоятельной «части» жизни, наряду с войной и политикой. Все это – стороны одной деятельной, борющейся, одушевленной жизни. Но от пра-войны ранних животных путь ведет к методам современных ученых и инженеров, и тот же путь ведет от первобытного оружия, хитрости к конструированию машин, при помощи которых ведется нынешняя война против природы, с помощью которой ее удастся перехитрить.

Это называется прогрессом. Таково великое слово прошлого столетия. История виделась как прямая дорога, по которой бодро и все дальше марширует «человечество». По существу, под ним подразумевались только белые народы, а среди них только обитатели больших городов, а из последних только «образованные».

Но куда марширует? Как давно? И что затем?

Есть что-то комичное в этом марше в бесконечность, к цели, о которой всерьез даже не задумывались, не пытались себе ясно представить – не осмеливались представить, ибо цель является концом. Никто ничего не делает, не помыслив хоть на мгновение, чего он тем самым достигнет, чего он хочет. Люди не начинают войн, не выходят в море и даже на прогулку, не подумав о длительности и о завершении. Всякому действительно творческому человеку ведома та пустота, которая наступает вслед за завершением работы, а потому он его боится...

Мировая история не похожа на мечтания нашего времени. История человека коротка, если соизмерять ее с историей растений и животных, не говоря уже о долгой жизни планет. Внезапный подъем и упадок через несколько тысячелетий – это маловажно для судеб Земли, но для нас, здесь и теперь рожденных, эта история обладает трагическим величием и силой. Мы, люди XX в., спускаемся вниз зрячими. Наше видение истории, сама наша способность писать историю – предательские знаки того, что путь ведет вниз. Лишь на вершине высоких культур, при переходе их к цивилизации, на мгновение пробуждается этот дар пронизательного познания.

Само по себе совершенно безразлично, какой будет судьба этой маленькой планеты в толпе «вечных» звезд, куда через краткое время повлечет ее по бесконечным пространствам; еще безразличнее мы тому, будет ли через пару мгновений что-нибудь на ней двигаться. Но каждый из нас – сам по себе ничто – на несказанно короткое мгновение заброшен в эту толкотню длиной в одну жизнь. Потому для нас она безмерно важна – этот малый мир, эта «мировая история». Судьба помещает каждого не в мировую историю вообще, но каждый рождается в каком-то столетии, в определенном месте, народе, религии, сословии. Выбирать нам не дано,

родимся ли мы сыном египетского крестьянина за 3000 лет до Христа, персидским царем или сегодняшним бродягой. Этой судьбе – или случаю – нужно повиноваться. Она осуждает нас на какие-то ситуации, созерцания, деяния. Нет «человека в себе», о котором болтают философы, но только человек своего времени, места, расы. Он утверждает себя или покоряется....

«Происхождение человека: рука и орудие»

«С какого времени существует этот тип изобретательного хищника? Это равнозначно вопросу: с каких пор существует человек? – Что такое человек? Благодаря чему он стал человеком?»

Ответ звучит так: благодаря появлению руки, несравненного оружия в мире свободно передвигающейся жизни. Достаточно сравнить ее с лапой, клювом, рогами, клыками и хвостами других существ. В ней настолько сконцентрирована тактильность, что ее можно поставить чуть ли не в один ряд с такими органами чувств, как зрение и слух. Она различает не только тепло и холод, твердое и мягкое, но прежде всего тяжесть, образ и место противостоящего ей предмета, короче говоря, вещь в пространстве. Но сверх этого в ней столь поздно сосредоточивается жизнедеятельность, что она одновременно формирует осанку и движение тела в целом... К глазу хищника, «теоретически» господствующему над миром, добавляется эта практическая властительница...

Не только рука, прямохождение и осанка возникли одновременно, но и рука и орудие – ранее на это никто не обращал внимания. Невооруженная рука сама по себе ничего не стоит. Она требует оружия, чтобы самой быть оружием. Подобно тому как орудие формируется по образу руки, так и, наоборот, рука формируется по образу орудия. Бессмысленно разделять их по времени. Невозможно, чтобы сформировавшаяся рука хотя бы краткое время была деятельной без орудия. Самые ранние останки людей и их инструменты одинаково древние.

Не по времени, но логически отделимы друг от друга технический метод, а именно изготовление оружия, и его применение. Как есть техника производства скрипки и техника игры на ней, точно так же соотносятся искусство кораблестроения, изготовление лука и сноровки в стрельбе. Ни один другой хищник не избирает себе оружия. Человек же его не только избирает, он его изготавливает согласно своим собственным соображениям. Тем самым он обрел ужасающее превосходство в борьбе с себе подобными, в борьбе против других животных, против всей природы... «мысли глаза» – понимающему острому взгляду крупного хищника – добавляется теперь «мысль руки». Из первого вырабатывается в дальнейшем теоретическое,

рассуждающее, созерцающее мышление, хитрость, «рассудительность» в подлинном смысле слова. Глаз ищет причины и следствия, рука работает по принципам средства и цели. Ценностные суждения действующего относительно целесообразности или нецелесообразности не имеют ничего общего с истинным и ложным, с ценностями размышляющего, с истиной как таковой. Цель является фактом, тогда как связь причины и следствия – истиной. Так возникают столь различающиеся способы мышления: у людей истины – священников, ученых, философов – и людей факта – политиков, военачальников, купцов. С тех времен и поныне отдающая команду, указывающая, сжатая в кулак рука является выражением воли. Отсюда объяснения по почерку и по форме руки. Отсюда же словесные формулы о твердой руке завоевателя, счастливой руке дельца, отсюда свойства души, прочтенные по руке преступника или художника.

Вместе с рукой, оружием и личностным мышлением человек сделался творцом. Все, что делает животное, остается в рамках деятельности вида, а потому не обогащает его жизни. Человек же, созидающее животное, расширяет свои владения.

В мире с помощью ищущей мысли и дела, а это оправдывает то, что собственную краткую историю он называет «мировой историей», именуется свое окружение «человечеством», включая в него всю остальную природу в качестве фона, объекта и средства.

Деятельность мыслящей руки мы называем деянием. Деятельность присуща животным, деяние возникает только с человеком...

Под сильнейшим впечатлением свободного, сознательного, индивидуального деяния, которое поднимается над одинаковым, инстинктивным, массовым «действием вида», происходит формирование собственно человеческой души...

Эта душа идет по пути растущего отчуждения от всей природы. Оружие всех хищников естественно, не таков лишь вооруженный кулак человека – с искусно выделанным, замысленным, избранным оружием. Здесь начинается «искусство» как противоположность природе. Всякий технический метод человека представляет собой искусство, да так они всегда и назывались: искусство стрельбы из лука, военное искусство, строительное искусство, искусство правления, жертвоприношения, гадания, рисования и стихосложения, научного экспериментирования. Искусственно, противоястественно любое человеческое действие – от зажигания огня и вплоть до тех свершений высших культур, которые обозначаются нами как собственно принадлежащие к «искусствам». У природы были выработаны привилегии творчества. Уже «свободная воля» есть акт мятежа. Творческий

человек выходит из союза с природой, и с каждым своим творением он уходит от нее все дальше, становится все враждебнее природе. Такова его «всемирная история», история неудержимого, рокового раскола между человеческим миром и Вселенной, история мятежника, переросшего материнское лоно и поднимающего на него руку.

Трагедия человека начинается потому, что природа сильнее. Человек остается зависимым от нее, ибо она все охватывает, в том числе и его, свое творение. Все великие культуры являются поэтому столь же великими поражениями. Целые расы пребывают сломленными, внутренне разрушенными, впавшими в бесплодие и расстройство духа – это ее жертвы. Борьба против природы безнадежна, и все же она будет вестись до самого конца» [21, С. 454–492, 441].

Вопросы для самопроверки

1. Как ставит О. Шпенглер вопрос об отношении техники к культуре?
2. Как надо понимать технику?
3. Что, по мнению Шпенглера, называется прогрессом? В чем, на его взгляд, трагедия человека?
4. На основании чего О. Шпенглер делает вывод о том, что все великие культуры являются столь же великими поражениями?

Карл Ясперс «Современная техника»

«<...> Техника – это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой; цель их – придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды. Как природа меняет свой облик под воздействием техники, какое обратное действие на человека оказывает его техническая деятельность, т.е. как характер его труда, организация его труда и его воздействие на среду меняют его самого, – все это составляет основной фактор исторического развития.

Однако только современная техника сделала ощутимыми роковые следствия этого для человека. После относительно стабильного состояния в течение тысячелетий, в конце XVIII в. в технике и вместе с тем во всей жизни людей произошел переворот, быстрота которого все возрастает вплоть до сего дня...

С помощью современной техники связь человека с природой проявляется по-новому. Вместе с необычайно усилившимся господством человека над природой возникает угроза того, что природа, в свою очередь, в неведомой

ранее степени подчинит себе человека. Под воздействием действующего в технических условиях человека природа становится подлинным его тираном. Возникает опасность того, что человек задохнется в той своей второй природе, которую он технически создает, тогда как по отношению к непокоренной природе, постоянно трудясь в поте лица, чтобы сохранить свое существование, человек представляется нам сравнительно свободным.

Техника радикально изменила повседневную жизнь человека в окружающей его среде, насильственно переместила трудовой процесс и общество в иную сферу, в сферу массового производства, превратила все существование в действие некоего технического механизма, всю планету – в единую фабрику. Тем самым произошел – и происходит по сей день – полный отрыв человека от его почвы. Он становится жителем Земли без родины, теряет преемственность традиций. Дух сводится к способности обучаться и совершать полезные функции.

Эта эпоха преобразований носит прежде всего разрушительный характер. Сегодня мы живем, ощущая невозможность найти нужную нам форму жизни. Мир предлагает нам теперь немного истинного и прочного, на что отдельный человек мог бы опереться в своем самосознании.

Поэтому человек либо живет в состоянии глубокой неудовлетворенности собой, либо отказывается от самого себя, чтобы превратиться в функциональную деталь машины, не размышляя, предаться своему витальному существованию, теряя свою индивидуальность, перспективу прошлого и будущего, и ограничиться узкой полоской настоящего, чтобы, изменяя самому себе, стать легко заменяемым и пригодным для любой поставленной перед ним цели, пребывать в плену раз и навсегда данных, непроверенных, неподвижных, недиалектических, легко сменяющих друг друга иллюзорных достоверностей...

Техника как средство. Техника возникает, когда для достижения цели вводятся промежуточные средства. Непосредственная деятельность, подобно дыханию, движению, принятию пищи, еще не называется техникой...

Для техники характерно следующее:

Рассудок. Техника покоится на деятельности рассудка, на исчислении в сочетании с предвидением возможностей и с догадками. Техника оперирует механизмами, превращает свои данные в количества и отношения. Она является частью общей рационализации как таковой.

Власть. Техника – это умение, методы которого являются внешними по отношению к цели. Это умение – способность делать и обладать, а не созидать и предоставлять расти.

Применяя силу природы против нее самой, техника господствует над природой посредством самой природы. Это господство основано на знании. В этом смысле и говорят: знание – это власть. Власть над природой обретает смысл лишь при наличии целей, поставленных человеком, таких как облегчение жизни, сокращение каждодневных усилий, затрачиваемых на условия физического существования, увеличение досуга и удобств. Смысл техники состоит в освобождении от власти природы. Ее назначение – освободить человека как животное существо от подчинения природе с ее бедствиями, угрозами и оковами. Поэтому принцип техники заключается в целенаправленном манипулировании материалами и силами для реализации назначения человека. Технический человек не принимает преднайдённое просто как оно есть. Он рассматривает вещи под углом зрения и их ценности для реализации человеческих целей и пытается приблизить формы вещей к особенностям этих целей (Дессауэр).

Но это еще не исчерпывает смысла техники. Создание орудий труда подчинено идее некоего единства, а именно – единства в рамках постоянно расширяющегося при своей замкнутости преобразования человеком окружающей среды...

Виды техники. Мы различаем технику, производящую энергию, и технику, производящую продукты...

Техникой мы называем всякое оперирование материалами и силами природы для получения полезных вещей и эффектов. Лишь по аналогии говорят о технике при планомерных действиях другого рода в той мере, в какой они ведут к различного рода устройствам и к механической повторяемости; так, например, при организации человеческих отношений, деятельности институтов, попытках воздействовать на свое тело и душу.

Открытие и повторяющаяся работа. Техническими мы называем такие правила, которым можно учить, которые можно идентично передавать и применять. В качестве теории техника дает нам методы, целесообразные для достижения цели, т. е. такие, которые, во-первых, соответствуют данной вещи, во-вторых, позволяют не затрачивать лишних усилий и обращаться только к необходимому. Техника составляет совокупность открытых человеком приемов и действий, которые можно затем повторять в любом количестве сколько угодно раз.

Поэтому творческая деятельность, которая ведет к техническим открытиям, резко отличается от трудовых свершений, где однажды найденное лишь повторяется в процессе чисто количественного накопления...

Великий исторический перелом в развитии техники. Техника, как умение применять орудия труда, существует с тех пор, как существуют

люди... В великих культурах древности, особенно в западном мире, высокоразвитая механика позволила перевозить огромные тяжести, воздвигать здания, строить дороги и корабли, конструировать осадные и оборонительные машины.

Однако эта техника оставалась в рамках того, что было сравнительно соразмерно человеку, доступно его обзору... Все изменилось с конца XVIII в. Неверно, что в развитии техники никогда не было скачка. Именно тогда этот скачок произошел, охватив всю техническую сторону человеческой жизни в целом...

Подобное развитие техники стало возможным только на основе естественных наук на их современном уровне. Они дали нужное знание и открыли возможности, невысказанные в рамках прежней механики. Необходимой предпосылкой новой технической реальности стали в первую очередь электричество и химия...

Так началось на Западе техническое и экономическое наступление предпринимателей XIX в., в ходе которого прежнее ремесло исчезло, за небольшим исключением совершенно необходимых его отраслей, и каждый, кто совершал бесполезные в техническом смысле поступки, безжалостно уничтожался...

Таким образом, в возникновении современного технического мира неразрывно связаны между собой естественные науки, дух изобретательства и организация труда...

Оценка современной техники. В течение последних лет технику либо прославляли, либо взирали на нее с ужасом.

В XIX в. были изобретатели, обладавшие неудержимым творческим импульсом, были рабочие, ожесточенно уничтожавшие машины.

В первоначальном энтузиазме был заключен тот смысл, который сохранился до наших дней, и, по мнению Дессауэра, являет собой идею формирования окружающей среды, реализованной творческой способностью человека, который, подобно Богу, открыл вечные идеи творения и осуществил их в виде второй природы. В этом случае «дух техники» является уже не только средством, но и всеохватывающей реализацией изначально данной, подлинной и истинной среды человека. Вырастает некий самобытный мир. Техника – уже не только внешнее бытие, но возникшая в силу внутреннего решения сфера духовной жизни. При таком вдохновении кажется маловероятным, «что мощь, изменяющая мир, – не что иное, как средство выполнения чужих целей».

Если Дессауэр прав, то в настоящее время возникает совершенно новая среда, созданная человеком из самого духа техники. В кризисах нашего времени, когда рушатся прежние устои, эта среда, по мнению Дессауэра,

еще не нашла адекватной ей формы. Она являет себя в подступах, целое же на стадии этого творческого перехода представляется анархией и руинами. Быть может, полагает Дессауэр, в технике современного типа заключена идея новой человеческой среды и развитие техники не беспредельно, а направлено на некое завершение, которое окажется завершением нового типа, материальным базисом человеческого существования.

Этой точке зрения противостоит другая: развитие техники ведет не к освобождению от власти природы посредством господства над ней, а к разрушению, и не только природы, но и человека. Не знающее преград уничтожение всего живого ведет в конечном итоге к тотальному уничтожению. Ужас перед техникой, охватывавший уже в начальной стадии ее развития многих выдающихся людей, был прозрением истины.

Есть и третья, отличная от двух охарактеризованных здесь крайних точек зрения. Согласно этой точке зрения, техника нейтральная. Сама по себе она не является ни благом, ни злом, но может быть использована во благо и во зло. В ней самой отсутствует какая бы то ни было идея, будь то идея завершения, будь то inferнальная идея разрушения. То и другое имеет совсем иные истоки, коренится в человеке, и только это придает технике смысл.

В данный момент характерно уже то, что в Европе почти исчез прометеевский восторг перед техникой, хотя это и не парализовало дух изобретательства. Опасность, проистекающая из детской радости по поводу успехов техники, уже относится к прошлому или стала уделом примитивных народов, которые только теперь знакомятся с техникой и учатся пользоваться ею...

Отдаление от природы и новая близость к природе. Человек вырывается из своей изначальной «естественной» среды. Первым шагом очеловечения была совершенная самим человеком domestикация. И вплоть до последнего столетия она оставалась удобной, обозримой, действительной средой человека, некой целостностью. Теперь создается новая среда, в которой должна быть так или иначе воссоздана «естественная среда», уже зависимая и относительная, на принципиально иной основе.

В технической деятельности главное – это производить. Цель, а вместе с ней и техническая аппаратура является для сознания первостепенным: напротив, то, что дано природой, отступает во мрак. Природа, которую видит перед собой человек в своей технической деятельности, – это то механическое и познанное исследованием невидимое (например, электричество), которым я могу опосредованно оперировать в неизменных рамках механической среды...

Но техника не только приближает нас к познанной в физических категориях природе. Техника открывает перед нами новый мир и новые возможности существования в мире, а в этом мире – новую близость к природе.

А. Прежде всего, – красота технических изделий. Транспортные средства, машины, технические изделия повседневного пользования достигают совершенства своих форм. В техническом производстве в самом деле совершается рост и созидание второй природы. Возникает вопрос, в чем состоит красота удачно выполненного технического объекта. Не просто в целесообразности, но в том, что данная вещь полностью входит в человеческое бытие. И уж конечно, эта красота состоит не в чрезмерно богатом орнаменте и излишних украшениях – напротив, они кажутся скорее некрасивыми, – но в чем-то таком, что позволяет ощутить в совершенной целесообразности предмета необходимость природы, необходимость, которая сначала отчетливо проступает в творении человеческих рук, а затем улавливается в бессознательном созидании жизни (в структурах животного организма и растений). Эти присущие самой вещи решения открываются как бы в стремлении следовать вечным, изначально данным формам.

Б. Далее техника создает огромное расширение реального видения. Благодаря ей и малом и великом становится зримым то, что скрыто от непосредственного восприятия человека. Микроскоп и телескоп не существуют в природе, но они открывают перед нами совершенно новый мир природы. Благодаря транспортным средствам, техника делает человека едва ли не вездесущим, он может продвигаться по всем направлениям – если ему не препятствует в этом государство, война или политика – и на месте вникнуть в то, что может быть познано, увидено, услышано.

Теперь перед человеком у него дома встает в образах и звуках то, что раньше воспринималось в недостаточно отчетливых, ложных представлениях, что казалось скудным и фантастическим или вообще находилось вне сферы знания. Граммофон, фильм сохраняют в памяти то, что когда-либо происходило. Возможность наблюдения бесконечно расширяется во всех направлениях и достигает немыслимой ранее тонкости.

В. И наконец, складывается новое мироощущение. Наше пространственное ощущение расширилось с появлением современных средств и сообщений до пределов нашей планеты. Перед нашими глазами глобус, наполненный ежедневными сообщениями отовсюду. Реальное переплетение сил и интересов на земном шаре делает его замкнутой целостностью.

В техническом мире для человека существуют, следовательно, новые возможности, специфическое удовольствие от достижений техники, расширение, благодаря технике знаний о мире, присутствие всей планеты

и всех элементов существования в конкретном опыте, переход к легко реализуемому господству над материей, чтобы тем самым прийти к чистому опыту в сфере возвышенного. Однако на сегодняшний день все это еще редкое исключение.

Новая близость к природе требует от человека, помимо умения, еще и суверенной способности слой своего созерцания создавать в этой чуждой природе сфере из непосредственно не существующего целого некое безусловное присутствие. Здесь все решает дух.

Значительно более частое явление – погружение в бессмысленное существование, пустое функционирование в виде части механизма, отчуждение в автоматичности, утрата собственной сущности в стремлении рассеяться, рост бессознательности и в качестве единственного выхода – возбуждение нервной системы.

Неверное представление о границах техники. Оценка техники зависит от того, что от нее ждут. Отчетливость такой оценки предполагает отчетливое представление о границах техники...

...Однако широта технических возможностей не должна вводить нас в заблуждение по поводу границ техники. Границы ее заключены в не подчиняющихся нашему господству предпосылках всех технических осуществлений.

Техника – средство, которое должно направляться определенным образом. В раю техники быть не может. Техника служит освобождению от нужды, которая заставляет человека посредством труда поддерживать свое физическое существование и позволяет ему, освободив его от бремени нужды, расширять свое существование до беспредельности создаваемой им среды.

Техническое созидание, технические открытия находятся на службе человеческих потребностей, направляются ими и поэтому оцениваются в зависимости от их полезности...

Граница техники в том, что она не может быть сама по себе, для себя, но всегда остается средством. Поэтому она двойственна. Поскольку техника сама не ставит перед собой целей, она находится по ту сторону добра и зла или предшествует им. Она может служить во благо или во зло людям. Она сама по себе нейтральна и противостоит тому и другому. Именно поэтому ее следует направлять.

...Направленность техники не может быть выведена из самой техники, ее следует искать в осознанном этосе. Человек должен сам найти путь к управлению техникой. Он должен отчетливо уяснить себе свои потребности, проверить их и определить их иерархию.

Техника господствует только над механизмом, над безжизненным, универсальным. Во власти техники всегда лишь механически постигаемое. Она преобразует свой предмет в механизм, а тем самым в аппарат и машину. Перед лицом неожиданно грандиозных возможностей может показаться, что в техническом отношении все выполнимо. Тогда возникает обманчивая уверенность в том, что все может быть сделано. Подобная абсолютизация техники связана с непониманием действительности, которая во всех случаях требует чего-то большего, чем голая техника, и хотя во всякой деятельности техника служит необходимой предпосылкой, механизм составляет как бы только костяк...

Техника ограничена тем, что она заключена в сфере безжизненного. Рассудок, господствующий над технической деятельностью, соразмерен лишь безжизненному, механическому в самом широком смысле этого слова. Поэтому воздействовать на живое техника может лишь в том случае, если она оперирует им как чем-то превратившимся в неживое; именно так обстоит дело в агрохимии, в современном животноводстве, где для получения наибольшего урожая и т. п. используют гормоны и витамины...

То, что создается техникой, носит универсальный, а не индивидуальный характер. Техника, правда, может быть использована для создания какого-либо единичного творения в рамках исторического процесса созидания. Однако техника, как таковая, нацелена на типичность и массовую продукцию. То обстоятельство, что границей техники является ее связь с универсальным, возможность ее приложения повсюду, делает ее доступным всем народам. Она не связана с какими бы то ни было культурными предпосылками. Поэтому техника сама по себе – нечто лишнее выражения, безличное, бесчеловечное. Будучи создана рассудком, она по самому своему характеру ограничена сферой одинакового повсюду рассудка, хотя в «духе» открытия и в отдельных формах всегда ощущается нечто большее, чем только техника.

Техника всегда связана с материалом и силами, которые ограничены. Техника нуждается в материале и в силах, которыми она оперирует. Поскольку то и другое дано человеку в ограниченном количестве – уголь, нефть, руда, – техника использует то, что восстановить она уже не может. Наступит день, когда этот материал будет исчерпан, если не откроют новых источников энергии...

Если же все необходимые виды энергии окажутся исчерпаны, то эпоха техники будет, правда, завершена, однако человеческое существование тем самым не прекратится. Количество людей опять значительно уменьшится, и люди окажутся опять в тех условиях, которые существовали в прежние исторические эпохи, без угля и без нефти, без современной техники.

Техника связана с людьми, которые реализуют ее своим трудом. Люди должны хотеть служить технике, быть готовыми к этому. То, что человек требует в силу самой своей природы, становится решающим, когда достигается граница, за пределами которой он отказывается жить или, рискуя жизнью, восстает. Тогда либо нарушается действие технического механизма, либо самый механизм разрушается или преобразуется в условиях, поставленных человеческой природой как таковой.

Может быть, техника ограничена в своих открытиях возможной целью и ее характер определен ее концом. Время от времени делаются новые великие открытия; вопреки видимости, что завершение нашего познания уже произошло, они показывали относительность этого завершения и вели к дальнейшим открытиям, о возможности которых раньше и не подозревали и для которых прежние открытия служили предпосылками... До сих пор техническое развитие в целом являет собой все ускоряющийся, бурный процесс, который идет уже более полутора веков... нас нет никаких доказательств того, что технические открытия завершены, что они достигли своего предела...

Обнаружение демонического характера техники. Слово «демонизм» не должно указывать на какое-либо воздействие демонов. Демонов не существует. Слово это указывает на нечто созданное людьми, но созданное ими непреднамеренно; на нечто подавляющее, оказывающее последующее воздействие на все их существование; противостоящее им, не постигнутое ими, как бы происходящее на заднем плане, нераскрытое...

Техническое мышление распространяется на все сферы человеческой деятельности. Совершающееся преобразование распространяется и на науку; очевидным свидетельством этого является технизация медицины, индустриализация исследования природы, организационные меры, направленные на создание для все большего числа наук своего рода предприятий. Это необходимо для достижения намеченного успеха...

Механизм техники может оказывать на людей в массе совсем иное давление, чем это было возможно прежде. Так, например, если исчерпывающие сведения вначале давали людям духовное освобождение, то теперь распространение информации обратилось в господство над людьми посредством контролируемых сведений. Воля государства может при современных средствах сообщения охватить самые отдаленные области и в любую минуту заявить о себе в каждом доме...

* * *

Несомненно одно: техника направлена на то, чтобы в ходе преобразования всей трудовой деятельности человека преобразовать и самого человека. Человек уже не может освободиться от воздействия созданной им техники. И совершенно очевидно, что в технике заключены не только безграничные возможности, но и безграничные опасности.

Техника стала ни от кого не зависимой, все за собой увлекающей силой. Человек подпал под ее власть, не заметив, что это произошло и как это произошло... Да и кто может в наши дни сказать, что он проник в сущность этого процесса? Между тем демонизм техники может быть преодолен только посредством подобного проникновения. И, быть может, все те беды, которые связаны с техникой, когда-нибудь будут подчинены власти человека...» [25].

Вопросы для самопроверки

1. Какое определение дает К. Ясперс технике? Какими характеристиками он ее наделяет?
2. Какую ценность представляет техника в культуре?
3. Что понимает К. Ясперс под демонизмом техники?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретации культуры: Международный университет природы, общества и человека «Дубна». – URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/phil_ant_cult2 (дата обращения: 15.04.2021). – Текст : электронный.
2. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
3. Гуревич, П. С. Культурология : учебное пособие / П. С. Гуревич. – Москва : Гардарики, 2011. – 448 с.
4. Кармин, А. С. Основы культурологии: морфология культуры / А. С. Кармин. – Санкт-Петербург : ЛАНЬ, 2001. – 230 с.
5. Теория культуры : учебное пособие / Под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 592 с.
6. Культурология : учебник для студентов технических вузов / Н. Г. Багдасарьян и др. – Москва : Высшая школа, 2004. – 709 с.
7. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; пер. с фр. В. В. Иванова. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
8. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – Москва : Прогресс, 1992. – 237 с.
9. Мамонтов, А. С. Культурология : учебное пособие / А. С. Мамонтов, С. П. Мамонтов. – Москва : Гардарики, 2005. – 335 с.
10. Маркова, А. Н. Культурология в схемах и определениях / А. Н. Маркова. – Москва : Проспект, 2012. – 464 с.
11. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика : Антология. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 638 с. – 269 с.
12. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 269 с.
13. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – Москва : Республика, 1998. – 413 с.
14. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор. – Москва : Политиздат, 1989. – 573 с.
15. Тойнби, А. Дж. Унификация мира и изменение исторической перспективы / А. Дж. Тойнби // Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. – Москва : АСТ : Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318 с.
16. Фрейд, З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. – Санкт-Петербург : Алетей, 1997. – 221 с.

17. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 503 с.
18. Хейзинга, Й. Homo Ludens: опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хейзинга. – Москва : Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 300 с.
19. Хрестоматия по культурологии : учебное пособие / Отв. ред. Г. В. Драч. – 2-е изд., перераб. – Ростов-на-Дону : Феникс; Москва : Московские учебники, 2005. – 619 с.
20. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1993. – 663 с.
21. Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер // Культурология. XX век : Антология. – Москва : Юрист, 1995. – 701 с.
22. Шпет, Г. Г. Искусство как вид знания: избранные труды по философии культуры / Г. Г. Шпет. – Москва : Русская политическая энциклопедия, 2007. – 712 с.
23. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – Москва : Ренессанс, 1991. – 297 с.
24. Якобсон Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика / Сост., вступ. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова; под ред. Н. Н. Попова. – Москва : Радуга, 1983. – 702 с.
25. Ясперс, К. Смысл и назначение истории : сборник / К. Ясперс. – Москва : Республика, 1994. – 527 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ	4
Глава 1. Культурология как наука	4
1.1. Предмет и задачи культурологии	4
1.2. Становление культурологии как науки	4
1.3. Структура культурологии	5
1.4. Методы культурологических исследований	6
Глава 2. Культура в рамках культурологии	8
2.1. Понятие «культура»	8
2.2. Формирование понятия «культура» в истории философской мысли.....	8
2.3. Основные научные школы в культурологии	9
2.4. Культура как мир человека	11
Глава 3. Культурогенез и его концепции	12
3.1. Понятие «культурогенез»	12
3.2. Основные теории культурогенеза	12
Глава 4. Типология культуры	14
4.1. Понятия «тип», «типология»	14
4.2. Историческая типология культуры	15
4.3. Этнический и национальный тип культур	15
4.4. Цивилизационный критерий в типологии культур	16
4.5. Современные типы культур	17
Глава 5. Символы, знаки и языки культуры.....	19
5.1. Сущность языка культуры	19
5.2. Классификация языков культуры	21
5.3. Понятие «текст» в культурологии	22
Глава 6. Культура и личность. Социализация и инкультурация	24
6.1. Человек как объект и субъект культуры	24
6.2. Понятия «индивид», «индивидуальность», «личность»	24
6.3. Процессы формирования личности: инкультурация и социализация...	25

Глава 7. Культура и социальный идеал. Культурная картина мира	28
7.1. Идеал, образ, образец	28
7.2. Образ – идеал и образ – идол	28
7.3. Творческая природа идеала	29
7.4. Типы отношения к «чужим» ценностям	30
Глава 8. Природа и культура	31
8.1. Культура и природа как две формы бытия	31
8.2. Влияние природы на культуру	33
8.3. Влияние культуры на природу	33
8.4. Экологический кризис	34
Глава 9. Культура и глобальные проблемы современности	35
9.1. Понятие о глобальных проблемах	35
9.2. Основные глобальные проблемы современности	35
9.3. Основные пути решения глобальных проблем	37
Глава 10. Религия и наука в контексте культуры	39
10.1. Понятия «религия» и «наука»	39
10.2. Взаимоотношение религии и науки	39
10.3. Единство и различие науки и религии	40
Глава 11. Искусство как феномен культуры	43
11.1. Понятие «искусство»	43
11.2. Гипотезы генезиса искусства	43
11.3. Социокультурные смыслы искусства	44
11.4. Критерии искусства	45
Глава 12. Техника как социокультурное явление	49
12.1. Понятие «техника»	49
12.2. Социокультурные смыслы техники	49
12.3. Взаимоотношения «человек – техника» в культуре	50
ХРЕСТОМАТИЯ ПО КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЧЕРЕЗ	
ТЕКСТЫ)	52
Тексты к главе 1 «Культурология как наука»	52
Текст к главе 2 «Культура в рамках культурологии»	55

Тексты к главе 3 «Культурогенез и его концепции»	60
Тексты к главе 4 «Типология культуры»	65
Тексты к главе 5 «Символы, знаки и языки культуры»	76
Тексты к главе 6 «Культура и личность. Социализация и инкультурация».....	80
Текст к главе 7 «Культура и социальный идеал. Культурная картина мира»	84
Текст к главе 8 «Природа и культура»	85
Текст к главе 9 «Культура и глобальные проблемы современности». ...	88
Тексты к главе 10 «Религия и наука в контексте культуры»	92
Тексты к главе 11 «Искусство как феномен культуры»	99
Тексты к главе 12 «Техника как социокультурное явление»	106
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	121

Учебное издание

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

ЧАСТЬ I. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

Составитель Слесаренко Зарина Ринатовна

Кафедра истории и педагогики КГЭУ

Редактор *М. С. Беркутова*
Компьютерная верстка *Т. И. Лунченковой*

Подписано в печать 17.06.2021. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 7,32. Уч.-изд. л. 6,67. Заказ № 342/эл.

Редакционно-издательский отдел КГЭУ,
420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51